Ю. В. Арсеньевъ.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОКЪ

ПОСОЛЬСТВА Н. СПАѲАРІЯ

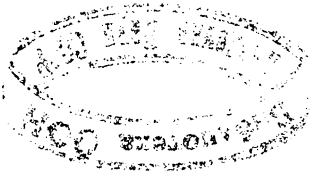
ВЪ

КИТАЙ

(1675—1678 гг.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. И. Сойкина, Стремянная, 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Археологическаго Института.
Директоръ *Н. Покровскій.*



173
37

Отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстника Арх. и Исторіи“, вып. XVII.

Статейный списокъ посольства Н. Спаѳарія въ Китай.

(1675—1678 гг.).

I.

Посольство въ Китай Николая Гавриловича Спаѳарія въ 1675—78 гг. составляетъ, безъ сомнѣнія, выдающееся событіе въ исторіи распространенія русскаго господства въ Восточной Азіи. Оно важно не столько по дипломатическимъ своимъ результатамъ, сколько по доставленнымъ имъ богатымъ матеріаламъ по землевѣдѣнію Сибири и сосѣднихъ съ нею странъ Азіи. Въ этомъ смыслѣ оно, такъ сказать, подвело итоги всѣмъ бывшимъ до того времени экспедиціямъ сибирскихъ землепроходцевъ.

Распространеніе русскихъ владѣній на Амурѣ, уже успѣвшее вызвать нежелательныя для московскаго правительства столкновенія съ могущественнымъ сосѣднимъ Китайскимъ государствомъ, было главною побудительною причиною отправленія посольства Спаѳарія. Бывшія до того времени пересылки съ Китаемъ, преслѣдуя исключительно торговыя цѣли, поручались лицамъ низшаго служилаго сословія, какъ, напр., тобольскому сыну боярскому Байкову [1]), а нерѣдко отправлялись и непосредственно сибирскими воеводами и даже начальниками пограничныхъ остроговъ, что не могло не отзываться неблагопріятнымъ образомъ на сосѣдскихъ отношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ на Амурѣ. Предпріимчивые сибирскіе казаки-землепроходцы продолжали расширять свои разъѣзды «для пріисканія новыхъ землицъ и приведенія ихъ въ Государевъ

[1]) Ѳедоръ Байковъ отправленъ былъ изъ Москвы въ Китай гонцомъ съ царскою грамотою къ китайскому богдыхану въ 1653 году „*для Государева торговаго промысла*“. Посланъ онъ былъ изъ Приказа Большой Казны въ сопровожденіи цѣловальниковъ. Будучи самъ безграмотнымъ и не имѣвъ при себѣ писцовъ, онъ не могъ исполнить болѣе сложныхъ порученій Посольскаго приказа, каковыя на него и не возлагались. См. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.* Дипломат. собр. дѣлъ между Россіей и Китаемъ. Казань 1862, стр. 8—11.

Ясачный платежъ», не стѣсняясь при этомъ переходить и границы китайскихъ владѣній. Пограничные воеводы, которымъ поручалось московскимъ правительствомъ улаживать возникавшія отсюда столкновенія, дѣйствовали въ такихъ случаяхъ неумѣло и не имѣя яснаго понятія о точныхъ границахъ ввѣренныхъ ихъ управленію новыхъ русскихъ владѣній. Любопытны въ этомъ отношеніи обстоятельства отправленія въ Китайское государство нерчинскихъ казаковъ Игнатія Милованова съ товарищами. Они посланы были изъ Нерчинска въ 1671 году воеводою Даниломъ Аршинскимъ для улаженія недоразумѣнія съ китайскимъ правительствомъ, возникшаго по поводу перехода въ русское подданство тунгузскаго князя Гантимура съ его племенемъ [1]). При этомъ, какъ сообщалъ Аршинскій въ Москву, имъ дана была казакамъ «память съ Государева наказу, каковъ данъ былъ Аѳанасью Пашкову». Изъ этого наказа Аршинскій вывелъ совершенно произвольное заключеніе, будто бы московское правительство имѣетъ намѣреніе чрезъ сибирскихъ воеводъ призывать самого Богдыхана въ русское подданство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобнаго смысла упомянутый наказъ имѣть не могъ; тѣмъ не менѣе Аршинскій не усомнился дать столь несбыточное порученіе Милованову, грозившее по своей неумѣстности нарушить добрыя отношенія съ сосѣднимъ Китаемъ. Бантышъ-Каменскій приводитъ содержаніе означенной наказной памяти Аршинскаго Милованову и при этомъ замѣчаетъ, что подлиннаго Государева наказа къ Аѳанасію Пашкову, на который ссылался Аршинскій, нигдѣ въ дѣлахъ Китайскихъ не сыскано. «Столь гордый дворъ, каковъ китайскій», замѣчаетъ Бантышъ-Каменскій, «могъ ли спокойнымъ духомъ слышать призывъ въ подданство, да еще не отъ Царя, но отъ его подданнаго учиненный, и могъ ли Богдыханъ посланныхъ съ такимъ жестокимъ предложеніемъ принять, угостить и отпустить съ честію? Кажется, что или боялись китайскіе министры доложить о сей наказной памяти Богдыхану, или при переводѣ оной утаили езуиты огорчительное оной выраженіе» [2])... Какъ бы то ни было, неумѣлый образъ дѣйствій Аршинскаго имѣлъ послѣдствіемъ его смѣну съ воеводства, а недоразумѣніе съ китайскимъ правительствомъ

---

[1]) Тамъ же стр. 14. См. также нашу замѣтку: „Родъ князей Гантимуровыхъ“. М. 1904.

[2]) *Бантышъ-Каменскій* l. c. стр. 19, 20. Совершенно иначе повѣствуетъ о посылкѣ Игнатія Милованова *Словцовъ* (Истор. обозр. Сибири, изд. 1886 г.). „Въ 1672 г., говоритъ онъ, пограничное манчжурское начальство убѣдило нерчинскаго воеводу Аршинскаго послать кого-нибудь въ Пекинъ изъ уваженія сосѣдства, и были посланы изъ казаковъ Милованов и Кобяковъ съ товарищами, приняты благосклонно и одарены“.

по поводу перехода въ русское подданство Гантимура послужило ближайшимъ поводомъ отправленія въ Китай посольства Спаѳарія. «Россійскій дворъ, говоритъ Бантышъ-Каменскій, притворяясь невѣдѣніемъ, какъ о Гантимурѣ, такъ и о распространеніи около Амура селеній, повелѣлъ готовить въ Китай посольство, не столько по коммерческимъ видамъ, *сколько для обстоятельнѣйшаго описанія странъ, къ Россіи прикосновенныхъ*» [1]).

Выборъ посланникомъ служившаго до тѣхъ поръ переводчикомъ въ Посольскомъ приказѣ молдавскаго выходца Николая Гавриловича Спаѳарія (Милеску) слѣдуетъ приписать тогдашнему начальнику Посольскаго приказа и вліятельному совѣтнику царя Алексѣя Михайловича боярину А. С. Матвѣеву. Спаѳарій, помимо отношеній подчиненнаго къ начальнику, былъ особенно близкимъ человѣкомъ къ Матвѣеву, который умѣлъ оцѣнить его чрезвычайно многостороннее и рѣдкое по тому времени образованіе и поручилъ ему обученіе своего сына Андрея древнимъ языкамъ. Боярин Матвѣевъ является главнымъ руководителемъ снаряжавшагося въ 1675 г. въ Москвѣ посольства къ китайскому богдыхану Кан-Си. Это усматривается между прочимъ изъ собственноручныхъ помѣтъ Матвѣева на данныхъ Спаѳарію официальныхъ наказахъ. Сохранившіеся архивные акты знакомятъ насъ довольно обстоятельно съ подготовительною работою Посольскаго приказа по снаряженію этого перваго официальнаго посольства отъ Русскаго Царя къ Сыну Неба [2]). Даровитый и образованный представитель до-Петровской дипломатіи, каковымъ нельзя не признать Спаѳарія, отнесся вполнѣ добросовѣстно къ возложенному на него важному порученію и можно сказать, что весь длинный путь посольства отъ Москвы до Пекина былъ совершенъ имъ съ вниманіемъ и наблюдательностью, достойными современнаго изслѣдователя. При укоренившихся въ Московской Руси XVII вѣка порядкахъ мѣстничества только непосредственному вліянію самого Матвѣева можно приписать назначеніе царскимъ посланникомъ (съ правомъ именоваться и посломъ) иноземнаго выходца, занимавшаго въ служебной московской іерархіи весьма скромное мѣсто простого переводчика. Насколько такое выдающееся назначеніе Спаѳарія создало ему въ Москвѣ завистниковъ и недоброжелателей можно заключить изъ того, какъ плохо отблагодарило его по возвращеніи въ Москву въ 1678 году правительство за понесенные имъ труды

[1]) *Бантышъ-Каменскій*, стр. 23—36.

[2]) Часть этихъ актовъ напечатана была нами въ приложеніяхъ нашего изданія Путевого дневника Н. Спаѳарія отъ Тобольска до границъ Китая въ Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по отд. Этнографіи т. X, вып. 1, а также въ Извѣстіяхъ Оренбургск. отдѣла Имп. Р. Геогр. Общ. 1896 вып. 10-й.—Ср. также *Ю. Арсеньевъ*. Новыя данныя о службѣ Н. Спаѳарія въ Россіи въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1900, стр. 17.

*

и плодотворные результаты его путешествія для землевѣдѣнія Сибири. Въ то время единственный его покровитель Матвѣевъ при новомъ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ подвергся незаслуженной опалѣ по проискамъ Милославскихъ и находился ужъ въ ссылкѣ. Близость Спаѳарія къ опальному боярину, конечно, не могла не отразиться на его служебномъ положеніи. Въ Москвѣ ему пришлось отвѣчать по многочисленнымъ обвиненіямъ, взведеннымъ на него подчиненными и другими лицами: его обвиняли въ неумѣніи вести посольскія дѣла, въ превышеніи власти и другихъ злоупотребленіяхъ. Отъ всѣхъ этихъ обвиненій ему удалось оправдаться, послѣ чего онъ былъ снова зачисленъ на прежнюю должность переводчика Посольскаго приказа, въ которой онъ и оставался до самой своей смерти въ 1708 году [1]).

Не останавливаясь здѣсь на историческихъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ посольствомъ Спаѳарія въ Китай, скажемъ здѣсь лишь нѣсколько словъ о географическихъ его результатахъ. Спаѳарій первый обстоятельно ознакомилъ московское правительство съ новыми русскими владѣніями въ Забайкальѣ и на Амурѣ, представивъ при возвращеніи своемъ въ Москву подробнѣйшее описаніе своего путешествія чрезъ Сибирь отъ Тобольска до границы Китая, (которою въ то время признавался Хиньганскій хребетъ, при вершинѣ рѣчки Улучи). Это описаніе составило особую книгу, озаглавленную: «*Книга, а въ ней писано путешествіе царства Сибирскаго отъ города Тобольска и до самаго рубежа государства Китайскаго, лѣта 7183*» [2]). Свое описаніе путешествія по Сибири Спаѳарій заключаетъ слѣдующими словами: «Генваря въ 13-й день (1676 г.) встрѣтились съ нашими посланными людьми, а съ ними китайскіе жъ люди были. И какъ встрѣтили, и какъ пріѣхали, и что говорили, о томъ о всемъ написано *въ своемъ мѣстѣ въ Китайской книгѣ*». Обо всемъ этомъ подробно говорится въ издаваемомъ нами здѣсь статейномъ спискѣ Спаѳарія, и такимъ образомъ подъ *Китайскою книгою* слѣдуетъ разумѣть этотъ статейный списокъ, дополняющій собою книгу сибирскаго путешествія. Поэтому о пути по Сибири въ статейномъ спискѣ говорится довольно кратко, какъ уже описанномъ подробно, въ формѣ дневника, въ вышеупомянутой особой книгѣ [3]). Зато дальнѣйшій

---

[1]) *Ю. Арсеньевъ.* Новыя данныя о службѣ Н. Спаѳарія въ Россіи, стр. 30.

[2]) Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. Этногр., т. X, вып. 1.

[3]) Срав. *Н. И. Михайловскій.* Важнѣйшіе труды Николая Спаѳарія. Кіевъ 1897. Во избѣжаніе повтореній, мы опускаемъ описаніе пути Спаѳаріева посольства чрезъ Сибирь въ издаваемомъ статейномъ спискѣ, отсылая интересующихся этою частью путешествія къ изданному нами тексту въ Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. X. в. 1.

путь за рубежемъ описанъ въ статейномъ спискѣ весьма подробно, причемъ, согласно полученному Спаѳаріемъ наказу, обращается вниманіе и на встрѣчавшіяся рѣки, (ихъ направленіе, характеръ береговъ и окружающей мѣстности), и на города и другія поселенія, а также и на характеръ населенія тѣхъ странъ. Затѣмъ особенно подробно, конечно, говорится о пріемахъ посольства китайцами, передаются всѣ переговоры и споры, въ которые приходилось вступать послу, разговоры съ іезуитами и другими лицами. Нѣкоторые листы статейнаго списка, равно какъ и конецъ, къ сожалѣнію утрачены [1]).

Замѣтимъ, что описанный Спаѳаріемъ путь посольства чрезъ Манчжурію и далѣе до Пекина дополняетъ весьма многими цѣнными подробностями позднѣйшія описанія того же пути, пройденнаго въ 1697 г. Избрандомъ Идесомъ, а въ 1732 и 1736 гг. извѣстнымъ русскимъ агентомъ Лоренцомъ Ланге [2]).

Статейный списокъ Спаѳарія и дополняющее его особое сочиненіе о Китаѣ, которое до сего времени еще остается неизданнымъ, долго служилъ не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ источникомъ для ознакомленія съ предѣльными Россіи частями Китая. Іезуитъ Филиппъ Авриль, посѣтившій Москву въ 1685 г. съ цѣлью выхлопотать себѣ позволеніе на проѣздъ въ Китай чрезъ Сибирь, получилъ въ московскихъ приказахъ свѣдѣнія о дорогахъ въ Китай, несомнѣнно взятыя изъ сочиненія Спаѳарія. Въ изданной впослѣдствіи Аврилемъ книгѣ подъ заглавіемъ: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris. 1692“, кромѣ описанія путей, почти буквально взятыхъ изъ Спаѳаріева описанія Китая (въ сокращеніи), приложена карта, тоже скопированная вѣроятно съ Спаѳаріева оригинала въ московскомъ приказѣ. Такое предположеніе, высказанное проф. Флоринскимъ, находитъ подтвержденіе въ архивномъ извѣстіи. Въ Китайскихъ дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. д. мы встрѣтили указаніе, что Спаѳарій при возвращеніи своемъ въ Москву дѣйствительно представилъ въ Посольскій приказъ: «Китайскому государству описаніе въ особой книгѣ, о всѣхъ вещахъ и обычаяхъ, *и чертежъ*». Нельзя не сожалѣть объ утратѣ этого любопытнаго памятника нашей древней картографіи.

Юрій Арсеньевъ.

---

[1]) Издаемъ его здѣсь по подлиннику Моск. Архива М. Ин. д. *Книга Китайскаго Двора № 4.*

[2]) Ср. Дорожн. замѣтки по Монголіи арх. Палладія съ введеніемъ д-ра *Бретшнейдера* Спб., 1892, стр. 6—7.

II.

Лѣта 7183-го, февраля въ 20-й день великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великия и малыя и бѣлыя Россіі самодержецъ указалъ быть на своей великаго государя службе въ послѣхъ съ своею великаго государя любительною грамотою у Китайского Бугды-хана Николаю Гавриловичю Спафарію.

Да съ нимъ велено быть въ дворянехъ изъ иноземского списку Федору Павлову, Костянтину Гречанину, да для письма Посольского приказу подъячимъ Никиѳору Венюкову, Ивану Фаворову.

Да для изыскивания тамошнихъ лекарствъ и всякого коренья изъ Оптеки лѣкарь и алхимистъ Яганъ, и тотъ лѣкарь великого государя у руки былъ, а после того заскорбѣлъ и остался на Москвѣ, а вмѣсто ево взятъ былъ для знатия каменья гречанинъ Спирядонъ Евстаѳьевъ, а для лекарства гречанинъ Иванъ Юрьевъ.

Великого Государя Его Царского Величества у руки были въ передней ѳевраля въ 25-й день.

Съ Москвы поѣхали марта въ 3-й день, а ѣхали на Переславль Залѣской, на Ростовъ, на Ярославль, на Вологду, на Устюгъ Великій и къ Соли Вычегоцкой, на Кайгородокъ, къ Соли Камской, отъ Соли Камской Сибирскими городами на Верхотурье, на Туринской острогъ, на Тюмень, съ Тюмени въ Тоболескъ.

Въ Тоболескъ пріѣхали марта въ 30-й день, і въ Тобольску боярину и воеводамъ Петру Михайловичю Салтыкову съ товарыщи объ скоромъ отпуске своемъ въ Китайское государство и объ иныхъ дѣлехъ, которые къ тому отпуску належатъ, великого государя грамоту подалъ тогожъ числа. И бояринъ и воевода Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ товарыщи, по грамотѣ великого государя собравъ Тобольскихъ служилыхъ людей, которые были въ Китайскомъ государстве изъ детей боярскихъ и служилыхъ і иноземцовъ, татаръ и бухарцовъ, которые прежде того были съ Федоромъ Байковымъ и съ Сеитъ-куломъ спрашивалъ, на которые мѣста ему Николаю съ Тобольска ѣхать въ Китайское государство прямѣе и податнѣе и чтобъ проѣхать отъ Калмыковъ безопасно. И тобольские жители сказали, что тотъ путь, которымъ ѣхали они съ Ѳедоромъ Байковымъ и съ Сеитъ-куломъ, хотя де въ то время была нужда великая и путь не прямой для скудости и прокормления ихъ и лошадей, и для степи и безводного мѣста, однакожде путь ихъ былъ безопасенъ. А ныне слышали они подлинно, что у мѣлкихъ калмыцкихъ тайшей вчалась война великая и въ прошломъ году грабили и убивали многие тысящи торговыхъ людей и пословъ калмыцкихъ, которые отпущены были въ прошлыхъ годѣхъ отъ великого государя съ Москвы, какъ о томъ пи-

салъ уже дважды въ нынешнемъ году къ боярину і воеводамъ къ П. М. Салтыкову съ товарыщи письменой голова изъ Барабинской волости, и для того тотъ путь ныне зѣло опасенъ, а естьлибъ де и опасения не было, однакожде путь самой дальней и нужной, п. ч. и Ѳедоръ Байковъ и Сеиткулъ ходили по 3 года, только де прямой путь и безопасный водою до Енисѣйскаго, и на Селенгинской острогъ, и всего будетъ до Китайскаго государства ѣзды 4 мѣсяца. А какъ тотъ путь на мѣре положенъ, куды ѣхать въ Китайское государство и объ иныхъ дѣлехъ, которые належатъ къ тому пути, къ великому государю изъ Тобольска отписка писана.

Въ грамотахъ Китайскихъ хановъ написано:

Въ 1-й: «Вали Китайскій царь, изъ Руси де пріѣхали два человѣка и Валли Китайскій царь, говорилъ имъ русскимъ людемъ, что съ торгомъ приходите и торгуйте и выходите и опять приходите. На семъ свѣте ты, великій государь и я, царь не малъ, чтобъ межъ нами дорога была чиста сверху и снизу ѣздите и что самое доброе привозите, и я противъ того камками добрыми пожалую васъ, и вы назадъ поѣдете и коли опять сюды пріѣдете, и какъ отъ великого государя люди будутъ, и мнѣ бы отъ него великого государя листъ привезли, и противъ твоего листа и я буду листъ посылать. И какъ листы будутъ отъ васъ, и я съ великою честию велю принять и людей взять, а мнѣ къ вамъ великому государю своихъ пословъ послать нельзѣ, что путь дальней и языка не знаютъ, и отъ меня ныне къ вамъ великому государю челобитье, и бью челомъ тебѣ великому государю, только бы къ тебѣ великому государю моимъ посломъ путь былъ, и я бы къ вамъ присылалъ своихъ пословъ, и я по своей вѣре царь ни самъ изъ государства (своего) не выѣзжаю и пословъ своихъ и торговыхъ людей не выпущаю».

А какъ тотъ листъ писанъ, и тому 56 лѣтъ.

Во 2-й грамоте пишетъ китайскаго Ваилила хана сынъ Джуханди:

«При моемъ отцѣ отъ великого государя торговые люди приходили торговать, а ныне отъ великого государя торговые люди ко мнѣ не ходятъ. А какъ при моемъ отцѣ великого государя люди приходили, и солнце видали, а ныне при мнѣ не ходятъ. Твои люди какъ ко мнѣ придутъ, и они столь свѣтлы будутъ, какъ на небеси мѣсяцъ, а какъ твои люди приходить будутъ, и мнѣ радостно будетъ и жаловать стану. Мнѣ ты привезъ два рога лосиные, и я тебѣ далъ противъ того семьсотъ камокъ, и ты мнѣ самое доброе привези, и я стану тебя и свыше дарить, и къ великому государю послалъ и забисъ каменя здѣланы 32 чашки. И твои великого государя послы ко мнѣ приходили 3 человѣка, и я тѣхъ твоихъ великого государя пословъ изъ своего государства до большой реки велѣлъ проводить съ честию и послалъ ихъ проводить днище съ 3000 человѣки».

А какъ тотъ листъ писанъ, тому 26 лѣтъ.

3-я грамота отъ бугдыхана 17 лѣтъ, а въ печатѣхъ написано въ одной 16, а въ другой 15 лѣтъ.

4-я грамота отъ бугдыхана какъ писана, тому 5-й годъ, а та грамота прислана съ Даниломъ Аршинскимъ.

А въ тѣхъ двухъ листахъ, которой полной переводъ не умѣлъ перевесть, къ великому государю пишутъ, чтобъ великой государь изволилъ къ нимъ присылать по часту пословъ своихъ, и что онъ великій государь отъ нихъ желаетъ, и они великому государю служить рады что у нихъ сыщется.

А после отпуску къ великому государю отписки къ Москве апрѣля въ 18-й день по указу вел. государя и по грамоте изъ Посольского и изъ Сибирского приказу въ Тобольску бояринъ и воевода Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ товарыщи выбралъ тобольскихъ дѣтей боярскихъ 6 человѣкъ, Саву Жамотина, Макарья Галасѣина, Ивана Протопопова, Івана Почакунина, Івана Непрпасова, Бориса Лашкина.

Да шесть кречатовъ съ челики кречатьи по росписи, какова дана изъ приказные избы, принялъ съ росписью, да шесть человѣкъ помошниковъ кречатьихъ, да на кормъ кречатовъ на с дней по 2 де. на день, итого 12 рублевъ.

Да сорокъ человѣкъ провожатыхъ казаковъ Литовского списку двадцать человѣкъ, конныхъ казаковъ шестнадцать человѣкъ, новокрещеного списку четыре человѣка.

Да сверхъ тѣхъ сорока человѣкъ, взятъ конной казакъ Григорей Кобяковъ, который былъ прежъ сего въ Китайскомъ государствѣ изъ Нерчинского острогу отпущенъ отъ Данила Аршинского, для того что онъ путь знаетъ.

Да для толмачества колмыцкаго и татарскаго языка толмача Спиридонка Безрядова.

И тѣмъ вышеписаннымъ Тобольскимъ дѣтямъ боярскимъ, и кречатникамъ, и провожатымъ, и толмачю вел. государя жалованье годовые ихъ оклады дано на два года денгами, а на третей годъ товарами, примѣрясь противъ прежнихъ китайскихъ отпусковъ, которые были съ Ѳедоромъ Байковымъ и съ Сеитъ-куломъ Аблинымъ. Да примѣрясь противъ прежнихъ китайскихъ отпусковъ дано служилымъ людямъ для безопаснаго проѣзду 7 пудъ пороху, свинцу тожъ. Да горностаевъ вел. государя изъ казны взялъ на сто рублевъ отъ великого государя въ поминкахъ къ китайскому хану, для того что руские люди и иноземцы, которые бывали прежъ сего въ китайскомъ государстве сказывали, что де въ поминкахъ къ Китайскому хану нѣтъ иное честно и благопріятно, какъ горностаи, а на Москвѣ изъ Посольскаго приказу въ памяти въ Сибирской при-

казъ о горностаяхъ написано было, и въ Сибирскомъ приказѣ горностаевъ великого Государя въ казнѣ не было, и вмѣсто тѣхъ горностаевъ дано собольми и лисицами. І въ Тобольску бояринъ і воеводы Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ товарищи дали ему Николаю великого Государя изъ казны горностаевъ на сто рублевъ съ росписью. Да по его великого Государя указу святѣйшаго Патриарха прислана грамота къ Вологодскому архіепископу о священникѣ, чтобъ далъ ему священника для дальнего пути на его великого Государя службу въ Китайское государство, і Вологодскій архіепископъ по отпускъ ево въ Тоболескъ священника не послалъ. І въ Тобольску преосвященному митрополиту Сибирскому о священникѣ билъ челомъ и преосвященный митрополитъ священника выбралъ, а подмогу вел. Государя изъ казны тому священнику бояринъ і воеводы съ товарыщи для прокормленія дали...

Отписка Спафарія къ Царю Алексѣю Михайловичу изъ Наунскихъ селъ, посланная съ Даурскимъ сыномъ боярскимъ Игнатьемъ Миловановымъ апрѣля въ 17 день 1676 года. Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу (т.) (п.) холопъ твой Николайко Спафарей челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, въ 184 году декабря въ 19 день писалъ я холопъ твой къ тебѣ велик. государю (т.) (п.) изъ Нерчинскаго острога, что поѣхалъ я въ Китайское государство къ рѣкѣ Аргунѣ и къ Науну гдѣ живутъ Китайскіе воеводы которые въ прошлыхъ годѣхъ послали листъ къ тебѣ вел. государю чрезъ Нерчинской острогъ. А отъ Нерчинского острогу ѣхалъ я до рѣки Аргуни десять дней лѣсными мѣстами и степьми и многими мелкими рѣками, а жилыхъ людей и кочевныхъ до той рѣки никакихъ не видали. А стужи и снѣги были большіе. И рѣка Аргуня — рѣка большая, течетъ изъ великаго озера Далая и падаетъ въ рѣку Шилку и отъ того идетъ великая рѣка Амуръ. А около рѣки Аргуни горы высокіе безъ лѣсу, только, подлѣ рѣки лѣсъ небольшой — тальникъ. А сказываютъ, что есть лѣсъ на низу рѣки большой, изъ котораго можно острогъ ставить и суды дѣлать. И проѣхавъ рѣку Аргуню, на другой день сыскали слѣдъ кочевныхъ людей на рѣкѣ Гану. И послалъ я провѣдать какіе люди. И какъ юрты ихъ сыскали и увидѣли, что пришли къ нимъ русскіе люди, почали бѣгать и за оружіе свое принимались, потому что ихъ родъ былъ Тунгуской Намясинскіе, которые тебѣ, великому Государю, измѣнили многажды и многихъ твоихъ служилыхъ людей побивали и бѣжали изъ твоего великаго государя государства и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ издавна и ясаку никому не платятъ, и походы на нихъ были. Отъ твоихъ служилыхъ людей многажды, однакожды имъ ничего не учинили, а какъ я про нихъ провѣдалъ, посылалъ къ нимъ Тунгуса вожа, которой со мною былъ въ вожахъ. И объявили имъ, что я иду не

войною, а иду отъ тебя, великаго государя, съ посольствомъ къ Китайскому хану. И какъ они услышали и видѣли верблюды и караванъ, что не воинскіе люди, пріѣхали ко мнѣ и привели коня и кормъ и продали твоимъ служилымъ людямъ коней съ двадцать и обѣщали тебѣ, великому государю, впредь ясакъ платить и по прежнему быть въ подданствѣ, однакожде тѣ Намясинскіе мужики воры великіе и ясаку никому не платятъ, а живутъ самовольно. И для того не вѣдаю будетъ у нихъ постоянство, или нѣтъ. И послѣ того, оставя рѣку Гану, ѣхали степью три дня. И видя что отъ Игнатья Милованова, котораго послалъ напередъ себя къ Китайскимъ порубежнымъ воеводамъ никакіе вѣдомости нѣтъ, и кони и верблюды отъ стужи и отъ худыхъ кормовъ померли многіе, опять посылалъ напередъ себя Тобольскаго сына боярскаго в Китайскіе порубежные города, да пять человѣкъ служилыхъ людей извѣстить ихъ про мой пріѣздъ, и о подводахъ. А я ѣхалъ за ними потихоньку, отъ рѣки Аргуни до Кайлара рѣки восемь дней. И при Кайларѣ сыскали людей немногихъ Баргуцкихъ. И приходили ко мнѣ и сказывали, что лутчего ихъ роду человѣкъ взятъ былъ къ Москвѣ и сосланъ къ Архангельскому городу. И буде ты, великій государь, пожалуешь того человѣка, и они будутъ въ подданствѣ и есакъ тебѣ платить будутъ. А родъ ихъ великой и кочуютъ около рѣки Кайлара, а р. Кайларъ не само велика, однакожде судовая и лѣсу по ней всякого много, и впадетъ въ Аргуню рѣку. А отъ Кайлара рѣки ѣхалъ я чрезъ иныя мелкія рѣки и степью до Китайскаго рубежа до хребта пять дней. И Генваря въ 13-й день не доѣзжая до хребта, встрѣтилъ меня Нерчинской казакъ, котораго я посылалъ напередъ себя, а съ нимъ семь человѣкъ сотниковъ Каргачинскихъ, китайскихъ подданныхъ, а съ ними служилыхъ людей человѣкъ съ шестьдесятъ. И привели въ подводѣ шестьдесятъ лошадей. А пріѣхали ко мнѣ со всякою учтивостью, и говорили, чтобъ на нихъ не подивилъ, что они не вскорѣ встрѣтили, для того что моимъ людемъ не вѣрили, что идемъ посольствомъ, а говорили, что идемъ на нихъ войною, потому что недавно Игнатей проѣхалъ къ воеводамъ инымъ путемъ чрезъ Албазинскій острогъ и сказалъ, что я буду весною, а нынѣ они видѣли, что чрезъ нихъ идутъ зимою, и для того они не вѣрили и подводы вскоре не привели, сколько надобно. А какъ пріѣдемъ въ улусы ихъ, и тогда будутъ телѣги, и кони, и кормъ встрѣчю отъ ихъ воеводъ. И я имъ сказалъ, что ты, великій государь, желаешь миру и сосѣдственную дружбу держать съ государемъ ихъ. И они о томъ зѣло радовались. И велѣлъ я твоимъ, великого государя, жалованьемъ поить и кормить довольно, и отъ того мѣста провожали меня по рѣкѣ Ялу, по которой они живутъ, пять дней.

И на рѣкѣ Яду встрѣтили меня два казака: одинъ Албазинской, которой пріѣхалъ съ Игнатьемъ, а другой изъ тѣхъ, которыхъ послалъ я, и сказали мнѣ, что Игнатей Миловановъ какъ пріѣхалъ на Наунъ чрезъ Албазинъ, тому пятая недѣля, и воеводы его приняли со всякою учтивостью. И Мангутѣй Наунскій воевода, которой прежъ сего былъ въ Нерчинскомъ съ хановымъ листомъ, взялъ его Игнатья, а съ нимъ трехъ человѣкъ казаковъ, поѣхалъ въ царство извѣстить про мой пріѣздъ, потому что они чаели, что безъ ихъ провожатыхъ изъ Нерчинского острогу пріѣхать на Наунъ мнѣ никакими мѣрами нельзѣ, что опасно было, на паче зимнею порою. И для того послали въ царство, чтобы взять съ Науна многихъ людей и встрѣтить меня въ Нерчинскомъ. А какъ услышали ныне отъ послѣднихъ посланныхъ моихъ людей, что уже я пріѣхалъ на рубежъ ихъ въ Торгачины, зѣло удивились и собравъ наскоро сто двадцать шесть телѣгъ съ быками и кони и кормъ, посылали съ сотниками навстрѣчу наскоро. И Января въ 21-й пріѣхали ко мнѣ съ Науна сотники и привезли корму свиного мяса да сто тридцать телѣгъ съ быками о двухъ колесахъ да шестьдесятъ коней, а телѣгъ взято сто двадцать и склали на тѣ телѣги съ великою легостью. Да тѣ-жъ сотники говорили мнѣ, что будутъ навстрѣчу воеводы и буде какая скудость будетъ, они сами, какъ будутъ навстрѣчу, исполнятъ. И на другой день тѣ Наунскіе воеводы прислали съ сотникомъ шестьдесятъ коней и изъ того числа взялъ я пятьдесятъ коней для того что коней привели много. И Генваря въ 23-й пріѣхалъ ко мнѣ съ Науна воевода и стараго воеводы дѣти и иные многіе ихъ честные люди, человѣкъ съ двѣсти, и съ коней слѣзли далеко отъ обозу. И я, видя ихъ учтивость съ твоими, великаго государя, людьми встрѣтилъ близъ становья и призвалъ ихъ въ юрту свою, спрашивалъ про здравье государя ихъ, также и ихъ, а они спрашивали такожде про твое великаго государя здравіе и про мое путное шествіе. И сказали, что они чаяли, что до весны я не буду, какъ имъ объявилъ Игнатей Миловановъ, и для того они не встрѣтили съ подводы и съ кормомъ и о томъ бы на нихъ не пенялъ. А чаютъ они, что воевода ихъ съ Игнатьемъ изъ царства вскоре будутъ и съ ними будутъ большіе бояре и тогда всякое удовольствіе будетъ. Также спрашивали, есть ли твоя, великого государя, грамота ко государю ихъ и про листъ, что посланъ былъ къ тебѣ, великому государю, отъ государя ихъ, есть ли де, также и про поминки. И про иныя дѣла много спрашивали жъ, добрыми ли дѣлами иду и съ миромъ, или войною. И я имъ отповѣдь учинилъ, что про твою, великаго государя, грамоту и про листъ государя ихъ и про поминки и про иные государственные дѣла спрашивать имъ не належитъ, а про тѣ дѣла, какъ буду я въ Камбалыке у государя ихъ, тогда обо всемъ будетъ

вѣдомость, а имъ належитъ вѣдать, только что порубежнымъ воеводомъ съ твоимъ, великаго государя, государствомъ, что ты, великій государь, желаешь миру и сосѣдственную дружбу держать. И для того бъ они дали мнѣ подводы и кормъ отпустили вскоре къ государю своему, для того вѣдаемъ, какимъ желаніемъ желаетъ государь ихъ посольства отъ тебя, великаго государя. И они зѣло радовались, какъ услышали, что ты, великій государь, желаешь миру, и говорили: нѣтъ лучше на свѣтѣ миру, и когда государи живутъ въ миру, тогда и мелкимъ людямъ и подданнымъ счастіе и богатство живетъ, а про иныя дѣла сказали, что имъ нынѣ говорить не время, а какъ будемъ въ селахъ Наунскихъ, и будетъ большой ихъ воевода, тогда будутъ говорить, и принесли мнѣ корму, мяса свиного и крупъ и вина горячаго, и поили твоихъ великаго государя служилыхъ людей, а я поилъ ихъ водкою, а людей ихъ виномъ. И послѣ того поѣхали они на станы свои, которые отъ насъ были недалеко, и на другой день ѣхали со мною до другаго становья для того, что они встрѣтили меня отъ Науна за три дни. А на третій день, января въ 26-й день, недалеко отъ селъ Наунскихъ встрѣтилъ меня старый воевода, и иные многіе честные ихъ люди китайскіе и служилые человѣкъ съ пятьсотъ, и издали слазили съ коней и оружіе скинули, и я, приближась къ нимъ, съ коня слѣзъ и съ нимъ витался; и провожали меня до села и до подворья, и поноровя немного, покамѣстъ я твою казну склалъ въ избу, и воеводы и иные многіе честные люди пришли ко мнѣ и объявили, что они всякую честь, которую могли, воздавали, для того что слышали они, что двухъ такихъ великихъ государей, что на свѣтѣ иныхъ нѣтъ. Письмо со мною есть, се есть твоя великого государя грамота, да листъ государя ихъ бугдыхана, и у нихъ честнѣе нѣтъ иное противъ писемъ государскихъ. И они тому зѣло рады, что видѣли они отъ тебя, великаго государя посольство и чаютъ, что впредь будетъ межъ государствы сосѣдственная дружба и любовь, которая великую прибыль учинитъ обоимъ в. государствамъ и говорили мнѣ чтобъ я на нихъ не пенялъ, что они не прислали кони навстрѣчу въ Нерчинскій острогъ и провожатыхъ, потому что то дѣло учинилось отъ Игнатья Милованова, или отъ толмача его, который имъ не истинно сказалъ, что я поѣду изъ Нерчинскаго весною, а не зимою, и для того они Игнатья послали съ воеводою своимъ въ царство извѣстить, для того что по ихъ обычаю будутъ изъ царства навстрѣчу большіе бояре, и тогда будетъ всякая честь и удовольствованія до царства, только они имѣютъ указъ отъ государя своего, для того что они порубежные воеводы, распрашивать всякаго иноземскаго человѣка, посла или иного какого-нибудь, откуду пріѣхалъ, и куда идетъ, и какими дѣлами, дружбою или недружбою, и про всякія дѣла распрашивали накрѣпко, и по распросу смотря

принимаютъ и кормъ и подводы даютъ, а безъ того никакими мѣрами принимать не смѣютъ. И я имъ говорилъ, что ты, великій государь, желая сосѣдственную дружбу и любовь держать съ ихъ государемъ, съ бугдыхановымъ величествомъ, послалъ меня къ ихъ государю, а для какихъ дѣлъ послалъ, какъ ажъ дастъ Богъ буду у богдыханова величества, тогда обо всемъ ему ханову величеству явно будетъ, а больше того вѣдать имъ не почто, и о томъ спорова лись со мною больше часа и хотѣли всячески провѣдать, и какъ увидѣли, что не могутъ отъ меня никакую вѣдомость взять, тогда опять говорили, что про твою великого государя грамоту, есть ли со мною или нѣтъ, и для какихъ дѣлъ посланъ и про поминки, есть ли и какія, также и объ иныхъ дѣлехъ полагаются на мою волю, для того что видятъ и они, буде бы я не былъ посланъ отъ тебя великого государя, не такъ бы съ ними дерзно и надежно гово рилъ и не столько со мною всякихъ чиновъ людей было, только какъ я твой великаго государя указъ храню накрѣпко, такъ и они должны своего государя указъ хранити, также и для народа ихъ и для ради всякихъ чиновъ людей ихъ, которые съ ними, воеводы есть, буде мнѣ какъ ведется добраго гостя принимать хочется, и кормъ мнѣ и всѣмъ твоимъ великого государя служилымъ людямъ довольну быть, и въ селахъ своихъ насъ принимать и покоить, и верблюды и кони наши для прокормленія по селамъ роздать, тогда надобно имъ показать только листъ государя ихъ, который въ прошлымъ годѣхъ они сами чрезъ Нерчинскій послали къ тебѣ, великому государю и слышали они преже пріѣзду моего отъ казаковъ, что тотъ листъ со мною, и буде есть листъ со мною, и покажу имъ, и они узнаютъ, что тотъ, тогда каковую они честь воздадутъ, и какія протори учинятся со мною тогда чрезъ видѣніе того листа будетъ имъ очистка предъ государемъ своимъ и предъ народомъ своимъ. Да и сверхъ того говорили, что до царства опричь ихъ многіе воеводы, которые имъ непослушны и больше ихъ, а какъ они услышатъ, что листъ ихъ государя идетъ со мною, тогда, и не подождавъ указу изъ царства, будутъ строить ямы и кормъ съ подводы, и тогда безъ всякія мѣшкоты въ царство поѣду, а буде не услышатъ про листъ государя своего, тогда хотя и указъ будетъ, однакожде не вскорѣ будетъ собраніе подводъ, для того что они степные люди, и притомъ многія рѣчи говорили накрѣпко. И видя я, что они съ великимъ упорствомъ стоятъ и не хотятъ безъ того отпустить, показалъ имъ листъ государя ихъ въ ящикѣ въ желтомъ атласѣ, поднявъ съ честію, а они всѣ, что были, пали на колѣни съ великимъ страхомъ, на головы свои клали, будто у насъ священницы святые дары, и только увидѣли, познали и, не прочетши листъ, говорили, что нынѣ вѣрятъ обо всемъ, что имъ говорилъ и конечно что посланъ

отъ тебя великого государя, и впредь будетъ всякая честь и удовольствованія, а я тотъ же часъ листъ съ честію спряталъ, (потому что у меня четыре листа китайскіе, а имъ только одинъ показалъ), и послѣ того тотчасъ скотъ нашъ приказали раздавать по селамъ для корму, а твоимъ великаго государя служилымъ людямъ приказали давать на день по два быка, да крупъ, сколько надобно, и дровъ, и сказали, что тотъ кормъ будетъ, покамѣстъ изъ царства будутъ бояре съ Мангутѣемъ, да съ Игнатьемъ, и тогда будетъ, что желаемъ всякое удовольствованіе и ожидаютъ ихъ еже часъ. И на караулъ дали мнѣ своихъ людей десять человѣкъ беречь отъ невѣжливыхъ своихъ людей, а одного изъ нихъ, воеводу выбрали послать напередъ ямы строить, да говорили мнѣ, чтобъ я готовилъ одного честнаго человѣка, да толмача, а они уготовятъ своихъ посылать наскоро въ царство извѣстить, что я пріѣхалъ уже на Наунъ, потому что они чаяли, что весною буду, какъ имъ Игнатей сказалъ, и здѣсь и тамъ, а нынѣ нашимъ людямъ, которыхъ пошлемъ, можно поспѣть въ царство въ двѣнадцать дней и скорѣе, и какъ тамъ услышатъ въ царствѣ про мой пріѣздъ, учнутъ посылать съ великимъ поспѣшеньемъ взять въ царство наскоро, и я выбралъ одного тобольскаго сына боярскаго грамотнаго и далъ ему наказную память провѣдать про все, что надобно, да толмача Селенгинскаго, и января въ 27 день взялъ ихъ всевода Наунскій, который ямы строить напередъ своими людьми поѣхалъ, къ мунальскимъ воеводамъ, доѣхали давно, потому что сынъ боярскій оттолѣ писалъ ко мнѣ, что отпущенъ наскоро, а писалъ онъ съ Наунскимъ воеводою, который ѣздилъ для устроенія ямовъ, и тотъ воевода какъ пріѣхалъ, пріѣхали ко мнѣ всѣ воеводы и говорили, что мунгальскіе воеводы нашихъ людей отпустили наскоро, да ямы приказали строить съ поспѣшеніемъ, только они чаютъ покамѣстъ ямы устроятся, и Мангутѣй съ Игнатьемъ изъ царства будутъ, потому что уже сорокъ пять дней, что отъ Науна поѣхали. А Мунгальцы люди кочевные и нынѣ зима, и кочуютъ подалеку, надобно время покамѣстъ соберутся, и какъ готовы будутъ, вѣдомость учинятъ, а воеводы хотя живутъ въ другомъ селѣ, отселѣ версты съ три, гдѣ только китайцы одни живутъ, однакожде часто пріѣзжаютъ и посѣщаютъ съ великою учтивостію и говорятъ, чтобъ ни о чемъ не тужилъ, потому что хотя и мѣшканіе учинится немного, однакожде какъ путь устроится, тогда поскоряе поѣдешь, нежели нынѣ ѣхать въ неустроеніе ямовъ и стоять на степи и оттого учинится великій позоръ государю ихъ, а имъ пеня. И я всегда ихъ подчиваю водкою, а людей ихъ виномъ, и они ко мнѣ посылаютъ всякія овощи китайскія и что у нихъ есть, потому что недавно пріѣхали изъ царства люди ихъ съ товары, которые сказываютъ, что бугдыханъ взялъ отъ Никанцовъ городъ,

а другой осадилъ, а Никанской народъ старой Китайской, и для того въ царство и здѣсь празднуютъ и идоламъ своимъ жертвы съ мусикіею, да тимпаны приносятъ. И живемъ между ими будто на иномъ свѣтѣ. Да опричь того есть у нихъ праздникъ, начало года мѣсяцъ мартъ, на небѣ что и у турковъ, и не токмо то, но и весь обычай ихъ азіатскій и турскій и домы и снѣденіе и питіе и платья, кромѣ шапокъ и иное все, опричь того, что женъ не утаятъ, а смиреніе на словахъ и на платьяхъ являютъ, однакожде въ томъ смиреніи та иная гордость есть великая, потому что они чаютъ, что на свѣтѣ иныхъ людей лучше ихъ нѣтъ, и обычаи ихъ превосходятъ всѣхъ иныхъ; здѣсь по селамъ живутъ многіе никанцы у китайцевъ въ холопствѣ, и они сказывали моему толмачу, который умѣетъ по китайски и по никански, что китайцы солгутъ, что взяли у никанскихъ, наипаче они побѣждены отъ никанскихъ дважды, только остались въ царствѣ жены да дѣти, а люди всѣ пропали, и для того нынѣ бугдыханъ послалъ къ мунгальцамъ собрать войска, только Богъ вѣдаетъ, кому вѣрити покамѣстъ насъ Богъ до царства донесетъ; и будучи воеводы у меня говорили, что государь ихъ, когда послалъ листъ къ тебѣ великому государю чрезъ Нерчинской, тогда многія дорогія поминки послалъ къ Данилу Аршинскому, и нынѣ чаютъ они потомужъ будутъ къ нимъ отъ тебя великаго государя подарки большіе, и я имъ сказалъ, что ты, великій государь, подарки не посылаешь инымъ, кромѣ равнымъ, которые на свѣтѣ живутъ монархи, да и не было о томъ вѣдомость тебѣ великому государю, и какъ бы вѣдомость была, и ты приказалъ бы мнѣ подарить ихъ честно, и они больше того не говорили, однакожде я подарилъ ихъ отъ себя небольшимъ, и у нихъ государь лакомство великое, что и у турковъ. А про листъ, который писалъ къ тебѣ великому государю бугдыханъ и послалъ чрезъ Нерчинской, и нынѣ они увидѣли, сказалъ мнѣ дьякъ ихъ, съ которымъ я подружился, подаря его и листъ тотъ, прежде сего какъ посланъ, и нынѣ прочелъ и сказалъ онъ, что тотъ листъ писанъ на два языка, по китайски, да по мунгальски для лучшаго выразумѣнія, а дѣло одно только пишетъ къ тебѣ великому государю безъ многихъ титловъ только начало: Бугдыханъ Бѣлому царю поздравленіе. И потомъ пишетъ, чтобъ ты великій государь изволилъ отдать подданнаго его Гантимура Тунгуса съ родомъ, который бѣжалъ отъ него въ Нерчинской, и тотъ Гантимуръ нынѣ въ Нерчинскомъ человѣкъ старый, и въ Нерчинскомъ былъ у меня и сказалъ мнѣ, что вѣдаетъ онъ, что писалъ бугдыханъ къ тебѣ великому государю объ немъ и, въ Китаяхъ будучи, вѣдаетъ онъ, что объ немъ будутъ говорить накрѣпко. Однакожде, хотя ты, великій государь изволишь его отдать, а онъ, живъ въ Китай не пойдетъ и самъ себя убьетъ, для того что онъ

и прародители его родились на Нерчѣ, и я ему сказалъ, чтобъ онъ не опасался, потому что ты великій государь отдать его не изволишь. А тотъ Гантимуръ лучше всѣхъ твоихъ великаго государя ясачныхъ Тунгусовъ, мужъ великій храбрый, будто исполинъ, девять женъ у него, а дѣтей больше тридцати, всѣ вооружены кромѣ дщерей, а племя его соберется больше трехъ сотъ человѣкъ, всѣ вооружены въ куякахъ съ копьями. И какъ я услышалъ, для того они прилежно просятъ того Гантимура, потому что они вѣдаютъ, что онъ и племя его люди самые ратные, а живетъ онъ въ ближнемъ порубежномъ Нерчинскомъ острогѣ, и боятся они, чтобъ онъ не побѣдилъ твоихъ великаго государя служилыхъ людей, и пріѣхалъ на нихъ войною, для того что онъ жилъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и про все знаетъ, да тѣжъ воеводы говорили мнѣ про Гантимура, что богдыханъ писалъ къ тебѣ великому государю въ томъ же листу своемъ объ немъ, изволишь ли ты, великій государь его отдать, или нѣтъ, и я имъ говорилъ, что ты великій государь въ Сибирскомъ царствѣ имѣешь сто тысячъ холоповъ, что Гантимура и про такихъ мужиковъ вѣдаютъ по твоему великаго государя указу порубежные воеводы, а тебѣ великому государю, что въ листу писано, не вѣдомо, и про Гантимура невѣдоможъ, только я про Гантимура отповѣдь учиню имъ такову, что во всемъ свѣтѣ права всѣхъ народовъ такъ гласятъ, что который государь владѣетъ ту землю и отечество, въ которомъ человѣкъ и родитель его родятся, тотъ государь владѣетъ и человѣка того и племя его, а Гантимуръ и родители его родились на Нерчѣ рѣкѣ, гдѣ ты, великій государь издавна обладаешь, и для того доведется ему Гантимуру быть въ холопствѣ у тебя великого государя, а не у бугдыхана, и они тому никакой отповѣди не могли дать, только говорили, что о томъ какъ буду я въ царствѣ, тогда съ ближними бугдыхановыми людьми договоръ будетъ, также пеняли на Албазинскихъ казаковъ, что въ недавныхъ дняхъ взяли у нѣкотораго князца тунгуса Петрушки ясаку пятьдесятъ соболей и про того тожъ отповѣдь учинили, что и про Гантимура, потому что тотъ Петрушка жилъ на Ленѣ и родился тамъ же и многое воровство и убивство твоимъ великого государя служилымъ людямъ учинилъ и побѣжалъ къ нимъ на Зію рѣку, и нынѣ Албазинскіе казаки сыскали его и опять привели тебѣ великому государю въ подданство и ясакъ взяли по дѣлу, и они говорили, что писали въ царство и тамъ будетъ и о томъ договоръ, только сказали они, что для такихъ воровъ межъ великіе государи ссоры учинить не надобно. Здѣшняя страна теплая и хлѣбородная, рѣка Наунъ будетъ величиною съ Днѣпръ рѣку, а по ней селъ много, и впадетъ она въ Шингалъ рѣку, и потомъ обѣ впадутъ въ Амуръ и отъ Албазина въ десятый день приходятъ на рѣку Ганъ пустыми

мѣстами, и тамъ первыя села китайскія, и отъ того мѣста въ шесть дней до сихъ селъ, все ѣхать селами, потому что и рѣка Ганъ впадетъ въ Наунъ; и тѣмъ всѣмъ селамъ по Гану и по Науну и Таргачины все владѣютъ здѣшніе воеводы и за ними сказываютъ, что Мунгальцы, а за Мунгальцами опять села до высокихъ стѣнъ Китайскихъ и до самаго царства, и буде тихимъ ходомъ ѣхать телѣгами на быкахъ тридцать дней, а буде на коняхъ, то двѣнадцать дней, а ямы вездѣ строены перемѣнныя. А со мною твоихъ великого государя служилыхъ людей, что съ Москвы и съ Тобольска и изъ Енисейска и съ Селенги и изъ Нерчинскаго и Албазинскихъ всего будетъ человѣкъ съ полтораста, для того что иные идутъ продать твое великаго государя годовое жалованье, а иные для церковнаго строенія и монастырей, а люди всѣ выбраны и добрымъ платьемъ одѣяны, а взялъ я съ собою столько людей, для того малыми людьми проѣхать степью было нельзѣ, и для ради чести и везвышенія твоего великаго государя имени. А про Албазинскій походъ, что они учинили на здѣшнихъ, по се время здѣшніе воеводы говорить мнѣ не смѣютъ, для того что въ прошломъ году сотникъ, который живетъ въ селѣ по Гану рѣкѣ, билъ челомъ тебѣ великому государю и челобитную подалъ Албазинскимъ казакамъ, чтобъ они пришли въ походъ близъ села и взяли бъ его и людей его сто человѣкъ во Албазинской, и будетъ онъ у тебя великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ; и въ прошломъ году казаки человѣкъ съ триста близъ села того приходили, а тотъ сотникъ къ нимъ же приходилъ и кормъ имъ привезъ и велѣлъ имъ себя подождать, и пріѣхавъ назадъ, запустошилъ село свое и бѣжалъ на Наунъ, и казаки, видя его обманъ, возвратились назадъ и никого ничѣмъ не вредили, и нынѣ здѣшніе воеводы прежде моего пріѣзду говорили Албазинскимъ казакамъ, чтобъ они о томъ ничего не говорили и мнѣ не сказали бъ, для того что они и сотникъ опасаются бугдыхана, чтобъ имъ не учинилъ наказанья, и я видя, что они о томъ ничего не говорятъ, и я имъ ничего о томъ не сказалъ же, а Албазинскіе казаки тебѣ великому государю съ великимъ радѣніемъ служатъ, и впредь потому жъ обѣщаютъ тебѣ великому государю служити до смерти вѣрно, только межъ ими и межъ Павломъ Шульгинымъ учинились ссоры, для того что они не приняли тобольскаго казака одного, котораго онъ послалъ владѣть надъ ними, потому что онъ хотѣлъ завесть кабакъ и иныя непристойныя рѣчи въ острогѣ; а просили они, чтобъ онъ далъ имъ изъ старыхъ Даурскихъ служилыхъ людей начальника, и онъ имъ не далъ, и оттого учинились ссоры, и о томъ какъ ты, великій государь зволишь. А во Албазинѣ нынѣ твоимъ великаго государя счастіемъ хлѣба родится много, и пашенныя мѣста по Амуру рѣкѣ еще на

многія тысячи людей будетъ, а ниже Албазинскаго по Шингалу и по инымъ рѣкамъ мѣста самыя добрыя и хлѣбородныя; только о томъ, какъ будетъ твое великаго государя призрѣніе царское. И февраля въ разныхъ числѣхъ приходили ко мнѣ Наунскіе воеводы часто и объявили, что они не смѣютъ отпустить покамѣстъ не будутъ изъ царства, для того, что вѣдаютъ они, какіе люди живутъ до царства, и буде я поѣду безъ царскаго человѣка и указу, будетъ въ кормахъ и въ подводахъ скудость великая и кража, и оттого учинится позоръ мнѣ и государю ихъ, и они будутъ отъ государя своего смертію казнены, для чего не берегли и не подождавъ людей отпустили. И хотя я всякими мѣрами говорилъ имъ и сказалъ, что для ради поспѣшенія покинулъ на степи кони и верблюды, исполняя твой великаго государя указъ, и чаялъ, что здѣсь никакія мѣшкоты не будетъ, и отпустятъ въ царство тотчасъ. А они задержали не малое время, и они всегда сказываютъ, что судитъ Богъ Игнатья толмача его, потому что не истинно сказали, и мѣшаніе тебѣ отъ нихъ учинилось, а въ тотъ же бы день отпустили и кони бъ ваши и верблюды по степи не пропали бъ и для того, чтобъ встрѣтили въ Нерчинскомъ съ подводы, а верблюды, которые куплены были у Гаврила Романова пятнадцать, да я жъ сверхъ тѣхъ купилъ для подъему твоей великаго государя казны три верблюда, изъ тѣхъ отъ стужи и отъ худого корму насилу половина дошли до Науна; также и у иныхъ твоихъ великаго Государя служилыхъ людей верблюды и кони померли многіе, однакожде здѣсь воеводы приняли у насъ кормить по селамъ сто верблюдовъ, да двѣсти коней, а ѣхали зимою, исполняя твой великаго Государя указъ для поспѣшенія, и буде путь былъ бы строенъ, можно бы, и въ полгода до сего мѣста доѣхать, и легче ѣхать зимою, для того что всѣ рѣки и болота замерзнутъ и нигдѣ простою нѣтъ, и можно сыскать по времени и прямой путь, и легче нынѣшняго пути, потому что всякое начало трудно. И февраля въ 16 день пріѣхали ко мнѣ воеводы, а съ нимъ пріѣхалъ нарядчикъ, который посланъ былъ изъ царства, и говорилъ, что бояре, которые ѣдутъ изъ царства вмѣстѣ съ Мангутѣемъ и съ Игнатьемъ встрѣчу ко мнѣ, посылали его напередъ ямы строить и кормъ и подводы, да и они скорымъ временемъ будутъ. И февраля въ 18 день пріѣхали ко мнѣ Тобольской сынъ боярскій, котораго я посылалъ отселѣ въ царство съ толмачомъ, да сотникомъ, котораго посылали воеводы въ Камбалыкъ, да съ ними Игнатій Милованов, и говорили они, что встрѣтились съ бояриномъ Мангутѣемъ и съ Игнатьемъ, недоѣзжая до Камбалыка за четыре дня, и поворотили ихъ назадъ и посылали ко мнѣ сказать, чтобъ ни о чемъ не тужилъ, потому что они послѣ нихъ въ пятый или въ шестой день будутъ. А Игнатей говорилъ,

что бояре посланы отъ бугдыхана навстрѣчу и онъ вмѣстѣ съ ними изъ Камбалыка отпущенъ, и они вскорѣ послѣ ихъ будутъ, а его послали напередъ извѣстить, а что онъ Игнатей сдѣлалъ въ царствѣ, и то все написано въ распросныхъ его рѣчахъ, и тѣ распросныя его рѣчи посланы къ тебѣ великому государю подъ сею отпискою.

И февраля въ 26 день пріѣхалъ въ Наунъ изъ китайскаго государства отъ богдыханова величества бояринъ Аксаняма и съ нимъ товарищъ его Дзаргучей, да посольскаго приказу два человѣка подъячихъ и до его пріѣзду Наунскіе воеводы говорили мнѣ, что пристойно бы было мнѣ ѣхать встрѣчу къ такому великому боярину, для того что онъ у богдыханова величества человѣкъ ближній, и весь указъ съ нимъ посланъ, и я имъ отповѣдь учинилъ, что во всѣхъ народахъ ѣздятъ къ послу навстрѣчу, а посолъ нигдѣ не ѣдетъ, опричь къ тому, къ кому посланъ, только послѣ того посылалъ навстрѣчу спрашивать о здоровьѣ двухъ дѣтей боярскихъ, и онъ потому жъ присылалъ ко мнѣ двухъ человѣкъ спрашивать о здоровьѣ; и въ тотъ день пріѣхалъ въ тожъ село, гдѣ я поставленъ, и сталъ на подворье неподалеку отъ меня и пріѣхали ко мнѣ старый воевода большой Наунской, да меньшій Мангутѣй, который былъ въ Нерчинскомъ, а нынѣ съ Игнатьемъ ѣздилъ въ царство и возвратился изъ царства съ бояриномъ, и говорили, будто отъ себя, что довелось было мнѣ пріѣхать къ нему навстрѣчу, а хотя тогда не былъ, однакожъ нынѣ можно идти на дворъ къ нему свидѣться и говорить про обоихъ великихъ государей дѣла, для того что онъ не домогаетъ, потому что онъ дорогою бѣжалъ за зайцемъ и съ коня упалъ и ногу изломилъ и ходить не можетъ, и я имъ сказалъ, что видѣлъ я и самъ, что боярину ихъ не можетъ, потому что онъ въ телѣгѣ пріѣхалъ, однакожде у нихъ есть обычай, носятъ ихъ на носилкахъ, и можно и ему придти на носилкахъ, потому что стоитъ недалеко.

И то дѣло и посольство начиналось прежде отъ нихъ, наипаче отъ него, Мангутѣя, потому что онъ о томъ дѣлѣ дважды пріѣзжалъ въ Нерчинской и много о томъ спорилъ и видятъ, что имъ во всемъ конечно отказалъ, поѣхали къ нему. И февраля въ 27 день опять пріѣхали тѣжъ воеводы, и подъячіе не пооднажды отъ него, говорили мнѣ накрѣпко, что у него есть отъ бугдыханова величества указъ крѣпкій, чтобъ ко мнѣ на дворъ не идти, а звать къ себѣ и спрашивать про все подлинно. И я многими рѣчьми отказалъ и говорилъ, что тѣми рѣчьми оказываются къ тебѣ великому государю недружбою, и по многими споры возвратились къ нему и, поноровя немного, опять тѣжъ приходили и, объявили другую статью, что бояринъ видитъ, что я опасенъ твоего великаго государя указу и къ нему нейду, и онъ потомужъ опасенъ своего государя указу

*

и ко мнѣ не идетъ же, только для обоихъ вел. государей дѣлъ хочетъ послать ко мнѣ товарища своего распрашивать про все, и я имъ говорилъ буде онъ самъ ко мнѣ будетъ, и ему объявлю про все, а товарищу ничего не объявлю, для того что онъ ко мнѣ посланъ, а не товарищъ его, и видя они, что и ту статью отказалъ, возвратились назадъ къ нему, и погодя съ часъ опять пришли и говорили, что послалъ ихъ объявить послѣднюю статью, и буде я не прійму и ту, и онъ будетъ писать къ богдыханову величеству, что я упрямлюсь, какъ учинилъ нѣкогда и Федоръ Байковъ, и отъ того добра никакого не будетъ. А статья была такова: была изба въ равномъ разстояніи порожняя межъ меня и межъ его, и въ ту избу въ одно время идти онъ изъ своего двора, а я изъ своего и сойдтись и переговорить обо всемъ, и будетъ та изба третья мѣсто будто приказъ, и такъ хранится обоихъ великихъ государей равная честь, и я отповѣдь учинилъ, что не токмо въ третью избу не пойду, которую онъ хочетъ именовать приказомъ, а хотя былъ и прямой приказъ государя ихъ, однакожде не поѣхалъ бы, для того что не ведется покамѣстъ не отдамъ твою великаго государя грамоту богдыханову величеству и посольства не отправя по обычаю, какъ ведется во всѣхъ народахъ, и иныя рѣчи имъ говорилъ накрѣпко, и спорились о томъ многовремя со мною и отъѣхали. И февраля въ 28 день присылалъ ко мнѣ только про здравье спрашивать и я потомужъ посылалъ спрашивать про его здравіе дѣтей боярскихъ, и послѣ того присылалъ многія корфети и овощи китайскія, и я потомужъ посылалъ овощей и иные, которые знали, что у нихъ нѣтъ, и онъ съ радостію принялъ, и февраля въ 29 день присылалъ ко мнѣ и билъ челомъ, буде есть у меня мази и лекарство, чтобъ послалъ къ нему для озлобленной ноги, и я посылалъ къ нему разныя мази и пластыри, и мазали ногу его, и оттого легче ему стало, также посылалъ и отъ всѣхъ питей водоносъ и спирду, и онъ удивился, что отъ такой дальней страны, а такія питія, что у нихъ нѣтъ, однакожде и онъ прислалъ мнѣ чаю и груши и иные разные. А марта въ 1 день опять присылалъ тѣхъ же воеводъ и подъячихъ, и говорили, что нашли они иную статью, которымъ бы можно честь хранить обоихъ великихъ государей, а статья такая, чтобъ я поставилъ юрту свою подорожную на порожномъ мѣстѣ, гдѣ я хочу на полѣ, или индѣ гдѣ, а онъ ко мнѣ придетъ въ юрту послѣ, какъ ему извѣщу, и я имъ говорилъ, для чего онъ въ избу, гдѣ я живу, которая есть богдыханова величества, не идетъ, а въ юрту, которая моя особная, хочетъ придти, и они говорили, что въ избу къ тебѣ придти не хочетъ, для того, что опасается указу богдыханова величества, а что на порожнее мѣсто въ юрту, гдѣ не живетъ, житьемъ пойдетъ, и спорился о томъ многое время, и на ту статью имъ отказалъ,

и они пошли къ нему назадъ и опять приходили и говорили, что они многія статьи сыскали, и я ни одной отъ нихъ не принялъ, и чтобъ я сыскалъ новую статью и имъ бы предложилъ, и я имъ объявилъ, что та статья лучше всѣхъ, чтобъ ѣхали совсѣмъ отселѣ въ царство и ѣдучи на первомъ стану будетъ ко мнѣ въ юрту, и учнемъ говорить о всемъ, и они говорили, что онъ совсѣмъ ѣхать въ царство безъ распросу не имѣетъ, для того что онъ боится, чтобъ не были отъ тебя великаго государя къ богдыханову величеству какія грозы приказаны, и тогда онъ будетъ безъ головы, и тотъ день прошелъ такъ. А марта во 2-й день присылалъ тѣхъ же и объявилъ, чтобъ онъ поставилъ палатку на полѣ далеко и отселѣ ѣхать на конѣжъ, я отъ одной страны, а онъ отъ другой, и тамъ будутъ два стула и столъ между нами, и будемъ говорить обо всемъ, и я въ томъ отказалъ же, и отъѣхали и опять пріѣхали и объявили иную статью, чтобъ ѣхали отъ сего села въ другое село на конѣхъ, и въ томъ селѣ есть избы большія и у нихъ двери широкія, и можно намъ обоимъ идти въ избу вмѣстѣ, и такъ честь будетъ равная обоихъ государей, и буде и ту статью не прійму, и онъ поѣдетъ совсѣмъ въ иное село и оттуда учнетъ писать о всемъ къ своему государю, и сколько статей предложилъ, и я не принялъ, и о томъ какъ укажетъ богдыханово величество, и иныя многія рѣчи были между нами, которыя для множества въ отписку написать нельзя. И видя его упрямство и гордость и что время продолжается и люди они подозрительные и не поодинажды говорили, что для того я у нихъ ни одной статьи не принялъ, что можно есть отъ тебя великаго государя какія грозы или не дружбы къ государю ихъ, и посовѣтовавъ съ твоими вел. государя людьми, которые со мною есть, подождавъ марта до 6 числа, и какъ пріѣхали ко мнѣ тѣжъ воеводы и объявили, что онъ уже ѣдетъ въ другое село и оттуда хочетъ отпустить къ богдыханову величеству товарища своего объявить про все, и я имъ говорилъ, что я не хотѣлъ принять ни одну статью, что онъ предложилъ, только твои, великаго государя, люди били челомъ мнѣ, чтобъ время не продолжалось и что просилъ отъ него письмо за своею рукою на ихъ китайскомъ языкѣ, что ихъ послы какъ будутъ у тебя, великаго государя, потому жъ будутъ дѣлать, какъ будетъ къ нимъ посланъ навстрѣчу отъ тебя великаго государя, а юрту свою поставить, гдѣ мнѣ хочется, и мнѣ въ юрту идти напередъ, а онъ послѣ того придетъ, какъ извѣщу, и воеводы поѣхали къ нему, и онъ письмо писалъ и прислалъ ко мнѣ, и прочитали, буде мнѣ полюбится, а то письмо отдастъ мнѣ въ юртѣ самъ; и въ тотъ же день велѣлъ я юрту поставить неподалеку отъ избы, въ которой я жилъ и, нарядясь съ твоими великаго государя людьми пошолъ въ юрту и сѣлъ, и за мною, поноровя немного, принесли его на носилкахъ до юрты, и въ юрту ко мнѣ пришолъ и повитался, и послѣ

того первое его слово было, что богдыханъ слышалъ, что россійскій Бѣлый царь послалъ тебя съ посольствомъ къ богдыханову величеству, и для того годыхановo величество послалъ его съ жестокимъ указомъ, чтобъ онъ твою великаго государя грамоту отъ меня взялъ и распечаталъ и прочелъ что въ ней именно писано, и про иныя про всякія дѣла распрашивалъ накрѣпкожъ, и потомъ посылалъ наскоро къ богдыхану объявить, а буднe хочу твою великаго государя грамоту отдать и про иныя дѣла сказать когда учинится надо мною, какъ надъ Федоромъ Байковымъ и иныя рѣчи говорилъ съ великою гордостію, и я ему говорилъ, есть у него у богдыханова величества полная мочь и на ту полную мочь, есть ли у него богдыхановъ вѣрющій, потому что обычай есть во всѣхъ государствахъ что тѣмъ, которыхъ посылаютъ навстрѣчу къ посламъ, даютъ какое письмо чтобъ вѣрилъ имъ посолъ, потому что не отъ себя говорятъ, но отъ государя своего, и онъ говорилъ, что у нихъ такого обычая нѣтъ, чтобъ дать листъ, только приказываютъ словесно; а онъ сидитъ въ посольскомъ приказѣ, какъ о томъ видѣли и твои великаго государя люди, которые были нынѣ и прежде сего, и для того его послали распрашивать обо всемъ накрѣпко, и я къ нему такъ почалъ говорить, что великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, есть будто иное солнце на свѣтѣ, и какъ солнце природною своею благостію всѣмъ, что есть на свѣтѣ, воздаетъ отъ себя, свѣтъ и благость, наипаче лунѣ и звѣздамъ, также и отъ нихъ привлачетъ къ себѣ, что благо и добро такъ и великій государь, Его Царское Величество не токмо подданнымъ своимъ воздаетъ отъ себя всякую милость и благость, но и ко инымъ вел. государямъ, которые на свѣтѣ, какъ великія звѣзды, на небѣ выбранныя, живутъ, воздаетъ отъ себя, аки свѣтъ, всякую любовь и дружбу и что къ тѣмъ слѣдуетъ, также и привлачетъ къ себѣ отъ нихъ дружбу и любовь и все иное, что добро, и то дѣло при всѣхъ народахъ почитается паче всѣхъ иныхъ, потому что не желаютъ на свѣтѣ людей иное такъ, какъ жити межъ себя миромъ, дружбою и любовью, и хотя великій государь имѣетъ дружбу и любовь и безпрерывныя посылки не токмо съ порубежными великими государи, которые многіе окрестъ государства его живутъ, но и въ дальномъ разстояніи сущимъ, однакожде желалъ великій государь издавна и съ богдыхановымъ величествомъ, потому жъ, что съ порубежнымъ сосѣдомъ жить въ мирѣ, въ дружбѣ и любви и для того посылалъ отъ себя посла къ богдыханову величеству, со всякою любовью и дружбою, однакожде богдыханово величество оказалось къ тому послу нелюбовью и для того возвратился назадъ, ничего не исправя, и того ради вел. государь отъ того времени пересталъ искать дружбу богдыханова величества. А въ прошлыхъ годѣхъ богдыханово

величество посылалъ тебя здѣсь въ Наунскіе села, и ты по его указу посылалъ трехъ человѣкъ честныхъ въ Нерчинской къ Данилу Аршинскому и писалъ къ нему и словесно приказалъ, что богдыханово величество желаетъ начать съ вел. государемъ дружбу и любовь и чтобъ онъ тѣхъ трехъ человѣкъ держалъ въ Нерчинскомъ въ аманатахъ, а отъ себя послалъ трехъ же человѣкъ къ богдыханову величеству для того, что хочетъ писать чрезъ нихъ листъ къ царскому величеству, и Данило вѣдая, что царское величество желая жить со всякими окрестными государи въ дружбе, хотя и не было о томъ къ нему государского указу, послалъ однакожде и вамъ вѣрилъ и безъ аманатовъ отпустилъ отъ себя десять человѣкъ казаковъ, а съ ними отпустилъ и вашихъ людей, и пріѣхали вмѣсте здѣсь къ тебѣ и ты взялъ ихъ наскоро и съ великимъ поспешеніемъ ѣхалъ къ богдыхану, и тамъ была имъ всякая честь и подарки, и предъ богдыханомъ были и самъ имъ приказалъ, что всякую дружбу и любовь съ вел. государемъ желаетъ, и листъ къ вел. государю писалъ съ ними жъ и ты взявъ ихъ изъ царства провожалъ до здѣшнихъ селъ, а отъ здѣшнихъ селъ посылалъ провожать до Нерчинского воеводу Мангутѣя. И изъ Нерчинского тотъ листъ привезли къ вел. государю тѣ жъ казаки и объявили про все и хотя вел. государь желалъ вельми выразумѣть, что писано въ листу богдыханова величества, однакожде для невѣдомости вашего языка выразумѣть не могли, и какъ видѣли, что листъ прочесть невозможно, чаели однакожде, что такой славной государь невозможно иное что писать, кромѣ дружбы и любви. И для того почитая богдыханово величество послалъ меня, холопа своего, къ нему известить всякую дружбу и любовь, и надѣелся вел. государь что и отъ богдыханова величества съ великою честію воспріятъ буду, а нынѣ вижу, что ты объявляешь рѣчь полную недружбу и гордость которая не повелась во всемъ свѣте, грамоты государскіе взять на встрѣче и роспечатать, и то есть явное насильство. А вел. государь послалъ столько своихъ вел. государя служилыхъ людей со мною для того, будетъ хто хочетъ учинить наспльство, и намъ всѣмъ до смерти оборонять государскіе грамоты, и ты буде хочешь взять у насъ государскіе грамоты силою, и я тебѣ вѣдомость чиню, что намъ здѣсь всѣмъ лутчи умрети нежели отъ вел. государя казненымъ быть смертію, для того что не хранили честь государскіе грамоты. И меня вел. государь послалъ посольство править предъ богдыхановымъ величествомъ, а не предъ тобою въ Наунскихъ селахъ. И какъ видѣлъ онъ, что я жестоко о томъ отказалъ, опять почелъ говорить что то дѣло, что онъ къ Нерчинскому послалъ, и про листъ богдыхана про все истинно есть. И такъ учинилось, не можетъ отпиратись, только то дѣло ныне прошло, для того что съ Даниломъ Аршинскимъ такъ постановлено было, чтобъ отповѣдь учинилась

отъ вел. государя богдыханову величеству въ срокъ въ три года противъ листа ево, и нынѣ тотъ срокъ и дѣло минуло, п. ч. уже идетъ седьмой годъ, однакожде богдыханъ приказалъ спрашивать накрѣпко, какая отповедь есть отъ тебя, вел. государя, противъ листа ево и про Гантимура, о которомъ въ листу пишетъ, отдастъ ли, или не отдастъ. И я ему говорилъ, что отповедь отъ тебя, вел. государя, замедлилось противъ листа ево, для того что отъ Нерчинского до Москвы великое и дальнее разстояніе есть, а наіпаче того замедлилось отповедь для того, что не могли выразумѣть, что въ листу ханове написано, и в чогое время іскали людей, чтобъ могли прочесть, и никакими мѣрами выразумѣть не могли. И хотя не выразумѣли, однакожде чаелъ вел. государь, что отъ такого порубежного государя не будетъ иное написано, кромѣ дружбы и любви, какъ и словесно казакомъ приказано. И у вел. государя нѣтъ обычая, чтобъ листы иныхъ окрестныхъ государей послать назадъ, только нынѣ для того послалъ со мною тотъ листъ и велѣлъ беречь съ великою честію, что и ево вел. государя грамоту и перевесть на рускій языкъ и опять съ честію къ великому государю привесть, чтобъ вел. государь выразумѣлъ подлинно, что пишетъ богдыханово величество къ вел. государю и что желаетъ. И онъ говорилъ: не можно вѣрить тому, что вел. государь не выразумѣлъ что пишетъ въ листу, п. ч. были Нерчинскіе казаки у богдыхана и самъ ихъ передъ себя взялъ и сказалъ, что пишетъ про Гантимура въ листу своемъ, и въ приказе имъ не по однижды тожде говорили и после взялъ ихъ онъ и провожалъ до здѣшнихъ селъ и на отпуске приказывалъ тожъ имъ многижды, и отпустя съ ними воеводу Мангутѣя провожать до Нерчинского, приказалъ листъ ему перевесть. И Мангутѣй съ Даниломъ Аршинскимъ переводили дважды и справливали тотъ листъ на рускомъ языке и словесно тожъ приказалъ, что про Гантимура пишетъ да и для того листъ писанъ на два языка, на богдойской да на мунгальской, для того что вѣдаютъ они, что исъ Тобольска съ рускими въ Китай приходятъ Бухарцы и Калмыки и сказываютца вел. государя людми, и мочно бы тотъ листъ и имъ перевесть съ мунгалского языка, п. ч. съ калмыцкимъ одно писмо. Да и казаки были десять человѣкъ, которые были у богдыхана и хотя бы одинъ не объявилъ, однакожде бъ иные объявили бъ, что имъ приказано и для того никакими мѣрами вѣрить нелзѣ, что вел. государь не выразумѣлъ, что въ листу писано, да и сверхъ того и тѣ казаки здѣсь нынѣ человѣкъ съ пять Игнатей съ товарыщи, которые у богдыхана были, не могутъ отпиратись, что не приказано имъ объявить про Гантимура. И я ту статью такъ очистилъ, что о томъ и я вѣрю, что казакамъ приказано объявить про Гантимура вел. государю, только то дѣло не объявлено отъ нихъ для того, что Данило какъ вы послали

къ нему, и онъ отпустилъ людей къ вамъ и листъ богдыхановъ принелъ въ то время наскоро послалъ напередъ и известилъ, что послалъ къ богдыхану людей и что листъ принелъ, и вел. государь на него зѣло гнѣвался для того что онъ безъ указу вел. государя с такимъ великимъ государемъ пословался и листъ принелъ, а людей которые языкъ разумѣли китайского от васъ не просилъ послать к вел. государю, а в листу невѣдомо что написано, пристойно ли государскіе чести или нѣтъ, и видя онъ, что государскій гнѣвъ на него великій, приказалъ тѣмъ казакамъ, съ которыми посланъ листъ, объявить только вел. государю, что богдыханъ желаетъ дружбу и любовь и торгъ завесть то въ листу писано, и словесно тожъ приказано, а про Гантимура ничего не поминали для того, что вѣдаетъ, что Гантимуръ прямой холопъ вел. государя и буде онъ объявилъ про Гантимура, что богдыханъ проситъ ево у великаго государя, еще болши привелъ бы гнѣвъ на себя вел. государя и для того то дѣло онъ утаилъ и казаки. Да ныне какъ великій государь меня изволилъ послать сюды, взятъ былъ Данила къ Москвѣ для тогожъ и я ево на отпуске по указу вел. государя распрашивалъ накрѣпко, что богдыханъ желаетъ отъ великаго государя и что въ листу пишетъ и что казакомъ словесно приказано, и онъ тожъ говорилъ что и в листу и словесно тожъ приказано, что богдыханъ съ вел. государемъ желаетъ дружбу и любовь и чтобъ торгъ завесть межъ обоихъ государствъ, а кромѣ того иного не приказано. И бояринъ посмеявся говорилъ, кажется что правда, однакожде они не вѣрятъ, и вѣрить нелзѣ, потому что бъ такіе люди, что казаки самому великому государю объявить нелзѣ, а что ближнимъ людемъ объявить бы мочно. И я ему говорилъ, что для того они не вѣрятъ, п. ч. мнятъ что вел. государь подлинно вѣдаетъ про Гантимура, что онъ подданной прямой богдыхановъ и вел. государь поступаетъ неправдою и не хочетъ ево отдать и для того притворяется ничего не знати объ немъ, и о томъ надобно имъ отложить то мнѣние, п. ч. тѣ поступаютъ неправдою и обманомъ, которые боятца одинъ одного, а вел. государь опричь одного Бога на свѣте не боитца никого иного. И какъ богдыханъ смѣлъ писать къ вел. государю про Гантимура, что подданной ево, такъ и вел. государь наипаче бъ смѣлъ писать къ богдыхану про Гантимура, п. ч. ево вел. государя прямой подданной. И правда ево, а Данилу что онъ не объявилъ отъ вел. государя будетъ великое наказанье. А про такого мужика, что Гантимуръ неисчетные такіе подданные въ Сибирскомъ государстве есть, которыхъ знаютъ воеводы и ясакъ, что на нихъ положено, збираютъ. А вел. государь такихъ имена и не вѣдаетъ. И онъ противъ того говорилъ, что сказать правду, что богдыханъ просилъ казаковъ не для того мужика Гантимура из Нерчинского острогу, п. ч. про такого мужика только такимъ

великимъ государемъ ссылатись непристойно, а наипаче для того казаковъ призвали и листъ къ вел. государю писали, чтобъ провѣдали какіе люди живутъ въ Албазинскомъ і въ Нерчинскомъ і въ Селенгинскомъ і во иныхъ острогахъ, вел. государя люди, или нѣтъ, п. ч. мы чаемъ только тѣ вел. государя люди, которые приходятъ степью ис Тобольска къ намъ часто, и тѣхъ называемъ Русовъ, а здѣшнихъ, которые прежде сего жили. и нынѣ живутъ въ тѣхъ острогахъ, чаемъ, что иной народъ есть, а не ево вел. государя люди, и для того называемъ ихъ другимъ именемъ, Лучи, то есть воровское войско, а нынѣ видимъ чрезъ твой пріѣздъ, что подлинно ево вел. государя люди и впредь будемъ вѣрить имъ. И опять почелъ говорить, чтобъ показалъ твою вел. государя грамоту и роспечаталъ и сказалъ, что въ ней писано, п. ч. въ царстве какъ буду, бугдыханъ самъ не принимаетъ грамоты и емлютъ они въ приказъ и переведутъ и ему извещаютъ, и чтобъ ему объявилъ, какъ буду у бугдыхана буду ли дать въ приказе, или также стану упрямитца какъ Байковъ, и ему приказано о томъ роспрашивать. И я ему говорилъ что грамоту вел. государя не токмо роспечатать дамъ, а и показать нелзѣ, для того что отъ вел. государя наказанъ буду смертию, а про Байкова и воспоминать нелзѣ, п. ч. то посольство отъ нынешняго рознитца, для того что тогда начиналось отъ вел. государя, а нынѣ начиналось отъ богдыхана посольство и какъ вел. государь бугдыхана во всемъ почитаетъ и всякую дружбу и любовь къ нему объявляетъ, такъ чаю, что и богдыханъ противъ того ни въ чемъ печальствовать будетъ вел. государя, а во всѣмъ объявить дружбу и любовь, и какъ всѣ великіе государи принимаютъ пословъ, наипаче отъ сосѣдовъ и друзей своихъ, такъ чаю, что и богдыханово величество потому жъ учнетъ принимать, и то дѣло взаимъ же будетъ, какъ и отъ него будутъ къ вел. государю послы. И онъ говорилъ, что онъ по дружбе объявилъ, что у нихъ такой обычай есть, и опять просилъ у меня видеть хотя печать какова есть вел. государя вашего на грамотахъ, и я ему отказалъ, что то невозможно учинить, и онъ опять говорилъ, что ты грамоту вел. государя не объявляешь, однакожде объяви, что въ грамотѣ писано, потому буде въ грамоте написано какіе грозы или непристойные слова, велено тебя отпустить назадъ, а въ царство не взять, а я ему говорилъ, чтобъ онъ сказалъ правду, возметъ ли въ царство бугдыханъ насъ, или нѣтъ и есть ли у тебя указъ, что насъ взять. И онъ говорилъ, что указъ есть взяти, только какъ увидитъ, что нѣтъ никакія ссоры въ грамоте написаны, и осмотрятъ поминки, и тогда отпуститъ напередъ съ вѣдомостию къ богдыхану, а мы потихонку за ними пойдемъ. И я ему говорилъ, что въ грамотѣ и словесно отъ тебя вел. государя иного не приказано, опричь дружбу и любовь сосѣдственную постановить, исъ которого бы учинилось обоихъ госу-

дарей и государства ихъ прибыль, а про поминки хотя отъ богдыхана къ вел. государю не были, однакожде вел. государь, хотя показать большую дружбу и любовь, послалъ, что чаелъ богдыхану любезнее, и что лутчи родитца въ его государстве и вѣдаетъ вел. государь, что у богдыхана, таково великого государства государя всякое сыщется, однакожде тотъ знакъ дружбе живетъ межъ великихъ государей почитать взаимъ другъ друга поминками, чемъ имъ любо. И онъ говорилъ, что словеса мои зѣло красны, только бъ и на сердце была правда такая жъ и онъ мнѣ вѣритъ, только проситъ у меня, чтобъ я ему далъ, что говорилъ все на рускомъ писме, и онъ то писмо дьяку своему и подъячимъ прикажетъ со мною перевесть на ихъ языкъ и подлинное то мое писмо и переводъ пошлетъ къ богдыхану и то будетъ ему очистка и мнѣ вѣрность. И я ему говорилъ, что словесно сказалъ, то и въ царстве скажу, и всегда тожде будетъ и на писмѣ отнюдь не дамъ, а не дамъ для того, что у нихъ есть изменники рускіе люди, которые люди то писмо перевесть будутъ и они по природе измѣнниковъ и воровъ переведутъ не по правде, для того что межъ обоихъ государей желаютъ они ссоры и недружбы, а что я говорю, и то имъ мочно писать по своему и послать къ богдыхану. И какъ буду тамъ, буде иные розные рѣчи будутъ въ грамоте или словесно, опричь дружбы и любви, тогда въ ничемъ мнѣ не вѣрьте. И онъ говорилъ, что онъ вѣритъ, только ему отъ богдыхана будетъ наказанье, для чего грамоты не смотрѣлъ и писма не взялъ и поминки какие не видалъ. И я ему говорилъ, что про поминки утаить не по что, видитъ онъ и самъ кречата, а иные есть мягкіе рухляди. И онъ говорилъ, что кречаты у нихъ немного сыщется, однакожде есть, и нынѣ у богдыхана есть одинъ кречатъ весь бѣлой, а иные поминки и не просилъ смотрить, только говорилъ, что учнетъ писать о всемъ къ богдыхану. И после того далъ своею рукою писмо, что и они какъ будутъ отъ нихъ къ тебѣ вел. государю послы, потому жъ будутъ учинить. И после того повитались и вышелъ изъ юрты и пошолъ и въ свою юрту я въ свою избу, и тотчасъ посылалъ за мною товарища и подъячихъ и писали по своему, что ему говорилъ, что опричь дружбы и любви въ грамоте твоей вел. государя и словесно не приказано, и просили у меня писать по руски тожде, и я по прежнему имъ отказалъ накрепко. А на другой день пріѣхалъ ко мнѣ въ избу онъ съ товарыщемъ и съ подъячими и опять почалъ говорить, что грамоту не токмо честь, но и видеть не даешь, да и на рускомъ писмѣ что словесно говоришь, не хочешь дать, и для того мы тебѣ не вѣримъ, что говоришь, а не вѣримъ для того что у васъ всегда непостоянство живетъ, какъ было и у Байкова и иныхъ торговыхъ, которые после того къ намъ пріѣхали, и въ прошлыхъ годѣхъ иное говорите, а иное дѣлаете, наипаче что въ

прошломъ году въ марте жъ мѣсяце, тому нынѣ годъ ты отпущенъ отъ вел. государя къ намъ здѣсь съ посольствомъ, а вашего вел. государя люди Албазинскіе казаки, приходили человѣкъ съ триста войною на наши села на здѣшніе крайніе и хотѣли пленить и разорить и говорить правда, наши здѣшніе люди зѣло испужались п. ч. не были в собраніи, а сотникъ нашъ ихъ обманывалъ, чтобъ они подождали покамѣстъ соберетъ жену и дѣтей своихъ и людей, и они сами пойдутъ съ ними, а сотникъ побежалъ и известилъ здѣшнимъ воеводамъ. И какъ видели казаки, что собрались здѣшние люди, и сотникъ ихъ обманывалъ, опять бежалі назадъ и ничево не здѣлали. Да сверхъ того, какъ ты ѣхалъ изъ Нерчинского сюды, а они жъ Албазинскіе ѣхали по Амуру и по Зие рекѣ, и сколько есачныхъ и промышленныхъ нашихъ людей, сыскали ихъ устрашили и говорили указъ вел. государя къ намъ есть строить городы по Амуру и по инымъ рекамъ вездѣ и для того дайте намъ есакъ, а буде не дадите, и мы васъ до конца разоримъ. И они испужались и есакъ имъ дали, да опричь того иные многие обиды нашимъ людемъ чинятъ еже день, а отъ нашихъ къ нимъ никакие обиды не бываетъ, и здѣшние воеводы после отпуску Игнатьева послали и известили богдыхану про все, что Игнатей сказалъ что посолъ идетъ з дружбою, а казаки уже воюютъ и чтобъ и посолъ не войною ли посланъ, или войну объявить или есакъ отъ богдыхана просить, или иные какие грозы сказать чрезъ него приказаны. И для того богдыханъ послалъ меня наскоро и приказалъ спрашивать тебя накрепко, съ чемъ идешь къ богдыхану, п. ч. вамъ не вѣримъ, и какая дружба и миръ будетъ какъ отъ страны посольство правите, а з другой воюете, и какие торги будутъ, какъ война, и то явное дѣло, что или казаки здѣшние воры и не того вел. государя люди, или вы неправдою и лукавствомъ поступаете съ нами и покамѣстъ не будетъ смиритись здѣшней рубежъ, никакими мѣрами дружбы и любви быть межъ обоими великими государи невозможно. А мы терпимъ имъ для ради имяни вел. государя а мочно бы ихъ удавить, вѣдаемъ мы по скольку человѣкъ живутъ въ здѣшнихъ острогахъ и въ прошлыхъ годѣхъ воевали они по Амуру, однакожде ихъ всѣхъ удавили и видели они и пушки, и бусы наши; и иные многие рѣчи сердцемъ говорилъ. И я отповедь учинилъ ему, что про Байкова непостоянство было или нѣтъ, то дѣло старое и поминать и спорится о томъ ненадобно, а торговые смотрятъ торгъ и прибыль свою, а въ государские дела и мешатись не смѣютъ. А что про Албазинскихъ говоришь, и то не такимъ намѣрениемъ учинилось, п. ч. приходили они въ Нерчинской ко мнѣ и объявили про все, что есачные вел. государя, которые живутъ межъ Нерчи и Албазина въ прошломъ году бѣжали и они за ними гоняли по слѣду, потому для того они и живутъ здѣсь, чтобъ берегли

ясачныхъ людей, а тотъ слѣдъ дошолъ близь вашихъ селъ, и опять поворотились внизъ по Амуру и они по слѣду пошли и есачныхъ сыскали и поворотили ихъ назадъ, а вашимъ людемъ никакого разоренья не учинили и ни чемъ не вредили, а про есакъ что говоришь, что у вашихъ людей просили и устрашили, и то не такъ было, п. ч. Тунгусы Лѣнские убили и грабили на Лѣне многихъ казаковъ и бежали здѣсь на Зию реку, и нынѣ Албазинские казаки нашли и за воровство ихъ довелось было побить ихъ, а они только есаку взяли соболей съ шестьдесятъ и зимовье поставили по обычаю, а отъ вашихъ ясачныхъ людей ничего не просили. И онъ говорилъ, что видитъ и онъ, что тебѣ вел. государю о тѣхъ дѣлехъ вѣдомости нѣтъ, такъ же и мнѣ, холопу твоему. И буде ему не вѣрю, здѣсь есть Албазинские, которые пріѣхали съ Игнатьемъ и ихъ бы по вашей вѣре в тайне роспрашивалъ и увидишь, что все такъ истинно учинилось и ни въ чемъ не лгу, а не грабили казаки никого для того, что не успѣли, п. ч. нашихъ собралось с Мунгальцами съ тысячю. И я ему говорилъ: Богъ вѣдаетъ, что у тебя вел. государя никакая война или недружба или грозы нѣтъ, опричь дружбы и любви, для того что воры начинаютъ внезапно и безъ вѣдомости войны, а у вел. государя такой обычай, буде хто изъ порубежныхъ государей неправдою поступаютъ и причины такие даетъ, тогда прежде посылаетъ посольство и объявляетъ неправды ево, и буде не престанетъ, скажетъ ему войну, и на томъ прикладъ ему говорилъ, какъ ты вел. государь въ прошлыхъ годѣхъ салтану Турскому объявилъ войну чрезъ Василья Даудова, и иные рѣчи многие были междо нами. И после того опять онъ смеялся и говорилъ, что казаки, когда промышляютъ съ ихъ людьми вмѣсте, зовутъ въ гости ихъ людей къ себѣ и кормятъ, а после того вяжутъ накрепко и сколько соболей есть, возмутъ отъ нихъ. И сверхъ того еще бьютъ и говорятъ: дайте иные соболи, которые у васъ спрятаны. Такие добрые люди ваши казаки, что на свѣте иныхъ такихъ нѣтъ. И я ему говорилъ: что то дѣло мочно спокоити, какъ дастъ Богъ посольство исправится з добрымі дѣлами и будетъ отъ тебя вел. государя посланъ начальникъ надъ ними таковъ, которой будетъ ихъ наказати накрепко, не подождавъ твоего вел. государя указу, и никакихъ обидъ впредь вашимъ людемъ чинить не будутъ, также и отъ богдыхана здѣсь на рубежъ посланъ будетъ таковъ же начальникъ, который вашихъ людей будетъ унимать отъ ссоры, и такъ тѣ обоихъ вел. государей начальники съ полною мочью и не подождавъ обоихъ вел. государей указу, злыхъ людей будутъ наказать и рубежъ усмирить, и такъ ссоръ впредь не будетъ.

И онъ говорилъ, что воистинно лутчи того дѣла быть невозможно и покаместъ такъ не будетъ, и миру не будетъ же, наипаче отъ васъ, п.

ч. отсель Москва далече, а богдыханъ неподалеку живетъ. И я ему говорилъ, что то дѣло не трудно и мочно дѣлать, только дай Боже, чтобъ прежде основаніе учинилось, се есть дружба и любовь межъ обоихъ государей, а тѣ дѣла всѣ слѣдуютъ къ тому. И онъ говорилъ, что мы рады тому и чаемъ, что будетъ дружба, только бы отъ васъ перестали ссоры, а отъ насъ какъ прежде сего не было, и нынѣ нѣтъ же, и впредь не будетъ же. И после того потчивалъ я ево водкою и инымъ и поѣхалъ онъ въ юрту свою.

И марта въ 5-й день опять пріѣхалъ ко мнѣ и опять тѣ жъ рѣчи говорилъ и просилъ твою вел. государя грамоту видеть или ему дать на рускомъ писмѣ, также и про Гантимура и про казаковъ тѣ жъ рѣчи говорилъ и отъ меня ту жъ прежнюю отповедь взялъ и не токмо онъ самъ ходилъ ко мнѣ по часту, но и товарища своего и воеводъ и подъячихъ посылалъ часто, а всѣ тѣ жъ рѣчи роспрашивали порозну и все то учинили для отвѣдованія, чтобъ видели, все ль одни слова у меня, или рознятся, чтобъ сыскали у меня въ речахъ какое премененіе и я того остерегался накрепко, п. ч. они самые подозрительные люди. Да и я потому жъ къ нимъ посылалъ дворянъ московскихъ и дѣтей боярскихъ объ тѣхъ же дѣлехъ говорить по часту, а я къ нему въ избу не пошелъ, хотя онъ чрезъ воеводы искусилъ то дѣло не по однажды, чтобъ къ нему въ избу итить. И марта въ 7-й день опять приходилъ ко мнѣ съ товарищемъ и съ подъячими и опять почалъ говорить и роспрашивать тѣ жъ рѣчи. И я тужъ отповедь ему далъ и говорилъ, что впредь буде объ иномъ дѣле роспрашиваетъ, и я ему отповедь учиню, а про тѣ дела, о которыхъ тысячью роспрашивалъ и отповедь взялъ же, впредь и отповеди не учиню, п. ч. уже и сердце и голова болитъ, и вижу я, что они чаютъ, что мы лукавствомъ поступаемъ и хочемъ ихъ обманывать, и я не токмо ему, но и на Селенге какъ Мунгаломъ и дорогою вездѣ, что идемъ посольствомъ къ богдыхану, объявили, а идемъ любовью и для дружбы, а иныхъ у насъ рѣчей нѣтъ и впредь не будетъ. И онъ говорилъ, что Селенгинские казаки живутъ съ Мунгалами смирно, а здѣшние зѣло лихи и не смирны, такъ же говорилъ, чтобъ не покручинился, что роспрашиваетъ объ одномъ дѣле многижды, для того что царскіе дѣла надобно дѣлать смотрительно и не спѣшно и ему отъ богдыхана такой указъ данъ, чтобъ гораздо искусилъ меня и рѣчь мою во всемъ, и какъ видитъ, что я храню твой вел. государя указъ накрепко, такъ и онъ своего государя указъ хранитъ же и хочетъ отпустить къ богдыхану наскоро товарыща своего и подъячего въ царство, а недоумѣетъ какъ писать къ богдыхану п. ч. твою вел. государя грамоту не токмо прочелъ, но и не видалъ, а про Гантимура никакой отповеди нѣтъ же а поминковъ не смотрилъ же и что говорю, на письма дати не хочю, только

словесно говорю про все, а свидѣтелства о томъ на писмѣ ничего нѣтъ, и хотя онъ здѣсь вѣритъ мнѣ во всемъ, что говорю, а опасается, что въ царстве не будутъ вѣрить і въ опале отъ государя своего будетъ; а твою вел. государя грамоту самъ ли хочю поднести богдыхану или въ приказе отдамъ, и о томъ не хочу объявить, какъ и Байковъ дѣлалъ; а у нихъ обычай, что грамоту возмутъ въ приказе и прочтутъ и после того предъ царемъ къ поклону возмутъ. И я ево роспрашивалъ, грамота ль честнѣе, или посолъ? И онъ говорилъ, что грамоты государскіе далеко честнее посла, для того что безъ грамотъ и послу не вѣрятъ, что говоритъ. И я ему говорилъ, для чего посла предъ царемъ къ поклону емлете, а великого государя грамоту, которое честнее посла, предъ царя не емлете. И онъ тому и отповеди не могъ дати, только говорилъ, что у нихъ устарѣлся такой обычай. А Байковъ не токмо грамоту не далъ, но и поклонъ предъ богдыханомъ правити не хотѣлъ, потому что у него здѣсь есть писано все посольство Байкова. И я ему говорилъ, что поклонъ править отъ государя къ государю, то обычай посламъ у всѣхъ народовъ; а что насильство и безчестіе посламъ учинить не токмо тѣмъ, которые з дружбою и з добрыми дѣламі идутъ, но хотя и тѣмъ, которые и недружбу объявляютъ, однакожде честь посламъ хранится, потому что посолъ волной, и что говоритъ, не отъ себя, но отъ государя своего. И онъ говорилъ, что то правда, и у нихъ посломъ честь хранится накрепко, только всякой государь во своемъ государстве какой хочетъ обычай, такъ и постановитъ, государь государю не указываетъ. И я ево роспрашивалъ, что онъ нынѣ отпущаетъ товарища напередъ къ богдыхану, а мы за нимъ потихонку поѣдемъ ли или нѣтъ съ тобою вмѣсте И онъ говорилъ, что въ дватцатой день будетъ отповѣдь отъ богдыхана съ товарищемъ ево; и какъ изъ царства товарищъ ево назадъ поѣдетъ, вездѣ будутъ ямы строены, а ныне ничего не строено, только посылали роспрашивать. И я ему накрѣпко говорилъ, что онъ въ речахъ моихъ не можетъ никакого лукавства сыскать или непостоянство, а у него великое непостоянство, потому что не пооднажды говорилъ, что товарища отпуститъ, а мы за нимъ поѣдемъ же, а нынѣ говоритъ, что невозможно. Итакъ впредь вѣриті ему ни въ чемъ нелзѣ. И онъ говорилъ, что онъ виноватъ предо мною, и буде хочешъ, возми палку и ударь въ голову, и то говорилъ не пооднижды, и безчести меня, какъ хочешъ. И я ему говорилъ, что то дѣло и помышлять нелзѣ, только или возми насъ въ царство, или дай наши верблюды и кони и мы пойдемъ въ государство государя нашего и тамъ подождемъ, потому что великій государь указалъ ѣхать мнѣ съ великимъ поспешеніеиъ наскоро. И онъ говорилъ: вѣдаетъ и онъ, что великаго государя указъ есть, чтобъ ты ѣхалъ съ великимъ поспешеніемъ, потому что переводъ наказные самяти Игнатьевы есть у нево и прочолъ мнѣ пере-

водъ, и въ трехъ мѣстехъ написано было, что идетъ посолъ съ великимъ поспешеніемъ, только я васъ не смѣю назадъ отпустить, ни напередъ взять безъ указу; а буде ты хочешъ назадъ ѣхать, и я за ногу ухвачю и съ тобою пойду, а отъ тебя не отлучюсь, и многие иные рѣчи говорилъ, и гораздо ему стыдно было, потому что і въ иномъ дѣле захватилъ ево въ непостоянство, для того что прежде сего обещался онъ мнѣ дать твоихъ вел. государя ясачныхъ якутовъ, которыхъ поймали ихъ люди на промыслу, и два были въ царстве и приѣхали назадъ, а иные человѣкъ з дватцать въ здѣшнихъ селахъ з женами и з детми; і въ тотъ день опять отказалъ и говорилъ, что отдать ихъ безъ указу не смѣетъ; а какъ буду у богдыхана, и тогда конечно будетъ указъ и отдадутъ ихъ. І видя я, что невозможно ихъ склонить, чтобъ ѣхали въ царство, говорилъ ему, чтобъ онъ отпустилъ товарыща наскоро, и приказалъ бы ему ѣхать туды и сюды съ поспешеніемъ. И онъ говорилъ, что въ дватцатой день подлинно будетъ и конечно будетъ указъ взять насъ въ царство наскоро, потому что иныхъ плохихъ людей и торговыхъ емлютъ въ царство, а насъ, которые идутъ отъ такого славного і великого государя и з добрыми делами какъ не взять; и опять поѣхалъ въ свою юрту.

І въ тѣхъ дняхъ писали день и ночь всѣ розговоры, которые были междо нами. И марта въ 9 день въ полночь отпустилъ товарыща своего дьяка и старого подъячего къ богдыхану съ немногими людми, и при отпускѣ былъ онъ дьякъ и подъячей. И роспрашивали, сколько людей со мною и и сколь давно отъ тебя вел. государя, и изъ Нерчинского сколько ѣхалъ, и про иные дела про многие спрашивали для того, что объявить богдыхану. И я имъ истинно отповедь учинилъ и, подаря ихъ, отпустилъ.

А бояринъ со мною живетъ въ дружбе и посылаетъ рыбу белуги и иное, что у него сыщется, часто и про здравье спрашивать посылаетъ воеводъ; а я такожде къ нему посылаю, и живетъ до сего времени въ дружбе і въ совѣте со мною, и кормъ идетъ по вся дни довольно твоимъ вел. государя людемъ, и отъ нашихъ людей никакіе досады мужикомъ ихъ не учинится і всѣ ради тому, чтобъ междо обоихъ великихъ государей учинилась дружба и любовь, а про толмачей и про переводъ твоей вел. государя грамоты и листовъ ихъ сказывалъ мнѣ бояринъ, что есть у нихъ нѣмцы многие, которые знаютъ по китайски и по руски и иные многие грамоты и языки; и одинъ живетъ всегда при богдыхане и зѣло жалуетъ ево для того, что смотритъ на звезды, а вѣра ево крестъ, и по примѣтамъ, какъ онъ говоритъ, есть езуиты, и тѣ нѣмцы католики; и буде сыщутся езуиты тамъ или иные какие иноземцы, чтобъ знали китайскаго языка, и тогда мнѣ будетъ лехко и полезно про твои вел. государя дела съ ними говорить для того, что хотя я выбралъ исъ Тоболска, изъ Селенгинского

и изъ Нерчинского, что лутчие были толмачи, однакожде на силу можемъ выразумѣть съ китайскимъ бояриномъ, что говорилъ междо себя, потому что люди безграмотные и неискусные, да и въ твоихъ вел. государя дѣлахъ не бывали жъ; только онъ боярин человѣкъ искусной и разумной и по своему и ученъ и многихъ восточныхъ языковъ умѣетъ. Итакъ меж себя болши догадомъ разумѣемъ, нежели толмачествомъ ихъ. А говорилъ онъ мнѣ, что сыщутъ они въ царстве толмача разумнаго и ученого, которой бы моглъ обоихъ великихъ государей грамоты и дела совершенно перевесть, а здѣсь хотя и небольшіе дела межъ себя говорили, однакожде тѣжъ рѣчи подтвердили по трижды для того, чтобъ не учинилась отъ неискуства толмачеі какая смута или лишніе слова. И будучи, государь, въ Наунскихъ селахъ марта въ 15 день, приходилъ ко мнѣ Селенгинской служилой человѣкъ, толмачь Богдайского да Никанского языку, которой і въ прошломъ году былъ въ толмачехъ з Гавриломъ Романовымъ въ Китаехъ, а родомъ онъ былъ Никанченинъ, и выѣхалъ на твое вел. Государя имя тому лѣтъ съ тритцать, какъ была война по Амуру с китайцами, и крестился и служилъ тебѣ великому государю на Москвѣ и въ Тоболску и въ иныхъ Сибирскихъ городѣхъ вездѣ вѣрно и никакая измена за нимъ не объявилась; и для того я для скудости толмачей взялъ ево изъ Селенгинского, а въ твоихъ вел. государя делахъ былъ иной толмачь, потому что онъ руского языку мало умѣетъ. И онъ мнѣ бутто со страхомъ говорилъ, что слышалъ онъ подлинно отъ китайского подъячего и отъ людей боярина китайского, что онъ посылалъ къ Мунгалскимъ тайшамъ, чтобъ они собралі войска и пришли на насъ внезапно, чтобъ насъ всѣхъ убили и грабили для того, что мы ходимъ къ нимъ обманомъ, и будто лазущики въ ихъ государство; а за нами идетъ войска и хочемъ ихъ государство воевать. И я и не вѣрилъ, что говорилъ онъ, и роспрашивалъ ево не поодножды о томъ накрепко, и онъ тѣжъ рѣчи сказалъ; однакожде я никому не объявилъ, ни боярину, ни твоимъ вел. государя людемъ, и ему заказалъ накрепко, чтобъ никому объ томъ не объявилъ, потому чтобъ не учинилось оттого какое смущеніе отъ нашихъ людей или отъ нихъ; только почалъ издали искусити боярина паче прежнего з дружбою и съ поминки и притворился такъ, будто не знаю и не слыхалъ ничево, потому что опасался, чтобъ бояринъ не поставилъ нарочно толмача сказать мнѣ тѣ рѣчи, чтобъ онъ отвѣдалъ, что я буду дѣлать, для того что отъ такихъ дѣлъ, хотя и ложныхъ, многижды великие войны начинаются.

И по немногихъ дняхъ празднующе великой праздникъ Свѣтлого Христова Воскресенія, (которой дай Боже тебѣ вел. государю со всею палатою и съ войскомъ долголѣтно и благополучно праздновати, по христианскому обычаю послалъ я къ нему боярину золоченые яйца и иные вещи

многие, потому что послалъ онъ людей своихъ, чтобъ смотрили издали все дѣйствие христианское и виделъ и онъ весь нарядъ нашъ и чинъ, что посольской, а не воинъской и празднуемъ такъ безопасно и безподозрѣнія, будто празднуемъ въ твоемъ вел. государя государстве; и я то нарочно здѣлалъ, чтобъ онъ отложилъ отъ себя всякое подозрѣніе отъ насъ и въ той свѣтлой день, будучи съ поминками у него мои люди, принялъ онъ съ великою учтивостию и говорилъ и иному толмачю, который въ дѣлехъ былъ, что есть у него боярина некоторое тайное дѣло, которое самъ хочетъ онъ ко мнѣ притить и объявить для того, что то дѣло чрезъ иныхъ объявить невозможно, и ныне для ради великого нашего праздника, подождавъ до третьева дни, самъ будетъ ко мнѣ и тогда обо всемъ скажетъ. И марта въ 28 день пришолъ онъ самъ ко мнѣ только одинъ, да съ нимъ подъячей, которой пріѣхалъ исъ Китай, и выслалъ изъ юрты всѣхъ, только остался онъ съ подъячимъ, да толмачь, да мой подъячей, и почалъ говорить, что онъ во всемъ, что я ему объявилъ, конечно вѣритъ и ни въ чемъ не сумневается. Такъ же о томъ писалъ и къ богдыханову величеству съ товарыщемъ своимъ, какъ онъ чаетъ, что лутче будетъ и вѣрнее, чтобъ межъ обоихъ великихъ государей подтвердилась вѣчная дружба и любовь и чтобъ посланъ былъ указъ изъ царства взяти насъ наскоро съ великою честию, какъ о томъ скорымъ времянемъ надѣется быть, потому что онъ то дѣло началъ, какъ государя ево листъ къ тебѣ великому государю посланъ, и ныне тому наипаче радѣетъ, чтобъ то дѣло добрымъ совершенствомъ скончалось. Толко есть нѣкоторые лихие люди, которые то дѣло смущаютъ нѣкоторыми рѣчми ложными и лукавствомъ своимъ хотятъ межъ нами недружбу чинить и хотя онъ не вѣритъ отнюдь, толко опасается, чтобъ не слышно было и простымъ народамъ здѣшнимъ, которые не умѣютъ разсудить межъ истинны и лжи и межъ добраго и худа, и тѣ рѣчи давно онъ слышалъ и хотѣлъ объявить мнѣ, толко для праздника задержался и для ради того, что чаялъ, что тотъ человѣкъ впредь не учнетъ говорить такие ложные рѣчи; а какъ виделъ, что тѣ рѣчи умножились и тотъ человѣкъ не преставъ, такъ онъ пришолъ по дружбе объявить про все. И я ему говорилъ, что богдыханово величество для того выбралъ и посадилъ ево въ посолскомъ приказе и посылаетъ встрѣчи ко всѣмъ приходящемъ посламъ, потому что человѣкъ искусный во всѣхъ делахъ и разсудительный, и чтобъ онъ пожаловалъ объявилъ, хто человѣкъ тотъ и какіе рѣчи ево. И онъ говорилъ, что есть со мною толмачь, родомъ Никанченинъ, которой і въ прошломъ году былъ в Китаяхъ з Гавриломъ Романовымъ и потому знакомецъ ему, и спрашивался онъ толмачь видѣтца съ нимъ многижды, а онъ не хотѣлъ для того, что виделъ ево въ прошломъ году, что онъ человѣкъ бездѣлной и смутительной;

и какъ онъ видѣлъ, что къ нему приступу нѣтъ, началъ подружитись съ ево людми и съ подъячимъ ево и неподнижды имъ говорилъ, что тѣ, которые пришли къ вамъ съ посолствомъ въ красныхъ шапкахъ, не ищутъ дружбы и любви, а ищутъ государства вашего и головъ вашихъ, потому что они пришли къ вамъ будто съ посолствомъ, чтобъ васъ обмануть, а за ними стоитъ войско сто тысячъ въ урочныхъ мѣстехъ и только ожидаетъ знакъ отъ здѣшнихъ и тотчасъ будутъ здѣсь и станутъ рубить и разорить, а пищали у нихъ все готовы и зарежены у здѣшнихъ, чтобъ и они почали васъ убивать, и иные многие такие жъ бездѣльные и не сущие рѣчи людемъ ево и подъячемъ и инымъ сказалъ, а онъ боярин подъячемуи людемъ своимъ заказалъ, чтобъ впредъ съ нимъ отнюдь ничего не говорили, и тѣ рѣчи потому жъ никому не объявилі для того, что ложь и несущее дѣло; и хотѣлъ и мнѣ о томъ ни о чемъ не объявить. А какъ онъ видѣлъ, что рѣчи умножились, и къ инымъ тогда пришолъ объявить самъ, чтобъ ему за то учинить наказанье, чтобъ пересталъ впредъ такіе ложные рѣчи заводить. И я тотчасъ послалъ за того толмача и взялъ передъ себя, чтобъ на очной ставке ево уличилъ, что имъ онъ говорилъ про войско, и что мнѣ говорилъ про Мунгалцовъ; и роспрашивалъ ево при боярине, говорилъ ли имъ такие рѣчи или нѣтъ; и онъ говорилъ такъ что такіе имъ рѣчи говорилъ нарочно для того, чтобъ отвѣдалъ от нихъ, что они противъ того учнутъ говорить. И я ево роспрашивалъ, отъ себя лі онъ тѣ рѣчи вымыслилъ, или хто ево научилъ. И онъ сказалъ, что отъ себя говорилъ, а хотѣлъ тебѣ вел. государю службу показать, а нихто ево не училъ. И после того боярина спрашивалъ, въ которое время тѣ рѣчи подъячему и людемъ ево говорилъ. И боярин сказалъ, что после отпуску товарыща ево въ царство на другой день. И я ему говорилъ, что въ тотъ же день приходилъ ко мнѣ и объявилъ, что слышалъ отъ подъячего и отъ людей, что послалъ къ мунгалскимъ тайшамъ, чтобъ пришѣхали съ войскомъ убить насъ и грабить, а я на нево плевалъ и не вѣрилъ, потому что не слыхано на свете, что пословъ безъ причинъ убить. И какъ слышалъ боярин и смеялся много и говорилъ, что такого лукавства еще не слыхалъ, что въ одно время хотѣлъ меня и ихъ обмануть и смутить. И роспрашивалъ ево боярин, откуду онъ слышалъ про мунгалцовъ; и онъ говорилъ, что ему сказалъ подъячей да люди ево; и боярин говорилъ, естьли бы я былъ малодушной и вѣрилъ бы ему, и нарежался оборонятись отъ мунгалцовъ, а они бы видѣли, что мы готовимся, и чаяли бъ, что подлинно войско за нами идетъ, какъ онъ имъ сказалъ, и такъ бы межъ себя беду и учинили и ссоры напрасно; также говорилъ, что то дѣло не токмо дѣлати, но и помышляти нелзѣ, потому какъ Ѳедоръ Байковъ былъ у нихъ съ посолствомъ, а по Амуру была война межъ ихъ и

*

рускихъ людей, однакожде Байкову ничего не учинили, и есть ли бы онъ не упрямился, всякая бы ему честь и удовольствованіе было; а ныне и подумать нелзѣ, чтобъ насъ въ чемъ вредить и притомъ на прикладъ молвилъ, взявъ волосъ одинъ изъ соболей шубы, что хотя и васъ полтораста человѣкъ убили бъ, однакожде столко бъ скудость людей учинилась бы Бѣлому царю, сколько скудость моей шубы отъ того волоса, потому что мы желаемъ дружбу завесть, а не войну; и хотя бъ была межъ нами война, а ты бъ пріѣхалъ съ посолствомъ и тебѣ бъ никакое насильство не учинилось, какъ и ныне, потому что богдыханъ желаетъ славу добрую и дружбу держать со всѣми и иные многие рѣчи говорилъ. И я ему говорилъ, что и онъ человѣкъ разумной, что тому вору не вѣрилъ, и мошно то дѣло имъ провѣдать, есть ли гдѣ наше войско и чемъ войско кормится и кони, для того, что пора зимнея и обманомъ и внезапно наступаютъ съ войскомъ воры, а великіе государи прежде объявляютъ причины войны и после воюютъ. И онъ говорилъ, что то дѣло истинно и богдыханъ такъ дѣлаетъ, и въ прошлыхъ годѣхъ послалъ листъ къ тебѣ великому государю для того, и писалъ, что Даурскіе казаки твоимі великого государя люди или самовольные воры Лучи, которые і прежде сего воевали по Амуру, и ожидалъ отповѣди отъ тебя велик. государя; и какъ бы не было вѣдомости и посольства чрезъ нихъ къ богдыхану, что они твои великого государя люди, такъ бы ихъ воевали, какъ и прежнихъ по Амуру. И я ему говорилъ, что тѣ прежние по Амуру ходили безъ твоего великого государя указу самовольно и для того не искалъ ихъ вел. государь къ богдыхану ни грамотою, ни посольствомъ, ни войною; а нынешніе Даурскіе остроги всѣ поставлены по его вел. государя указу не для вредительства богдыхановымъ людемъ, только для обереганія ясачныхъ иноземцовъ. И онъ говорилъ, что то истинно такъ было, что тогда по Амуру многихъ языковъ поймали исъ казаковъ и они такъ же говорили, что они по Амуру воюютъ безъ указу вел. государя; да и про нынешнихъ Даурскихъ казаковъ Сеиткулъ и иные бухарцы и татары, которые приходятъ чрезъ степь исъ Тобольска въ Китай торгомъ, тожде говорили, что они живутъ въ Даурахъ безъ указу вел. государя, однакожде они имъ не вѣрили и для подлинной вѣдомости въ прошлыхъ годѣхъ писали листъ къ тебѣ вел. Государю и ныне чрезъ моего пришествіе безъ сумнительства вѣрятъ, что Даурскіе казаки живутъ въ Даурахъ по твоему вел. государя указу. А про вора того толмача, которой тѣ рѣчи говорилъ, сказалъ я, что велю ево казнить по достоинству смертью для того, что онъ хотѣлъ смутить двухъ великихъ государей и государства ихъ; и онъ говорилъ, что у нихъ для такіе вины смертию казнятъ жъ, а про нево билъ челомъ гораздо, чтобъ здѣсь въ ихъ государстве смертию не казнилъ ево, и буде казненъ будетъ здѣсь

гогда и ему не честно будетъ отъ своихъ людей и отъ нашихъ, и онъ не хочетъ причина смерти быть, только здѣсь мошно ево наказать инымъ наказаньемъ и послати въ твое вел. государя государство, и такъ какъ ты вел. государь укажешь. И после того потчивалъ ево и подарилъ, и онъ после того пошолъ въ юрту свою, а вора того накрепко пыталъ не поодинжды, чтобъ онъ сказалъ, хто ево научилъ и для чего такіе несущіе рѣчи говорилъ. И онъ съ пытки говорилъ все одно: пъянскимъ обычаемъ тѣ рѣчи китайцамъ говорилъ и устрашилъ ихъ войною, потому что однижды били ево, а иные никакие рѣчи не объявлялъ. И для того я торговымъ наказалъ наказаніемъ ево и далъ ево въ руки Игнатью да казакамъ, которые поворотились назадъ чрезъ Албазинской в Нерчинской. чтобъ ево в Нерчинскомъ посадили въ тюрьму до моего приѣзду, потому чтобъ не объявились на него иные какие рѣчи; однакожде, государь, есть и природная недружба межъ богдайцовъ и никанцовъ, какъ межъ поляки и черкасы; и для того того толмача Богдойские не любили, потому что онъ съ холопи ихъ съ Никанцами водился; и онъ породою Никанецъ же. А ныне война великая межъ Богдойцовъ и Никанцовъ и была ненависть на него отъ нихъ и о томъ, потому ѣдучи онъ боярин суды исъ царства, спрашивалъ сына боярского, которого я посылалъ, Никанской толмачь, которой въ прошломъ году былъ з Гавриломъ Романовымъ, есть ли съ посломъ, и отъ того времяни і мы и они все въ подозрѣніи были отъ него. И говорилъ я боярину, что тогда еще хотѣлъ сослать въ Албазинъ, только опасался отъ него, чтобъ онъ не чаелъ, что для того сослали, чтобъ онъ не объявилъ ему дружба или недружба у насъ на умѣ есть. И бояринъ сказалъ, что разумно здѣлалъ, что ево не послалъ; а буде бы сослали ево, тогда и онъ бы конечно то чаелъ. И марта въ 29 день на другой день призвалъ меня ѣхать гулять на реку на Наунъ ловить рыбу и зайцовъ, и я съ нимъ ѣздилъ и рыбы и зайцовъ поимали много, потому что здѣсь въ Науне ловятъ белуги самые великие, которые ходятъ изъ моря Амуромъ рекою, и иные морские рыбы есть же. И опять гораздо билъ челомъ, чтобъ вора здѣсь не казнилъ. И я ему говорилъ, что сошлю ево въ Нерчинской и тамъ твой вел. государя указъ будетъ. А апрѣля во 2-мъ числѣ поѣхалъ боярин исъ того села верстъ з дватцать встрѣтить товарыща своего, потому что у нихъ обычай, почитаютъ государя своего указъ и не ждутъ на мѣсте, а встрѣчаютъ далече. А со мною оставилъ одного воеводу, чтобъ мнѣ не скучно было, покамѣстъ онъ опять приѣдетъ. И апрѣля жъ въ 8 день приѣхалъ ко мнѣ Мангутѣй воевода, и спрашивалъ меня, оставилъ лі я какихъ людей назади и будетъ ли хто за мною или нѣтъ; и я догадался, что онъ для того спрашиваетъ, что они мошно видели какихъ людей нашихъ, ѣдучи суды по степе и опа-

саются, чтобъ не была отъ насъ война, и для того спрашиваютъ. И того ради отповедь имъ учинилъ, что отъ меня никакихъ людей не осталось, только мочно идутъ люди отъ великого государя съ какимъ указомъ или идетъ человѣкъ, которого я посылалъ для ради рыбьей кости въ Якуцкой острогъ (потому, государь, что слышалъ, что къ Богдыханову величеству кость рыбья въ поминкахъ зѣло благопріятны, только бы были болшіе; а отъ тебя вел. государя были посланы съ Москвы толко зѣло малы, и для того посылалъ я въ Якуцкой сына боярскаго и покупалъ самые болшіе, которые и бояринъ виделъ здѣсь и удивился. И ныне изъ Нерчинского острогу отпустили того сына боярского прикащикъ, какъ ему о томъ приказано было, а иныхъ не чаютъ быть. И онъ Мангутѣй говорилъ, что къ нимъ на встрѣчю послалъ многихъ людей и какъ будетъ вѣдомость, и бояринъ ихъ учнетъ о томъ объявить мнѣ. И апрѣля въ 10-мъ числѣ приѣзжалі отъ боярина многижды и спрашивали накрепко, какіе рускіе люди идутъ за тобою, потому что они зѣло смутились и опасались, чтобъ не была война. И я по прежнему тожъ говорилъ, что иныхъ людей монхъ не ожидаю и рѣчь свою съ прежнимъ ни въ чемъ не розныл, потому что виделъ, что они людей своихъ стали збирать и были въ великомъ подозрѣніи. И апрѣля въ 12-мъ числѣ прислалъ боярин ко мнѣ въ полночь денщика посолского приказу, а съ нимъ послалъ сына боярского Лѣнского да одного Нерчинского тунгуса Гантимурова роду, и они сказали мнѣ, что послано было отъ тебя вел. государя съ Москвы въ прошломъ во 183-мъ году изъ Сибирского Приказу коробья съ лекарствомъ за мною съ рейтаромъ; и исъ Тоболска бояринъ і воевода съ нимъ рейтаромъ послалъ сына боярского, чтобъ они сустигли меня, не доѣзжая до царства; и они приѣхали въ Нерчинской и не сустигли. Такъ же и онъ приѣхалъ изъ Якуцкого Острогу съ рыбьею костью въ Нерчинской же, и изъ Нерчинского Павелъ Шулгинъ для ихъ малолюдства далъ въ провожатыхъ пятнатцать человѣкъ казаковъ да вожа тунгуса, и ѣхалі они тѣмъ же путемъ, которымъ я ѣхалъ и никакихъ людей до Китайскихъ рубежей не видалі, опричь Намясинскихъ мужиковъ, которые задержали ихъ пять дней и хотѣли убить и грабить, и не вѣлели старшины жъ и говорили, что посолъ опять суды возвратится жъ и тогда намъ отъ него гдѣ схорониться; и дали имъ кормъ и подводы і отпустили, и сказали имъ, какъ будетъ посолъ назадъ, и тогда чрезъ посла станутъ платить вел. государю ясакъ. И какъ приѣхали они въ Китайскіе порубежные люди въ Каргочины, и они учали бѣгать отъ нихъ; и тогда про нихъ извѣщали боярину и насилу устоялі и розговорили межъ себя, что они идутъ добрые люди, а идутъ отъ тебя вел. государя ко мнѣ холопу твоему з добрыми делами и прошались у нихъ напередъ Лѣнской сынъ боярской да вожъ тунгусъ ко

мнѣ; и они взяли ихъ и привезли къ боярину, а боринъ прислалъ ихъ ко мнѣ; и какъ были они у боярина, и вожа тунгуса роспрашивалъ накрепко про войско, идетъ ли за посломъ какое войско, или стоитъ въ Нерчинскомъ или инде гдѣ; и онъ божился по своему, что нѣтъ ни слуху ни про какое войско. И боринъ говорилъ ему, что я послу вѣрю во всемъ, толко для того спрашиваю, чтобъ здѣшние подданные люди слышалі отъ того тунгуса и они потому жъ вѣрили; и въ томъ числѣ посылалъ я къ боярину подъячего и толмача, и говорили ему, для чего онъ въ такомъ подозрѣніи бываетъ, что войско идетъ и ему не вѣритъ и людей твоихъ вел. государя взялъ прежде къ себѣ, а не отпустилъ ко мнѣ, чтобъ я къ нему послалъ; а ныне видитъ, какъ я имъ сказалъ, что идутъ отъ тебя вел. государя с лекарствомъ да съ костью рыбьею, и ему о томъ гораздо стыдно стало, и говорилъ, что то дѣло не отъ него учинилось, толко отъ порубежныхъ ихъ людей отъ простыхъ, которые не знаютъ обычая; однакожде, государь, не задержалъ онъ ихъ при себѣ ни часу и отпустилъ ко мнѣ напрямо. И апрѣля въ 13 день пріѣхалъ онъ Асканама въ тожъ село, гдѣ я поставленъ, и пришолъ ко мнѣ въ юрту со всякою учтивостью веселъ и объявилъ, что Богдыханово величество, желая дружбу и любовь подтвердить съ тобою вел. государемъ, посылалъ наскоро указъ съ товарыщемъ своимъ къ нему, чтобъ меня со всѣми твоими вел. государя служилыми людми съ полутораста человѣкъ взять въ царство съ великою честию наскоро и ямы по дороге вездѣ строены, чтобъ нигдѣ замешки не учинилось ,только товарыщъ ево заболѣлъ и остался отъ села въ полутора днище, а указъ Богдыхановъ прислалъ къ нему полной насъ взять, только еще здѣсь будемъ, покамѣстъ на небе луна будетъ полна; и тотъ день счасливой, се есть апрѣля въ 17-е число; і въ той день одноконечно со всѣмъ поѣдемъ; и какъ будемъ въ царстве, и тогда намъ будетъ всякое удоволствованіе і честь; и межъ розговоровъ сказалъ онъ мнѣ, что есть иной путъ изъ Нерчинского въ царство блиско въ тритцатой день поспеваютъ, которые знаютъ чрезъ Далай озеро; а здѣшней путь кругомъ идетъ; а до ихъ людей изъ Нерчинского дойдемъ въ восмой день, и путь ближе и безопасенъ; и нарочно забавился у меня, розговоря про розные дела, покамѣстъ пріѣхали и достальные твои вел. государя люди, которые пріѣхали съ лекаръствомъ и съ костью рыбьею. И я призвалъ ихъ къ себѣ принелъ и коробью съ лекарствомъ роспечаталъ и кость рыбью ему показалъ; и онъ тому зѣло удивился, что изъ такой далней страны дошли въ целости съ лекарствомъ склянки. И я ему говорилъ, показавъ лекарства и кости, се войско наше, о которомъ безпрестанно спрашивали, и гораздо ему о томъ было стыдно, только говорилъ, хотя и спрашивалъ не для себя, а для простыхъ людей, чтобъ они не испужались и вѣрили. И по-

томъ билъ челомъ, чтобъ выбрали исъ тѣхъ лекарствъ и послалъ бы съ человѣкомъ моимъ, которой ево больново мазалъ, къ больному товарыщу, гдѣ онъ остался, чтобъ ему чемъ пособилъ, потому что зѣло боленъ. И я того жъ числа выбралъ исъ тѣхъ лекарствъ и послалъ человѣка своего къ болному товарыщу ево, а для коней и верблюдовъ береженія ради велѣлъ оставить людей небольшихъ; а мы всѣ до царства поѣдемъ на подводахъ, и мочно поспѣть въ царство въ дватцать восмъ дней. И апрѣля въ 14 день пріѣхалъ подъячей, которой былъ въ царстве, и былъ у меня и сказалъ тожъ, что и бояринъ; и замешкались въ царстве семъ дней для того, что не было кому докладывать въ посолскомъ приказе Богдыханову величеству въ неприбытіе здѣшнему боярину; и для того въ иномъ приказе дѣло было и отъ того замедлилось; а ожидаютъ насъ въ царство и съ честію принимать будутъ жъ. А апрѣля въ 15 день пріѣхали здѣсь изъ Албазинского Острогу на Наунъ ко мнѣ пять человѣкъ Албазинскихъ казаковъ провѣдать про меня и про посолство, какъ совершилось, такъ же и съ неболшимъ торгомъ, и сказали, что готовили въ Албазинскомъ два дошаника ѣхать Амуромъ на реку Зію для ясачного збору. И я имъ здѣсь заказалъ и въ острогъ писалъ жъ, чтобы ясачныхъ китайскихъ ничемъ не обидили и ясакъ не бралі і въ походъ не ходили бъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ дастъ Богъ и съ чемъ посолство нынешнее совершится, для того, что нѣтъ дня, чтобъ бояринъ і воеводы не пенялі на Албазинскихъ казаковъ въ обидахъ. И понеже здѣсь въ Китайскомъ рубеже многое время задержки учинились и многие разговоры и дела были межъ мною и китайцы, которые для множества въ отписку писать невозможно и для того я съ сею отпискою послалъ нарочно Нерчинского сына боярского Игнатья Милованова съ товарыщи съ толмачемъ да съ подъячимъ, которые посланы были и ныне отъ меня въ царство известить. И онъ Игнатей і въ начале, какъ посланъ листъ къ тебѣ вел. государю отъ богдыхана, и ныне здѣсь до отпуску моего былъ же со мною и про все, что учинилось здѣсь, слышелъ и виделъ, и обо всемъ, о чемъ ты вел. государь изволишь указать роспрашивать ево про здѣшние дела, вѣдаетъ же; а что выше сего писалъ я, холопъ твой, про него, что воеводы сказали, что онъ не ладно имъ сказалъ, что буду весною, а не зимою, и для того, учинилось замедленіе, то все были вымыслы ихъ, чтобъ меня, холопа твоего задержать здѣсь до пріѣзду боярского. А какъ онъ исъ царства пріѣхалъ, и они говорили, что у богдыхана была радость, и для того замедлились съ отповедью; а для забвенія послали ево Игнатьевы роспросные рѣчи подъ сею отпискою; а сию отписку велѣлъ я подать и ему Игнатью явитца въ Посолскомъ приказе, боярину Артемону Сергѣевичю Матвѣеву да дьякамъ: думному Григорью Богданову, Івану Евстаѳьеву, Василью Бабинину,

Емельяну Украинцову. А къ вел. государю писано и цыфирнымъ письмомъ о чемъ на Науне въ тайне слышали, и не смѣли писать явнымъ письмомъ для раді того, чтобъ Китайцы не задержали писмо по дороге, п. ч. были они въ подозрѣніи отъ насъ, а у нихъ по руски чести есть измѣнникъ одинъ, которой грамоты рускіе и китайские умѣетъ же.

И будучи на Науне видели, что китайцы плохихъ соболей не емлютъ и никакіе чести плохимъ соболямъ и цены нѣтъ. А съ Москвы исъ казны вел. государя посланы были китайскому хану въ поминкахъ соболи, которые лутчи были, сорокъ ценен въ тридцать пять рублевъ. И для того посланникъ призвалъ дворянъ Московскихъ и детей боярскихъ и служилыхъ и двухъ человѣкъ торговыхъ людей и говорилъ имъ, чтобъ они переменили сколько возможно соболи изъ государскіе казны взяли бъ, а дали противъ того добрые всякой по силе своей, чтобъ собрались въ поминкахъ хотя небольшое число добрыхъ соболей. И они говорили, что всякой человѣкъ будетъ по силе своей бить челомъ вел. государю без перемѣны, и такъ дали дворяне Московскіе по соболю, а дѣти боярскіе по 2 и по 3, также и служилые люди, а торговые Иванъ Самойловъ, бывшей голова таможенной Енисейскаго острога да гостя Евстаѳья Ѳилатьева прикащика посидѣлецъ, которые из Селенгинскаго острогу и с Китайскаго рубежа приставали къ нему посланнику, били челомъ вел. государю безъ перемѣны по сороку соболей, и тѣ два сорока ценены по штидесятъ рублевъ, а тѣ соболи были въ косткахъ, а отъ дворянъ и отъ дѣтей боярскихъ и отъ служилыхъ людей отъ Тобольскихъ и отъ Селенгинскихъ и отъ Нерчинскихъ собрали три сорока двадцатъ шесть соболей въ косткахъ и въ парахъ, и первой сорокъ что собранъ отъ Нерчинскихъ ценен 120 рублевъ, другой 80 рублевъ, третей 60 рублевъ, и тѣ 5 сороковъ изготовили въ поминки Богдыхану, а 5 сороковъ готовили исъ казны вел. государя, а остальные 26 соболей бережены были вел. государя от дѣлъ на раздачю въ Китайскомъ государстве, и тѣ, кому роздаваны, писано въ расходной книге.

184-го февраля въ 18-й денъ пріѣхалъ на Наунъ исъ Китайсково государства Даурской Нерчинской сынъ боярской Игнатей Миловановъ, которой в прошломъ во 183-мъ году посланъ напередъ изъ Енисѣйска извѣстить въ Китайскихъ порубежныхъ городѣхъ воеводамъ, что отъ вел. государя, отъ его Царскаго величества идетъ посольствомъ къ Богдыханову величеству і роспрашиванъ, а въ роспросе онъ, Игнатей сказалъ: поѣхалъ де онъ изъ Нерчинскаго острогу въ Китайскіе порубежные городы ноября въ 19-й день на Албазинской острогъ, а изъ Албазинского острогу въ первые порубежные городы на Наунъ пріѣхалъ декабря въ 14 день и на Науне держали ево Игнатья воеводы недѣлю и не отпустили ни на-

задъ, ни напередъ, и послѣ того взялъ ево Мангутѣй, которой въ прошлыхъ годѣхъ былъ въ Нерчинскомъ съ собою въ царство и ѣхали они до царства пятнатцать дней и какъ пріѣхали въ царство, дали ему подворье жить у толмача ихъ, а держали ево за крѣпкимъ карауломъ і не пускали нигдѣ и наказную память которую ему далъ въ Нерчинскомъ остроге Павелъ Шульгинъ, отнели силою и перевели изменники рускіе люди, которые издавна тамъ живутъ, а переводили передъ самимъ ханомъ и распрашивали ево про посла и про ево вел. государя грамоту и про поминки, а онъ, Игнатей имъ сказалъ, что онъ про то не знаетъ, а послалъ ево посолъ напередъ известить и подводы готовить, а какъ самъ въ царство будетъ посолъ, и про то про все известитъ; а корму ему Игнатью давали довольно, а з двора никуды не пускали, и просился онъ много и въ приказѣ билъ челомъ, чтобъ ево отпустили по рядомъ торговать и купить ему что надобно. А они ему говорили, что указъ богдыхановъ таковъ, что ево, Игнатья отпустить не вѣлено никуды, покамѣсть ему не будетъ отпуску. И будучи онъ тамъ, никакіе къ нему люди не приходили, опричь Тарского города бухаретинъ торговой человѣкъ, которой съ Тары пріѣхалъ въ Китай тому уже четвертой годъ, а назадъ ѣхать не смѣютъ, для того что межъ Калмыцкими тайши, которые живутъ по Тобольской дороге, война зачалась и еще не перестала, а про мяхкую рухлядь сказалъ, что торгъ зело плохъ, для того что стало время не смирно, а караванъ бухарской и татарской, которой идетъ въ Китай исъ Тобольска, еще не бывалъ для того, что война и могутъ ли они въ Китай попасть, или нѣтъ, того не вѣдаетъ, п. ч. война вездѣ зачалась. А ево, Игнатья держали четыре недѣли и все отъ сроку на срокъ отложили отпускъ ево, и после того взяли ево въ приказъ и говорили что Богдыханъ посылаетъ на встрѣчу къ послу боярина съ товарищемъ и ему далъ полной указъ про все и чтобъ онъ ѣхалъ съ тѣмъ бояриномъ навстрѣчу къ послу и подарили ево и трехъ человѣкъ казаковъ немногимъ и отпустили, и тому нынѣ, какъ онъ пошелъ исъ царства, третья недѣля. А тотъ большой бояринъ, который сидитъ въ приказе, которой принимаетъ всѣхъ иноземцовъ, п. ч. узнали ево казаки, которые преже сего были въ Китаяхъ, а товарищъ ево, приказной же человѣкъ и сидитъ съ нимъ же, да два подъячихъ. И какъ ѣхали они исъ Камбалыка, дорогою вездѣ ево зѣло почитаютъ и онъ прежде сего отпустилъ листъ отъ бугдыхана къ тебѣ вел. государю. И ѣдучи де они исъ царства, встрѣтились съ сыномъ боярскимъ и съ толмачемъ, котораго я послалъ отселе. И бояринъ ихъ поворотилъ назадъ и въ царство не отпустилъ, и напередъ себя отпустили ево Игнатья и ихъ, Ивана и толмача на Паунъ, чтобъ они объявили, что ѣдутъ и они съ поспешеніемъ. И посолъ бы ни о чемъ не тужилъ, потому какъ они пріѣдутъ, всякое удовольство-

ваніе будетъ, а безъ нихъ давать не смѣютъ, да и они сами после ихъ въ пятой день будутъ же.

184 году апрѣля въ 17-й въ Пачегорскомъ китайскомъ селѣ при большой рекѣ Наунѣ Китайскаго богдыхана бояринъ Асканяма съ товарыщи по указу Богдуханову величеству посылалъ къ посланнику и известилъ, что тотъ день у нихъ счастливый и чтобъ въ тотъ день готовился со всѣми своими людьми ѣхать въ царствующій городъ Пежинъ [1]), гдѣ стольной Китайской богдыхановъ городъ, который по татарски и по калмыцки и по русски именуется Канбалыкъ, се есть хановъ городъ. А на подъемъ прислалъ къ тому 100 телѣгъ о двухъ колесахъ, также всякому человѣку по коню, а посланникъ взялъ съ собою 156 человѣкъ, а на Наунѣ оставилъ для досмотру коней и верблюдовъ 12 человѣкъ. И тѣ верблюды пригнаны на солонцы, а кони розданы по селамъ. И тѣмъ людямъ Асканяма велѣлъ Наунскимъ воеводамъ давать кормъ покамѣстъ изъ царства назадъ возвратимся, также остались на Наунѣ четыре человѣка Албазинскихъ казаковъ, которые пріѣзжали провѣдать про посланника и они хотѣли вскорѣ назадъ возвратиться въ Албазинскій острогъ, который отъ того села въ 15 днищахъ. А въ тотъ же день отпустилъ съ отпискою къ вел. государю Игнатья Милованова чрезъ Албазинской острогъ, а съ нимъ пошли 5 человѣкъ Албазинскихъ казаковъ, да съ нимъ же послалъ вора толмача отвести въ Нерчинской острогъ, которой въ отпискѣ выше сего написано, что хотѣлъ смутить. А не поѣхали прямо въ Нерчинской для того, что страшно было. А Игнатью Милованову съ товарищи велѣлъ ѣхать къ Москвѣ съ великимъ поспѣшеньемъ, а про подводы и про отпускъ чтобъ ево отпускали, въ острогѣ къ воеводамъ съ нимъ писали.

И въ томъ же числѣ прежде полудня изъ того села посланникъ поѣхалъ со всѣми вел. государя служилыми людьми; да вмѣстѣ жъ ѣхалъ бояринъ Асканяма, а съ нимъ были всѣ Наунскіе воеводы и иные многіе люди Китайскіе. И ѣхали вмѣстѣ, да подлѣ села воеводцкаго, неподалеку отъ рѣки Науна и будучи противъ того села, старой воевода звалъ къ себѣ въ гости посланника и Асканяму. И посланникъ только съ старымъ воеводою простился, а Асканьяма поѣхалъ. И говорилъ посланнику, чтобъ ѣхалъ потихоньку до становья. И далъ посланнику своего человѣка, чтобъ ѣхал съ нимъ вмѣстѣ, а онъ говорилъ, что и онъ тотчасъ будетъ. И отъ воеводцкаго села до деревни небольшіе 3 версты и подъ тою деревнею переѣзжали рѣчку небольшую топкую. А отъ той деревни до села Красного 7 верстъ. И тутъ р. Наунъ приближилась, И ѣхали отъ Краснаго села

[1]) Сѣверно царствующій городъ по Никански.

подле Науна. А проѣхавъ то село въ лѣвой сторонѣ осыпь земляная вмѣсто городка. А выше того осыпнаго городка подле р. Науну яръ великій и высокій. И проѣхали къ селу небольшому отъ Краснаго села 6 верстъ. А оть малаго села до села Хунду—2 версты. И недоѣзжая до села проѣхали городъ осыпной земляной-же. А отъ села Хунду ѣхали
1-й станъ съ версту, ночевали у Наунскіе протоки. И то село Пачегорское стоитъ
24 версты. надъ протокою, а отъ села Пачегорскаго до становья ѣхали все ровными мѣстами, степьми, а лѣсу никакова небыло. И въ тотъ день посланникъ ночевалъ въ подорожной своей юртѣ, а Асканьяма ночевалъ въ селѣ Хунду.

Апрѣля въ 18 ѣхали отъ становья ровными мѣстами возлѣ рѣки Науна съ 2 версты и переѣзжали рѣчку каменную бродовую, а та рѣчка вытекла изъ камени и впала въ Наунъ. А надъ тою рѣчкою стоитъ деревня небольшая. А выше той деревни у той-же рѣчки деревня жъ. Да ниже той рѣчки переѣзжали маленькую рѣчку, а ниже той маленькой рѣчки село небольшое, отъ деревни 7 верстъ. И здѣсь кончается владѣніе Наунскихъ воеводъ, а владѣетъ Мунгальской тайша, который у бугдыхана—ванъ, а ванъ именуется великій бояринъ, также братья ево, хановы, и племянники ванъ называются. А до высокіе стѣны Китайскіе надо всѣми Мунгальскими людьми владѣютъ по ихъ родословію 42 вана и тайшъ. А Наунскіе воеводы владѣютъ Торгачинами и надъ тѣми, которые живутъ по р. Гану и по р. Науну и надо всѣми Даурами и Жучарами, и соболиными промыслы они-же владѣютъ. И ходятъ они зимою на Амуръ и на Зію рѣку и съ нашими промышляютъ соболи вмѣстѣ. А бугдыхану даютъ на всякой годъ по соболю доброму.

И будучи отъ вышеписаннаго села версты съ 4, переѣзжали р. Ялъ, ту же рѣку, по которой пріѣхали мы изъ Нерчинскаго чрезъ Таргачинскій хребетъ къ Науну и чрезъ нея переѣзжали въ бродъ. А неподалеку отъ того впадетъ въ Наунъ. И до р. Ялу живутъ Дауры, а за рѣкою начинается Мунгальская земля. А по рѣкѣ Ялу лѣсу нѣтъ, только тальникъ мелкой, также и по р. Наунѣ, сколько ее видѣли, лѣсу нѣтъ, только тальникъ же мелкой, да бугры песчаные высокіе. Тутъ же живетъ Мунгальскій тайша. И отъ того тайши поѣхали ровными мѣстами верстъ съ 8 и переѣзжали рѣчку Улгой. И та рѣчка пала въ Наунъ. А отъ той рѣчки ѣхали верстъ съ 10, пріѣхали къ большой р. Соли. И отъ Науна до сего мѣста все пахотные мѣста. А тѣ рѣки текутъ съ запада на востокъ и падутъ въ Наунъ рѣку, а Наунъ течетъ съ полуношнаго востока на лѣтній западъ до усть р. Ялу, а отъ усть Яла отходитъ понемногу на полдень. А наша дорога въ тѣ два дни шла къ западу. Между тѣми рѣками степи гладкіе, только есть и мокротные мѣста. И тутъ

возле рѣки деревня Мунгальская и дѣлали плоты на двѣ лотки и товаръ перевезли, а кони перевозили вплавъ. И переѣхавъ рѣку ѣхали верстя съ пол 2, пріѣхали къ иной къ деревнѣ, возле той-же рѣки Соли. А та р. Соли впадетъ въ Наунъ отъ того мѣста далеко, и отъ сего мѣста р. Наунъ намъ невидна, п. ч. возвратится къ полунощной дорогѣ. Асканьяма посланнику сказалъ, что есть дорога и по ту сторону Науна все жилыми мѣстами, только та дорога не прямо, днища съ три кругомъ идетъ. И для того шли сею дорогою, что прямѣе. И на томъ становьѣ подводы Даурскихъ мужиковъ перемѣнили, а дали кони и подводы—Мунгальскіе тайши противъ прежняго. А противъ той деревни въ правой сторонѣ верстъ съ 8 есть старое городище каменное пустое, а былъ прежде сего городъ Мунгальской. А хлѣбъ Мунгальцы пашутъ только просо, а мочно въ тѣхъ мѣстехъ родитца всякому хлѣбу.

Станъ 2-й ямъ 1-й верстъ 32.

Апрѣля въ 19 поѣхали промежъ лѣта и лѣтняго запада все ровными степными мѣстами хлѣбородными и по сторонамъ проѣхали озеръ много. А подле тѣхъ озеръ живутъ и кочуютъ Мунгалы. А съ правые стороны течетъ изъ подъ камени на шелоникъ р. Тулла. И тое р. переѣзжали въ бродъ, отъ становья 10 верстъ. А проѣхавъ ту рѣку въ сторонѣ село Дзандань, а на лѣве того села живетъ мунгальской Дарханъ-лама, а въ томъ селѣ ево Лабинъ монастырь великой. А стоитъ то село надъ озеромъ и кочевныхъ Мунгалъ около его много. И почитаютъ ево съ великою честію и поклоняютца ему до земли по 7 поклоновъ, бутто Богу. А до того Лабина монсатыря отъ р. Туллы 12 верстъ. И у того Тархана-лабы лежалъ товарищъ Асканьяминъ, пріѣдучи изъ царства недоѣзжая до Науну заболѣлъ, а товарищъ ево заргучей, по нашему дьякъ. И будучи еще на Науне, Асканьяма посланнику билъ челомъ, чтобъ послалъ напередъ съ лекарствомъ человѣка. И посланникъ послалъ съ лекарствомъ человѣка да толмача, и велѣлъ имъ ожидать пріѣзду своего. И будучи тамъ люди наши, Тарханъ-лаба говорилъ имъ многіе рѣчи, что они тому всѣ ради, чтобъ далъ Богъ межъ обоихъ великихъ государей миръ. Только въ прошломъ году пришли съ войною Албазинскіе казаки и ихъ зѣло испужали, п. ч. они ожидали отповѣди противъ листа Бугдыханова, а вмѣсто того слышали, что война идетъ. А нынѣ они зѣло рады, для того что чаютъ, что чрезъ нынешнее посольство учинится ненарушимый миръ, и иные многіе такіе рѣчи говорилъ, п. ч. человѣкъ разумный и дохтуръ и лекарства у него много. А нашъ человѣкъ давалъ ему лекарства, и до нашего пріѣзду далъ Богъ здравіе. А Асканьяма просился у посланника къ Дарханъ-лабѣ, чтобъ видѣлъ товарища своего и взялъ бы ево съ собою. И посланникъ посылалъ съ нимъ подъячаго съ толмачемъ спрашивать про здравіе. И Асканьяма поѣхалъ и съ собою привезъ зар-

учея на телѣгѣ. И посланникъ поѣхалъ дорогою къ становью. И проѣхавъ село Лабино на правой сторонѣ озеро великое Шараноръ [1]) и въ томъ озерѣ сказываютъ, что сыщутся великіе раковины, по блюду бѣлому большому и въ тѣхъ раковинахъ сыщется жемчугъ [2]). И подле того озера юртъ кочевныхъ много. А до того озера отъ Лабина села верстъ съ 10, а отъ того большаго озера ѣхали версты съ 3 и пріѣхали на становье при озеркѣ. И тутъ былъ ямъ и подводы перемѣнили. А во всѣхъ станахъ поставлены были посланнику по 4 юрты войлочныхъ. А Асканьяма неподалеку стоялъ въ юртахъ войлочныхъ же, а кормъ посланнику давала по барану на день, а служилымъ людямъ по два бычка небольшіе ни день, и понемногу крупъ простыхъ. Только служилые люди убивали по озерамъ гусей и утокъ много и къ Асканьямѣ посылалъ по вся дни множество много и къ товарищу и къ инымъ. И отъ того мѣста были кони и быки зѣло худы и половина служилыхъ людей шло пѣши, также и быки пристали многіе. А Асканьяма послу говорилъ, что въ тѣхъ озерахъ и въ р. Наунѣ въ раковинахъ иногда сыщется такой жемчюгъ, что и по ночамъ даетъ свѣтъ. И здѣсь на яму при озерѣ ночевали.

Станъ 3-й ямъ 2 верстъ 35.

Апрѣля въ 20 день поѣхали отъ яму вмѣстѣ съ Асканьямою ровными мѣстами, степьми и тутъ рѣчка небольшая топкая течетъ съ сѣвера на полдень, отъ нея степь ровная сухая и пашенныхъ мѣстъ и солонцовъ много, а трава мѣстами, холмовъ нѣтъ. А ѣхали во весь день межъ лѣта и западу. А та рѣчка впадетъ въ р. Коргей. И были грязи небольшіе, а лѣсныхъ мѣстъ не было. И пріѣхали на степь къ колодезю и тутъ было становье и ямъ строенъ и ночевали. А въ тѣхъ дняхъ ѣхали тихимъ путемъ до полудня, а иногда и за полдень, а стояли однижды на день.

Станъ 4-й ямъ 3 8 верстъ.

Апрѣля въ 21 день ѣхали все степью сухою дресвяною, а при полудню объявились горы высокіе на правой странѣ, а мы ѣхали налѣво. И на тѣхъ холмахъ былъ лѣсъ илимникъ, первый отъ Науна. И ѣхали отъ яму верстъ съ 40 и тутъ на лѣвой сторонѣ объявился городъ осыпной старой. А отъ того города ѣхали версты съ 2, пріѣхали къ рѣкѣ Коргею. И та р. Коргей—рѣка камениста и зѣло быстра и вода свѣтла и рѣка большая хотя и бродовая, а бродъ глубокій и телѣги держали на рукахъ, чтобъ не взяла быстрота. А течетъ изъ степи изъ камени съ сѣвера на полдень и послѣ того падетъ въ Наунъ. И тамъ Наунъ пришелъ съ полунощную страну, а Коргей съ сѣвера, а какъ сойдутца вмѣстѣ обратятъ теченіе къ востоку. И отъ того мѣста гдѣ сошлась

---

[1]) *Именемъ Жолтое озеро.*

[2]) Асканьяма говорилъ, что де у Бугдыхана такой жемчугъ есть, что ночію сіяетъ.

р. Коргей съ Науномъ, потеряетъ свое имя Наунъ и именуется великая рѣка по китайски Шонгаръ, а по русски Шингала и послѣ того возвратится къ полуночи и падетъ въ великую рѣку Амуръ, а какъ сойдется Шингалъ съ Амуромъ до моря именуется по китайски Кюентунгъ. Амуръ потечетъ къ востоку и впадетъ въ восточное Окіянское море и по тому морю мочно дойти берегомъ до рѣкъ, которые текутъ изъ Китай. И подлѣ моря живутъ люди, а около Амура и до моря по сбѣ стороны камень лежитъ великій лѣсной. Но про Амуръ писали особное описаніе, всю рѣку отъ вершины и до устья моря. А мы возвратимся опять къ нашему пути, къ рѣкѣ Коргею — наши русскіе люди именуютъ Корга-река а сказываютъ, что на усть ея есть городъ земляной Китайской, и дале по Шингалу городы построенные есть же, отъ того времени, какъ былъ съ казаками по Амуру и по Шингалу бой, и въ тѣхъ городахъ, что взяли отъ казаковъ суды и ихъ бусы стоятъ для сбереженья отъ русскихъ людей. А отъ тѣхъ мѣстъ стоитъ вотчина бугдыханова городъ Шингянъ. И отъ тѣхъ мѣстъ пошли дѣти его и взяли царство, но объ тѣхъ дѣлехъ написано въ Татарской книжицѣ.

А мы отъ рѣки Корги ѣхали версты съ 4 и пріѣхали къ рѣчкѣ Тавъ, и та рѣчка течетъ съ сѣвера на полдень и впадетъ въ Коргей и возлѣ той рѣчки село Мунгальское и подъ селомъ стояли и на яму подводы перемѣняли. А въ сторонѣ того села юртъ кочевной и сидячихъ много. И отъ того мѣста почали говорить китайскимъ языкомъ и зѣло послушны, а юрты у нихъ земляные, что и у Дауръ, и подъ тѣмъ селомъ ночевали. И тѣ Мунгальцы дань даютъ безъ отговору, а которые живутъ за Коргою и тѣ даютъ (дань) въ которомъ году хотятъ, а иногда не даютъ. **Станъ 5-й ямъ 4 47 верстъ.**

Апрѣля въ 22 день ѣхали отъ Тавъ рѣки степью гладкою, сухою. А ѣхали межъ лѣта и западу, а на правой сторонѣ видится далеко камень высокой, а на немъ лѣсъ дубникъ. А ѣхали отъ яму 38 верстъ и тутъ подъ улусомъ ночевали у колодезей. Да и по сторонамъ улусовъ много. А въ томъ мѣстѣ подводъ не перемѣняли. **Станъ 6-й 38 верстъ**

Апрѣля въ 23 ѣхали ровными мѣстами верстъ съ 15 и пріѣхали на ключи и въ томъ мѣстѣ полдневали и подводы перемѣнили. И послѣ того поѣхали межъ холмы песчаные, а по нимъ лѣсъ небольшой. И потомъ пріѣхали къ рѣчкѣ Коли, а та рѣчка течетъ изъ каменю изъ сѣвернаго западу на полдень по степѣ и уходитъ подъ землю и опять выходитъ и падетъ въ Коргей; а вода въ ней мутна. А около рѣчки юртъ Мунгальскихъ много и возле той рѣчки стояли и ночевали. **Ямъ 5.** **Станъ 7-й 54 верстъ.**

Апрѣля въ 24 стояли у той-же рѣки весь день, для того что кони и быки пристали многіе, а перемѣнить было нечѣмъ. И стояли для опочиву

скота. И здѣсь сказывал ки итайцы, что отъ селъ Наунскихъ до рѣчки Коли есть доля третья большая, а отъ рѣчки до царства останутся двѣ половины меньшіе.

Апрѣля въ 25 день ѣхали отъ рѣчки Коли до полудня межъ лѣта и шелонику все степью сухою песчаною. А съ правые стороны камень близко подошелъ, холмы высокіе, а на холмахъ лѣсъ: дубникъ и племъ. А дале того хребетъ большой что идетъ отъ Торгачинъ и на немъ лѣсъ ельникъ. И тутъ пріѣхали на Ямъ и подводы перемѣнили и ночевалъ для того что отъ Яму воды близко не было. А гдѣ ночевали были маленькіе озерка и колодцы. А ѣдучи къ Яму въ сторонѣ юртъ Мунгальскихъ было много. А на лѣвой сторонѣ стоялъ тайша, которой всѣми тѣми Мунгалы владѣетъ. А посланъ онъ отъ Китайскаго хана и называютъ ево ваномъ.

Станъ 8-й ямъ 6 26 верстъ.

Апрѣля въ 26 поѣхали отъ Яму на Шелоникъ степью сухою песщаною, холмы невеликіе а на нихъ лѣсъ небольшой илимникъ. А промежъ холмовъ мѣста соляные. А ѣхали дополудня; а въ правой сторонѣ вышелъ великой мысъ отъ каменя, и сказываютъ что на немъ живутъ зміи великіе и скотъ ихъ поѣдаютъ. И для того близъ ево не кочуютъ. И пріѣхали къ озерамъ и тутъ построенъ ямъ и подводы перемѣнили и ночевали а тѣ озеры великіе, только соляные.

Станъ 9 ямъ 7 38 верстъ.

Апрѣля въ 27 ѣхали ровными мѣстами межъ западу на шелоникъ, а степь была сухая песчаная, холмоватая, а песокъ жолтой. И пріѣхали къ колодезю въ полдень. И стояли для корму. И отъ того колодезя ѣхали ровными песщаными мѣстами. И недоѣхавъ до становья вправѣ пошелъ мысъ высокій отъ хребта каменнаго, а лѣсу на немъ нѣтъ. И камень отвалился на западъ далече. И потомъ пріѣхали къ рѣчкѣ Синю голю, которая течетъ съ западу на востокъ въ длину по степи къ Коргей рѣкѣ, а вода въ ней свѣтла и у той рѣчки ночевали и подводы перемѣняли.

Станъ 10 ямъ 8 45 верстъ.

Апрѣля въ 28 стояли у той жъ рѣчки весь день, п. ч. въ прошлой ночи испужалось у Асканьямы коней съ 10, да лозы самые ево лутчие и бежали по степѣ. И посылалъ онъ къ посланнику подъячего, чтобъ тотъ день постоялъ. А онъ посылалъ вездѣ по степѣ искать коней и на силу сыскали далече и въ тотъ день при вечеру на то становье пріѣхалъ и онъ.

Апрѣля въ 29 ѣхали межъ шелоника и лѣта, степь была песщаная, бугроватая, вертепы глубокіе безводные, а по дорогѣ въ четверь грязнетъ въ песокъ нога. И ѣхали версты съ 3 и пріѣхали къ лѣснымъ мѣстамъ небольшимъ, а на немъ родятся вишни, да промежъ тѣхъ вишенъ родитца виноградъ дикой, также и шептали дикіе родятца жъ. Есть и иное дерево, на которомъ будто гороховое стручье и то стручье варятъ вмѣсто

чаю. И иного незнатнаго лѣсу много. И пріѣхали на ямъ и подводы перемѣнили. А на сторонѣ юртъ Мунгальскихъ много. Тутъ же кочуетъ одинъ ванъ, которой тѣмъ всѣмъ улусомъ владѣетъ. Станъ 11 ямъ 9. 46 верстъ

Апрѣля въ 30 ѣхали весь день на шелоникъ, степь гладкая сухая лѣсу нѣтъ версты съ 3, а потомъ были холмы, а изъ утра объявились далеко съ правой сторонѣ холмы высокіе, едва ихъ мочно видѣть. И въ полдень доѣхали до рѣки Шарамуры, се есть жолтой Амуръ, а называютъ Жолтою для того, что вода въ ней мутна, течетъ изъ камени, изъ большаго хребта, а вышла съ сѣвернаго западу, а по степѣ потекла на востокъ, около ея бугры, а на нихъ лѣсъ тальникъ. А переѣхали въ бродъ, а по дну топка. И тутъ при рѣкѣ полдневали. И отселѣ пошли мѣста веселые. А послѣ полудня ѣхали отъ Шарымуры ровными мѣстами лѣсными, а лѣсъ ельникъ и березникъ. И пи вечеру пріѣхали къ иной рѣкѣ къ Лохану и тутъ возлѣ рѣки юрты Мунгальскіе жилые. А рѣка Лоханъ меньше Шарамуры. И отъ того мѣста гдѣ полдневали недалека падетъ Лоханъ въ Шарамуру [1]) и послѣ того обѣ вмѣстѣ собирая иныя многия рѣки текутъ сквозь высокую стѣну Китайскую въ Китай, въ страну Леоатунгъ. И оттуду падетъ въ моря и по китайски словетъ та рѣка Леаонхо, се есть рѣка страны Леоатунгъ. А Мунгалы не могутъ того говорити, и именуютъ Лоханъ. И по той рѣкѣ нынѣшніе Богдойскіе татары, какъ стала зимою, прошли сквозь стѣну по ней по льду и взяли страну Леоатунгъ и оттуду и царство Китайское. А при томъ нашемъ становьѣ были озерка невеликіе, самородные изъ ключей, глубокіе и въ тѣхъ озеркахъ Асканьяма сказалъ, что конечно сыщется жемчугъ и посланникъ тому не вѣрилъ, и велѣлъ служилымъ людемъ нырять и искать раковины, и нашли многіе, а жемчугъ нашли только въ одной мелкой, а въ иныхъ еще не родился. А такихъ озерокъ много, а они и искать раковинъ и нырять не умѣютъ. А есть дорога иная по Шарамурѣ, только кругомъ идетъ и опять по немногихъ дняхъ придетъ къ нашей же дорогѣ.

А отъ Науна до Шарамуры почитаютъ половина дороги до Китай. А отъ Шарамуры остается другая половина, а отъ того мѣста сказываютъ, что по Шарамурѣ ѣхать до моря степью до Леоатунгъ скорою ѣздою дней съ 7. А мы за Мунгальскими юртами по сю сторону Лохана. Станъ 12-й ночевали и подводы перемѣнили. ямъ 10 52 версты.

Мая въ 1 ѣхали изъ утра и переѣхали реку Лоханъ въ бродъ, а ѣхали межъ западу на шелоникъ, а возлѣ рѣки юртъ кочевныхъ

---

[1]) По той рѣкѣ мочно проѣхать въ Китай безъ всякіе трудности.

много. А около Лохану степь не широка межъ горъ, а горы по обѣ стороны песчаные, а на нихъ лѣсу нѣтъ. А по степи песокъ бѣлый. А около рѣки лѣсъ илимникъ и тальникъ и иной лѣсъ. И на лѣвой сторонѣ р. Лохана проѣхали озерко небольшое и въ томъ озеркѣ жемчужныхъ раковинъ много, также и черепахи большіе. И тѣ черепахи китайцы едятъ. А тѣ люди, которые кочевали около рѣки, сведены издали для того, чтобъ мы видѣли, что у нихъ людно. А р. Лоханъ течетъ изъ подъ самаго хребта, на которомъ стоитъ стѣна. И по ней ѣхали вверхъ близъ стѣны. А въ тотъ день стояли при рѣкѣ и ночевали и подводы перемѣняли.

Станъ 13-й ямъ 11 28 верстъ.

Мая въ 2 день ѣхали подлѣ той-же рѣки Лохану и река немного пошла къ сѣверу и опять возвратилась на шелоникъ. А мы ѣхали съ сѣвера къ полудню. А ѣхали чрезъ горы пещаные и тѣ горы высокіе бугроватые, а лѣсу на нихъ нѣтъ, только песокъ бѣлой, коня въ полъколѣна грязнетъ нога. А промежъ горъ лѣсъ—илимникъ и черемошникъ. И тутъ при рѣкѣ яръ красной высокой, версты на пол 2. И отъ того, мѣста рѣка идетъ вправо. А мы пришли чрезъ холмы къ колодезю и тутъ полдневали, и опять поѣхали чрезъ пещаные мѣста, и отпустились къ рѣкѣ Лохану и тутъ стояли и перемѣняли подводы и ночевали.

Станъ 14 ямъ 12 45 верстъ.

А близъ становья было старое городище земляное. А противъ того городища на другой сторонѣ р. Лохану — горы каменные и столбы высокіе будто курганы; и тутъ было черепахъ много, также и куръ индѣйскихъ дикихъ было много-жъ.

Мая въ 3 день поѣхали отъ яму съ версту ровными мѣстами, и потомъ чрезъ холмы и рѣку оставили направо. И по рѣкѣ холмы высокіе каменные. И опять поѣхали степью и пріѣхали къ рѣкѣ и переѣхавъ черезъ, полдневали. И послѣ опять поѣхали черезъ гору. И на той горѣ городъ земляной дѣланъ съ каменіемъ, а башни каменныя и знатно, что въ немъ и около ево жилья было много. И Асканьяма сказалъ, что де тотъ городъ строенъ тому нынѣ 600 лѣтъ, а какъ запустѣлъ 50 лѣтъ. А жили люди въ томъ городѣ Талѣи. И въ томъ городѣ лежитъ львы и змеи и черепахи, вырѣзаны изъ камени. А отъ сѣвера лежитъ хребетъ великій, а лѣсу на немъ невидитца, п. ч. далеко. А мы проѣхавъ того городища, ѣхали ровными мѣстами степьми. И пришли опять къ той же рѣкѣ и ночевали, а подводы не перемѣняли.

Станъ 15 40 верстъ.

Мая въ 4 день ѣхали отъ яму межъ запада и шелоника по той же рѣкѣ ровными мѣстами степьми. И тутъ проѣхали городище великое старое. А около рѣки Мунгалъ кочуютъ много, степь сухая, и горы высокіе, каменные, степные, а лѣсу на нихъ немного. И пріѣхали къ первымъ китайскимъ жилымъ людямъ; а избы у нихъ, какъ и у Дауръ, земляные. И видитца что въ тѣхъ мѣстехъ жить почали недавно, лѣтъ съ

10, какъ и Дауры, п. ч. юрты новые. И тутъ полдневали. И опять ѣхали ровными мѣстами и при рѣкѣ стояли и ночевали и подводы перемѣняли и стояли вмѣстѣ съ Асканьямою. Станъ 16 ямъ 12,45 верстъ.

Мая въ 5 день поѣхали отъ яму ровными мѣстами подлѣ рѣки версты съ 3 по р. Лохану жъ и отъ того мѣста рѣка отошла влѣво и тутъ улусовъ Мунгальскихъ много, до полудня ѣхали на шелоникъ, и съ полудня межъ шелоника и лѣта [1]), и полдневали подъ селомъ сидячимъ и потомъ отъ деревни ѣхали немного и тутъ возлѣ дороги стоятъ два человѣка вырѣзаны изъ камени. И сказалъ Асканьяма, что то дѣло китайское: и на одномъ платье ѳилосоѳское а на другомъ—богатырское. И то имъ сдѣлано для воспоминанья, и при нихъ вырѣзаны двѣ черепахи, изъ камени жъ. А отъ того мѣста ѣхали ровными мѣстами и чрезъ горы, и переѣзжали рѣчку небольшую, и по той рѣчкѣ и по сторонамъ юртъ много. А дѣланы избы все новые, а по сторонамъ и около дороги старыхъ жилыхъ разоренныхъ мѣстъ много. И на нихъ лежатъ львы и змеи, вырѣзаны затѣйчиво. А отъ той рѣчки ѣхали верстъ съ 8, пріѣхали въ новое великое, богатое село. И изъ того села пріѣхалъ человѣкъ молодъ честной и привезъ къ послу барана и вина, и говорилъ, что привелъ онъ барана для здравія обоихъ великихъ государей. А будучи къ селу въ сторонѣ, видѣли горы высокіе по обѣ стороны, и на иныхъ есть лѣсъ великой, а на иныхъ—нѣтъ. И въ тотъ же день Асканьяма посланнику билъ челомъ, чтобъ своихъ людей заставить пѣть пѣсню: Дунай, Дунай, потому что онъ прежде сего слышалъ. И посланникъ людей своихъ заставилъ. А послѣ того онъ Асканима заставилъ своихъ двухъ подъячихъ, и они пѣли по китайски. И мы за селомъ стали и ночевали а подводы не перемѣняли. Станъ 17 50 верстъ.

Мая въ 6 день ѣхали изъ того село степью сухою пахотною. И проѣхали юртъ сидячихъ много. И ѣхали верстъ съ 10 и у рѣчки полдневали, для того что къ Асканьямѣ пріѣхалъ ванъ и билъ челомъ посланнику, чтобъ постоялъ. А на лѣвой сторонѣ стоитъ городъ Мунгальской каменной, а называютъ тотъ городъ по китайски Табинъ-чинъ, а въ средѣ того города есть бутто колокольня высокая каменная, и тутъ мольбище болвановъ ихъ. И около того стоятъ многозрачныи, мужескои и женскои полъ, А въ томъ городѣ и около города жилыхъ людей много. А весь день шли на шелоникъ, а съ сѣвера лежитъ камень голой, только съ полудня приходитъ степь. А тѣмъ городомъ и улусомъ владѣетъ ванъ. И ѣдучи переѣзжали иныя рѣчки. А недоѣзжая до становья въ сторонѣ стоитъ

[1]) Тутъ проѣхали городище земляное дѣлано съ каменіемъ, а нынѣ розвалилось.

столбъ великой каменной. И китайцы тотъ столбъ именуютъ счастливымъ. А въ тѣхъ мѣстахъ селъ много. Да противъ становья стоитъ бутто монастырь, и въ немъ стоятъ болваны вырѣзаные. И подлѣ того монастыря стояли и ночевали и подводы перемѣняли.

Станъ 18 ямъ 13,45 верстъ.

Мая въ 7 день поѣхали отъ Яму подле Лохану ровными мѣстами А на правой сторонѣ стоитъ городъ земляной великой, стѣны и башни цѣлы. А въ городѣ никто не живетъ, только близъ города дворовъ съ 10 Тутъ же вытекла рѣчка изъ каменю съ сѣверной стороны. А мы поѣхали на шелоникъ по Лохану. И пришелъ камень великой лѣсной, хребетъ большой, тотъ который лежитъ отъ Таргачинъ и идетъ къ полудню до моря. И немного поѣхали и р. Лоханъ отошла влѣво къ вершинѣ своей а мы поѣхали по иной рѣчкѣ маленькой вверхъ на западъ. И оттуда поѣхали къ становью и ночевали при маленькой рѣчкѣ. И Асканьяма въ вечеру присылалъ къ посланнику и билъ челомъ, чтобъ приказалъ всѣмъ выстрѣлить изъ пищалей по трижды, для того что тутъ многіе кони стоятъ вановъ изъ царства, да и про нашихъ, п. ч. бобровъ и борсовъ много. И не токмо приходятъ на кони, но и на людей. И посланникъ велѣлъ выстрѣлить по трижды и отъ того былъ громъ великой межъ каменныхъ горъ.

Станъ 19-й 35 верстъ.

Мая въ 8 день поѣхали отъ стану чрезъ хребетъ каменной, а рѣчку Коркотъ оставили вправо и переѣхавъ горы ѣхали ровными мѣстами и пріѣхали къ рѣчкѣ и подлѣ рѣчки ѣхали межъ горъ. А тѣ горы и хребты зѣло велики, п. ч. начинаютца отъ моря и идутъ къ западу далече. И на томъ хребтѣ здѣлана и великая стѣна Китайская: а по китайски тотъ хребетъ именуется Алинъ. И ѣхали по рѣчкѣ немного, полдневали и опять ѣхали подлѣ ней лѣсными мѣстами. И оставили ее направо, и ѣхали чрезъ гору и пріѣхали къ рѣчкѣ Чаганъ-ута, и ту рѣчку переѣхали. И пріѣхали къ селу къ 8 избамъ, а то село поставлено для яму. И путь намъ былъ прямой на шелоникъ. И при томъ селѣ стоитъ городъ земляной высокой пустой и именуютъ его Чаганъкото, се есть бѣлой городъ. И тутъ возлѣ рѣчки стояли и ночевали и подводы перемѣняли.

Станъ 8-й 35 верстъ ямъ 14.

Мая въ 9 день ѣхали на западъ, отъ яму отъ 8 избъ верстъ съ 7 ровными мѣстами и чрезъ хребты небольшіе. А отъ того мѣста ѣхали межъ горъ великихъ и мѣста тѣсные и дорога была тѣсная и по ней мелкой камень. А рѣчка, которая была подъ селомъ, осталась влѣвѣ. И ѣхали межъ тѣхъ горъ высокихъ и непроходимыхъ верстъ съ 8, опять пріѣхали къ той-же рѣчкѣ и ту рѣчку переѣзжали съ 6 а въ бродъ для того что только цроходъ по рѣчкѣ, а по инымъ мѣстамъ дороги нѣтъ И потомъ ѣхали версты съ 4 и подъ горами полдневали. И промежъ

тѣхъ горъ и шерлоповъ древесъ много: яблони и груши и виноградъ и иные многіе невѣдомые самородные. Также въ рѣчкахъ и подъ каменьемъ въ ключахъ рыбы мелкой и раковъ много. И отъ того мѣста опять ѣхали ровными мѣстами верстъ съ 5 и тоежъ рѣчку опять переѣзжали. И пріѣхали на небольшую степь. И тутъ стоитъ *кумирница* Китайскихъ людей каменная, а въ ней разные идолы ихъ, иные вырѣзаны а иные живописаны. А въ среди ихъ стоитъ большой идолъ, а держитъ круглое въ рукахъ бутто миродержецъ. И называютъ ево *Θе* или *Оо*. Но объ тѣхъ дѣлѣхъ напишемъ въ особной Китайской книжицѣ. А отъ яму до кумирницы половина, а до большой стѣны половина-жъ. И отъ той мечети опять переѣзжали туже рѣчку. И пріѣхали въ *Китайскую деревню* и тутъ возлѣ рѣчки подъ деревнею ночевали, а подводы не перемѣнили. *И межъ тѣхъ горъ есть вырѣзаны болваны* и въ горахъ сдѣланы *пещеры*, въ которыхъ жили пустынники ихъ. А въ той деревнѣ живутъ, прямые Китайскіе бугдыхановы люди, для того что лѣтомъ собираютъ всякіе овощи на Бугдыхана. А деревня ихъ обведена валомъ земляным для того что бобровъ и барсовъ живетъ въ горахъ много и скотъ и людей пожираютъ многихъ. И Асканьяма посылалъ къ посланнику и билъ челомъ чтобы велѣлъ выстрѣлить изо всего оружія попрежнему. И посланникъ въ вечеру велѣлъ выстрѣлить изо всего оружія и стрѣляли.

Мая въ 10 ѣхали отъ села съ полверсты *ровнымі мѣстами* и пріѣхали *къ кумирницѣ*, а въ ней *идолы* такіе жъ, а та кумирница каменная, покрыта черепомъ. И отъ той кумирницы рѣчка идетъ вправо. А мы ѣхали *чрезъ великую высокую гору, а на той горѣ дорога высѣченая*. И отъ той горы ѣхали межъ шерлопа ровнымі мѣстами верстъ съ 7. А на лѣвой сторонѣ въ горахъ сдѣлана *пещера* и поставлены *китайскіе идолы* и къ нимъ проходъ—все выбито молотами. И опять *побымались на гору*, и межъ тѣми горами всякіе древеса овощные. И какъ пріѣхали *на хребетъ* и отъ того мѣста Асканьяма указалъ *великую стѣну* посланнику. А та стѣна большая которая объемлетъ отъ моря восточнаго всѣхъ тѣхъ странъ Китайскаго государства, а идетъ безъ урывки 1500 верстъ. А кладена она поверхъ хребта и поверху высокихъ камней и по шерлопамъ все со дна идетъ. А башни ставлены часты, по сту саженъ будетъ между башнями. А стѣна строена: во основаніи сѣченъ камень великой, дикой, сѣрой, а наверху—кирпичъ. А вышина стѣнъ—по четыре сажени, а ширина—по 2 сажени; и во иныхъ мѣстахъ по горамъ розвалилась. Отъ той стѣны китайцы хвалятца, что когда строили, на горахъ каменія не осталось, а на степяхъ—песокъ, а въ рѣкахъ—воды, а въ лѣсахъ—древа. Но объ той стѣнѣ какъ сдѣлана и когда и сколь велика. напишемъ въ книгу, во описаніи Китайскаго государства.

Иотъ того хребта ѣхали немного и стояли и полдневали. И опять отъ того мѣста ѣхали верстъ съ 10. И пріѣхали *межъ горъ* и потомъ ровнымъ мѣстомъ *къ стѣнѣ небольшой, которая стоитъ подъ большою стѣною отъ горы до горы,* вышиною сажени въ двѣ. И тутъ межъ большой стѣны и меньшой задержали съ телѣгами и стояли. А на правой сторонѣ немного стоитъ *городъ каменной разореной.* А подъ нимъ *село жилое.* И послѣ того привели къ посланнику на перемѣну кони и телѣги, а въ телѣги впряжены были ишеки съ быками и съ коньми. А кони привели самые добрые. И какъ нарежались ѣхали къ большой стѣнѣ къ воротамъ. И тутъ *первые ворота,* а подъ воротами сдѣлана башня великая и въ тѣхъ воротахъ стоялъ тогожъ города воевода и считалъ всѣхъ, сколько человѣкъ, п. ч. у нихъ обычай, не токмо людей и оружіе все считаютъ и записываютъ, для того какъ поѣдутъ назадъ, чтобъ не было людей лишнихъ и оружія. И не токмо въ тѣхъ воротахъ описываютъ, но и во всѣхъ воротахъ великіе стѣны такъ описываютъ. И сказалъ Асканьяма что отъ тѣхъ воротъ что мы пришли до дороги, которою ходятъ съ Селенги—восмь дней. А отъ той дороги которою приходятъ изъ Тобольска 7 дней, п. ч. есть въ большой стѣнѣ многіе ворота и проходы. И мы проѣхали первые ворота, которые были шириною въ 4 сажени. И тутъ былъ караулъ и отъ тѣхъ воротъ ѣхали саженъ съ 12 и пріѣхали къ иной стѣнѣ, и ворота такіе жъ. И проѣхавъ тѣ ворота опять стѣна и ворота третьи. А всѣ тѣ ворота и башни гораздо крѣпки. И третья стѣна толще всѣхъ, а тѣ трои ворота кладены межъ щерлопа каменнаго. А щерлонъ будетъ шириною саженъ съ 8, а по обѣ стороны камень высокой утесъ. А ворота въ башняхъ окованы желѣзомъ. И за третьими воротами жилья немного. А поставлены для караулу служилыхъ людей. И тутъ стоитъ и Приказъ. И въ томъ приказѣ посланника встрѣтилъ Асканьяма и воевода. И посланника потчивали чаемъ именемъ Бугдыхановымъ. И потомъ посланникъ и Асканьяма сѣли на кони и ѣхали къ *заставному городу.* И тотъ заставной городъ стоитъ отъ воротъ съ полверсты. И именуютъ ево *Синьенкулъ.* А великая стѣна именуется по китайски Джаси а по калмыцки и по мунгальски—*Калганъ.* А отъ тѣхъ воротъ стѣна опять идетъ по хребтѣ-жъ по обѣ стороны. И идучи къ заставному городу были постановлены кумирницы выкрашеные и идолы в нихъ многіе. Тутъ же былъ и колоколъ пудъ въ 30 и мѣсто то все строено турскимъ обычаемъ. И пріѣхали къ заставному городу вмѣстѣ съ Асканьямою и воеводою. И они пошли по лѣвую сторону въ городъ, а насъ вели съ правые стороны въ городъ же. А тотъ городъ каменной, а сдѣланъ такимъ же подобіемъ какъ и большая стѣна: внизу кладенъ камень дикой, сѣровикъ, а въ вышину будетъ со-

женъ съ 5. А выѣхавъ изъ большіе стѣны изъ воротъ ѣхали къ городу съ сѣвера на полдень. А въ городѣ и около города жилыхъ людей много. А пушечного снаряду нигдѣ не видали. И въ томъ городѣ торгу много и всякаго харчевого продаютъ много. И поставили насъ въ городѣ на большомъ дворѣ, вмѣстились всѣ. А по городу ходить нашимъ людемъ не дали. А Асканьяма прислалъ къ посланнику двѣ свиньи в прибавку, да куриць и пшена сарочинскаго и тарасуну. А тотъ тарасунъ ихъ питіе дѣлаютъ изъ проса сорочинскаго бутто по нашему романѣя. И тутъ в городѣ ночевали, а караулъ былъ у воротъ и у телѣгъ изъ китайскихъ людей.

Мая въ 11 поѣхали отъ заставнаго города межъ такихъ же горъ а лѣсу на нихъ нѣтъ и поворотили на западъ и ѣхали верстъ съ 6. И тутъ стоитъ *иной городъ каменной* и жилыхъ людей въ городѣ и за городомъ много. И сколько видитъ зрѣнія человѣка—вездѣ села и деревни А и гдѣ села, тутъ овошные всякіе древеса. И от того города ѣхали верстъ съ 7 и пріѣхали къ великой *рѣкѣ Люнгъ*. И тутъ на рѣкѣ сдѣланъ мостъ на судахъ великихъ. И та рѣка течетъ съ запада [1]) на обѣдникъ, а послѣ того падетъ въ моря. А вода в ней темна. А на ней видѣли суды великіе, шитые изъ досокъ тѣмъ переводомъ бутто сани. И оттолѣ пошли межъ каменю розлоги большіе. А хребетъ, на которомъ стоитъ большая стѣна, видѣлся, п. ч. отъ насъ недалеко былъ въ правой сторонѣ. И отъ рѣки ѣхали версты съ три. И Асканьяма все ѣхалъ вмѣстѣ съ посланникомъ. А передъ Асканьямою какъ пріѣхалъ изъ царства были два бунчука крашены изъ волосовъ конскихъ, небольшіе, и тѣ бунчуки везли во всю дорогу передъ нимъ. И тѣмъ бунчукамъ знакъ чести ево. И у Мунгальцовъ какъ были, ему Асканямѣ поклонялись иные по трижды, а иные которые тайши больши, по однижды. А въ царствѣ какъ пріѣхали, плохіе люди слѣзши съ коней честь воздавали. И въ тотъ день ѣдучи говорилъ, что будетъ встрѣчу большой Бугдыхановъ ванъ, и чтобъ посланникъ и онъ Асканьяма какъ встрѣтятся слѣзши съ коней Ханову листу поклонились п. ч. онъ посланъ отъ Богдыхана къ Мунгаломъ для великого дѣла. И у нихъ обычай, что всякій человѣкъ кто ни встрѣтитца, ханову листу поклоняитца. И посланникъ говорилъ, что буде тотъ ванъ посланъ отъ Бугдыхана къ посланнику для какова дѣла и посланникъ противъ ево съ коня слѣзетъ, а буде онъ идетъ для иново Бугдыханова дѣла, и посланнику съ нимъ никакова дѣла нѣтъ ни повитатись и пойду по дорогѣ стороною. И о томъ много спорили. И какъ видѣлъ Асканьяма что во всемъ отказываетъ, тогда онъ

1) Сѣвернаго.

отъ посланника остался. А посланникъ поѣхалъ по сторонѣ дороги. И тутъ объявился ванъ, а предъ нимъ везутъ 7 знаменъ маленькихъ жолтыхъ по обѣ стороны. А послѣ знаменъ ѣхалъ человѣкъ, который несетъ листъ хановъ, а листъ везли въ жолтомъ мѣстѣ, и былъ привязанъ на спинѣ того человѣка. А надъ тѣмъ человѣкомъ и надъ листомъ держалъ одинъ человѣкъ солнечникъ желтой. А за листомъ позади далеко ѣхалъ ванъ съ товарищи. А Асканяма издали какъ видѣлъ листъ, съ коня слѣзъ и листу поклонился по своему на колѣняхъ. И какъ листъ провезли и Асканьяма опять на коня сѣлъ и съ ваномъ повитался и опят пріѣхалъ къ посланнику и опять поѣхали вмѣстѣ верстъ съ 10 и проѣзжали ихъ Китайскихъ селъ и монастырей много, въ которыхъ живутъ ихъ Китайскіе лабы. И вездѣ мѣсто дѣланое: пашни, сады. Также на высокихъ горахъ стоятъ кумирницы великіе и преукрашеные. И въ полдень пріѣхали *къ городу каменному великому*, а около города видитца что прежде сего былъ посадъ великой, а нынѣ все разорено, а стѣны того города зѣло крѣпкіе. И подлѣ того города полдневали. А кормъ стали отъ стѣны давать вмѣсто быковъ по 5 свиней, а посланнику приносили куры и гуси и вина и тарасуну. Тутъ же у великаго города стоитъ по ихъ вѣрѣ *монастырь великій*: кругомъ ево ограда выкрашена. А въ воротахъ стоятъ два человѣка сдѣланы отъ камени, въ рукахъ держатъ по великому коню насѣдланы и всякими красками выписаны. И вошедъ во ограду на правой сторонѣ колоколъ великій виситъ на столбахъ, на другой сторонѣ бубенъ, аки бочка великая, по обеимъ концамъ натяненъ. А въ срединѣ ограды стоитъ ихъ кумирница велика, среди ея сидитъ высокой болванъ, подобіе ево былъ нѣкій царь и на главѣ ево вѣнецъ, лицо выписано красками одежа ево на немъ камка да отласъ вишневымъ цвѣтомъ, а сдѣланъ онъ великъ и толстъ велми. Кругомъ ево сдѣланъ аки шатеръ, и завѣсами обтяненъ, глаза у нево аки каменіе цвѣтятъ но и страшно смотритъ. Передъ нимъ же стоитъ столъ, на столѣ стоятъ свѣчи великіе высокіе и чаша сребряная, в ней кладутъ ладанъ; да передъ нимъ жъ виситъ фонарь. Тутъ же подале на сторонѣхъ стоятъ по два болвана: лица ихъ выписаны краскою съ бѣлиломъ; а на лѣвой сторонѣ стоитъ древо всякими цвѣты украшено листвіемъ, тутъ же лежитъ мечь великой желѣзной. А на правой сторонѣ повѣшенъ лукъ великой и . . . . . а по стенамъ выпис . . . . . невѣдомо какіе бы . . . . . по сторонамъ по сте . . . и бой и войны великіе мнимъ, будто что Александрово хожденіе. Да отъ того города на горѣ на правой сторонѣ стоитъ кумирница. А Асканяма сказывалъ что та кумирница стала въ 300 тыс. для того что въ той кумирницѣ сдѣлано мѣсто гдѣ сидитъ идолъ изъ каменія драгаго. И у города

стояли и полдневали и опять поѣхали межъ горъ каменныхъ. И дорога пещаная и дресвы много, а воды мало, только мѣстами ключи выходятъ и текутъ по верстѣ и опять подъ землю уходятъ. И выѣхали на степь и камень сталъ оставаться въ правѣ. А великую стѣну еще было видѣть И въ вечерѣ пріѣхали *въ городъ каменной великой*, а съ пріѣзду въѣхали въ ворота и кругъ стѣны веденъ ровъ, а стена у города и башни . . споди камень сѣровикъ . . . . . зѣло толста и высока . . . . ворота, а въ первыхъ . . . . . пушка желѣзная въ пол 2 аршина, а ворота окованы желѣзомъ. И на караулѣхъ стоятъ служилые люди съ луками и съ палками великими. И въ городѣ ряды великіе со всякими овощами и харчомъ. Также въ городѣ и за городомъ кумирницъ много, и колоколы висятъ великіе. А идолы сдѣланы и стоятъ бутто живы и украшены всякими красками и росвечены золотомъ. А въ кумирницы русскимъ людемъ ходить и смотрить не возбраняютъ. Въ городѣ жъ въ одной большой кумирницѣ сидитъ идолъ на высокомъ мѣстѣ весь позлащенъ. Напреди его на сторонахъ сидятъ на конехъ два воина: одинъ съ лукомъ, а другой—съ коньемъ. И хочетъ одинъ одного убить. А на стѣнѣ написаны змеи великіе. А въ городѣ дворы каменные великіе и в одномъ дворѣ избы по 10 и больши. И во всѣхъ городѣхъ по улицамъ и во дворѣхъ мосты каменные вытесаные. И в вышеписанномъ городѣ стояли и ночевали и подводы перемѣняли А ѣхали до сего города, у котораго полдневали 15 верстъ. Да будучи жь дорогою Асканяма посланнику говорилъ, чтобъ онъ, посланникъ, великаго гсдря грамоту пріѣхавъ в царство отдалъ хановымъ ближнимъ людемъ съ пріѣзду вскорѣ. А какъ великаго гсдря грамоту отдашь и переведши ее доложатъ Хану и доложа Хану послѣ того возьмутъ на поклонъ и тебя вскорѣ жъ. И посланникъ ему говорилъ, что ни въ которомъ царствѣ не ведетца тово, чтобъ грамоту вел. гсдря отдать ближнимъ людемъ и послѣ того посланника взять къ Хану. И чтобъ Ханово величество желая съ вел. гсдремъ дружбу и любовь велѣлъ принять царскаго величества грамоту при себѣ. И Асканяма говорилъ, что у нихъ такого обычая нѣтъ, чтобъ грамоты принималъ Ханъ при себѣ. И о томъ будучи дорогою спорили съ Асканямою много. Также Асканяма говорилъ, что онъ про го говорилъ и на Наунѣ что у нихъ тотъ обычай. И посланникъ говорилъ естьлибы онъ сказалъ такъ на Наунѣ и азъ бы въ царство не поѣхалъ бы. И Асканяма говорилъ буде ты такъ не учинишь какъ ихъ обычай и тогда поѣдешь назадъ, что и Ѳедоръ Байковъ. И посланникъ говорилъ: воля Божія буде и такъ учинитца. И о томъ спорѣ пространно написано будетъ в разговорѣхъ какъ жили в царствѣ.

Станъ 23 39 верстъ ямъ 16.

Мая въ 12 день ѣхали отъ города версты съ 2 и переѣзжали рѣчку

небольшую. А надъ тою рѣчкою сдѣланъ мостъ каменной, а по сторонамъ того моста заборъ каменной, а на всякомъ столбѣ вырѣзаны изъ каменя головы львовы. И отъ того мосту ѣхали верстъ съ 7, пріѣхали къ *селу великому* и въ немъ *кумирница*, и въ той кумирницѣ идоловъ много. И опять поѣхали и проѣзжали селъ и караулы многіе, которыхъ прежде сего проѣзжали много, а незнали. А нынѣ по сказкѣ Асканямы что де тѣ караулы учинены для воровскихъ людей. А караулъ стоитъ отъ караулу по 10 верстъ, а рускихъ будетъ версты по 3 для того что въ верстѣ ихъ по 360 саженъ. И на иныхъ караулѣхъ пушки маленькіе менши аршина желѣзные. А гдѣ караулъ тутъ сдѣлана бутто башня маленькая, новые. И отъ села ѣхали верстъ съ 6, пріѣхали подъ *городъ небольшой*. И недоѣзжая до города стояли у кумирницы и полдневали. И опять поѣхали сквозь городъ; а ряды въ городѣ небольшіе, также есть и кумирницы. И ѣхали отъ того города верстъ съ 13, пріѣхали въ городъ каменной великой, а дѣланъ тѣмъ же подобіемъ какъ и тѣ городы. А рядовъ въ немъ и кумирницъ много. Также и жилыхъ людей въ городѣ много. А около того города обведена вода кругомъ. А великая стѣна съ полудня осталась в правѣ. А отъ дороги стѣну и башни видить гораздо и идетъ безъ урывки. А горъ по сторонамъ много, а лѣсу на нихъ нѣтъ. А деревень и селъ около дороги и по сторонамъ зѣло много и мѣсто хлѣбородное. А пашенныхъ мѣстъ столь много, что ис спяныхъ покосовъ и скота выпускать негдѣ. И въ томъ городѣ стояли и ночевали и подводы перемѣнили. Сего числа Асканяма послалъ Заргучѣя въ царство для извѣщенія что уже посланникъ ѣдетъ за стѣною. А ходъ намъ былъ до полудня на западъ, а съ полудня промежъ запада на шелоникъ.

Станъ 24 38 верстъ ямъ 17.

Мая въ 13 поѣхали изъ города и ѣхали до полудня ровнымъ мѣстомъ верстъ съ 15 и больши, а селъ проѣхали зѣло много. И пріѣхали къ *селу великому* и стояли въ монастырѣ у кумирницы. И въ томъ монастырѣ идоловъ много такимъ же подобіемъ. И передъ большимъ поставлена лампада и въ ней горить масло день и ночь безпрестанно. Передъ нимъ же на столѣ стоятъ древца. И на древѣхъ написаны овощи многіе разные. А старцы ходятъ въ черныхъ платьяхъ и мяса не ѣдятъ. А кельи у нихъ въ монастырѣ въ оградѣ, и люди самые учтивые. И потчивали посланника чаемъ. И въ томъ монастырѣ полдневали, и опять поѣхали. И ѣхали версты съ 3, пріѣхали въ *село великое*. А то село будетъ на версту. А отъ того села ѣхали верстъ съ 13, пріѣхали къ *рѣкѣ Санго*. И тое рѣку переѣзжали по мосту, а течетъ та рѣка межъ сѣвера и запада изъ камени на обѣдникъ. Да на той же рѣкѣ стоятъ два судна перевозные небольшіе. А вода въ рѣкѣ съ синя бѣла, броду чрезъ нея не было. А селъ столь много проѣхали: какъ станешь кругъ себя считать

больши пятидесять съ одного мѣста видѣть. А во всякомъ селѣ и въ деревнѣ кумирницы есть же, а кумирницы стоятъ по деревнямъ бутто наши часовни. И отъ рѣки ѣхали версты съ 2, пріѣхали къ *городу*, а городъ не *само-великъ* и стѣны во многихъ мѣстахъ розвалились. А стояли подъ городомъ въ слободѣ и подъ тою слободою родится всякіе овощи, виноградъ и яблоки, и груши. А хлѣбъ—пшено и просо сарачинское, а другое—красное и растетъ стебль вверхъ сажени по пол 2 и больши, а толщина въ батогъ, и ту солому держатъ вмѣсто дровъ, а дровами у нихъ зѣло скудно. Да тутъ же родитца пшеница и ячмень, да иные сѣмена сѣютъ, и р остетъ что пырей и какъ узрѣетъ изъ того заварятъ въ котлѣ гораздо и родитца отъ того сахаръ. А ходъ былъ намъ межъ запада и шелоника. А большой камень обращается къ западу и на сѣверъ. И подъ тѣмъ городомъ въ слободѣ стояли и ночевали, а подводы не перемѣняли. Да в томъ же городѣ башня высокая бутто колокольня, и та башня сдѣлана о девяти статьяхъ. Станъ 25 40 верстъ.

Мая въ 14 поѣхали отъ города ровнымъ мѣстомъ верстъ съ 15 и проѣхали селъ и деревень много. И пріѣхали къ *селу великому*, и въ томъ селѣ кумирница велика, что монастырь. А въ ней на престолѣ сидитъ высокій идолъ, подобіе царское, на главѣ имѣетъ вѣнецъ, лицо; бѣло а на бородѣ приклеены въ трехъ мѣстахъ волосы черные долгіе а собою великъ вельми. А платья на немъ: камка жолтая, рукъ у него не видить, закрыты тою жъ камкою, а платья что священническіе ризы, Передъ нимъ стоятъ два мальчика молодыхъ и въ рукахъ надъ нимъ держатъ что рипиды, а на нихъ написаны змѣи и процвѣчены золотомъ, крылаты. А около ево сдѣланъ шатеръ изъ досокъ, передъ нимъ стоитъ столъ, а на столѣ стоятъ горны желѣзные. А въ нихъ ставятъ свѣщи. Передъ нимъ жъ виситъ лампада, а въ ней горитъ масло безпрестанно. А на сторонѣ стоятъ два великіе болвана и называютъ богатырями: одинъ черенъ, а другой—бѣлой и держатъ въ рукахъ: черный—булаву, а бѣлой—бердышъ великой желѣзной пудъ въ 8. И иные при нихъ болваны стоятъ многіе. А большаго болвана называютъ богомъ, бутто онъ емлетъ отъ человѣкъ души. Да позади той кумирницы стоитъ кумирница жъ невелика и посреди ея поставлено мѣсто, что престолъ и покрытъ, что шатеръ и выписанъ золотомъ и всякими красками украшенъ и въ ней идоловъ много жъ. И стѣнное письмо въ обѣихъ кумирницахъ есть же. И въ той кумирницѣ полдневали. И опять поѣхали и ѣхали верстъ съ 7 пріѣхали къ *рѣкѣ Пе*, течетъ промежъ сѣвера и запада на обѣдникъ а надъ нею стоитъ *городъ великой* [1]) каменной. И ту рѣку переѣзжали по

[1]) *Тунгъ.*

мосту деревянному а учиненъ мостъ на бусахъ. И подъ городомъ на оѣкѣ стоитъ бусъ зѣло много. А сказывали что та рѣка пала в море восточное. И *на усть той* рѣки стоитъ городъ китайскій *Тенгинъ*. И к тому городу приходятъ на кораблѣхъ нѣмцы галанскіе и иные многіе

Станъ к
верстъ
ямъ 1.

И отъ устья морскаго ходятъ на бусахъ подъ самой городъ *Тунгъ*, которой выше сего писанъ. И мы в томъ городѣ стояли и ночевали. Да около того города двѣ стѣны: первая стѣна—съ одной стороны кладенъ кирпичъ, а съ другой—только одна земля и кругъ тое стѣны—вода. Другая стѣна—городовая, кирпичная, широка гораздо и башни велики. А въ башняхъ по двои ворота, а ворота окованы желѣзомъ. А по воротамъ лежитъ пушки по двѣ. А величиною съ четвертью въ аршинъ. А ядро вѣсомъ будетъ съ пол гривенки Да въ городѣ одна башня зѣло высока и та башня сдѣлана о одиннадцати статьяхъ а въ городѣ жилыхъ мѣстъ и рядовъ и кумирницъ зѣло много и всякими красками идолы украшены златомъ и каменіемъ драгими. А въ томъ городѣ съ двора никово не пускали. А ходъ нашъ былъ во весь день промежъ запада и шелоника Да въ томъ же городѣ перемѣняли и подводы...

Мая въ 15 день отъ города ѣхали версты съ пол 2. Переѣзжали чрезъ рѣчку по мосту каменному, а сказывали что де та рѣка выкопанная и поносу въ ней нѣтъ. А идетъ подъ самое царство, подъ стольной городъ Пежинъ. И изъ города тою рѣкою в царство проводятъ хлѣбные запасы судами. Оттолѣ поѣхали немного, пошли села и монастыри около дороги и дворовъ. По обѣимъ сторонамъ рощи великіе, и идутъ до Пежина верстъ за 10 безъ урывки. А во всю дорогу отъ города до Пежина по монастырямъ и по селамъ колодцы копаны великіе и каменіемъ выкладены. И у колодезей стояли колоды каменные высѣчены что лари великіе. И у колодезей жъ приставлены люди и подаютъ воду всякимъ проходящимъ. Да тутъ же проѣзжали китайскихъ кладбищъ великихъ людей много. А кладбища каменные. А въ городѣ Пежинѣ у нихъ умершихъ не кладутъ. А ходъ нашъ въ тотъ день былъ промежъ запада и сѣвера. А всего отъ Науна до Пежина ѣхали 29 дней. А ходъ нашъ былъ тихой для быковъ и телѣгъ. А простою было 2 дни ѣдучи до стѣны. А до стѣны отъ Науна пріѣхали въ 24 дней. А отъ стѣны до Пежина пріѣхали въ 5 дней, а верстъ отъ стѣны до Пежина 400 верстъ, а нашихъ 133 версты.

А пріѣхали въ царствующій городъ *Пежинъ* въ самые полдни. И пріѣхали въ полуношные ворота. И тутъ первая стѣна—осыпь земляная. А башни каменные, только невысоки. А кругомъ обведенъ ровъ. И какъ проѣхали тое осыпь, встрѣтилъ насъ заргучей [1]) товарищъ Асканьяминъ

[1]) Дьякъ.

и взялъ съ дороги на сторону и сѣли подъ сараями. И посланника и Асканьяму потчивали чаемъ. Также привозилъ чай и Асканьяминъ сынъ и потчивалъ. И постоявъ немного опять поѣхали. И пріѣхали къ другой большой стѣнѣ, а отъ первой стѣны осыпной съ четверть версты, а та стѣна высока и крѣпка, а вышиною будетъ выше Кремля города, а дѣлана: на низу кладенъ камень сѣровикъ дикой, а вверхъ по обѣ стороны кладенъ кирпичъ, а внутри кладена земля. И для того по стенѣ на коняхъ и на телѣгахъ ѣздятъ. А башни съ стѣною ровны. И какъ пріѣхали въ каменной городъ, проѣхали двои ворота великіе. И проѣхавъ первые ворота сдѣлана башня великая и высокая и зѣло крѣпкая. И въ той башнѣ площадь, вмѣстится человѣкъ съ тысячу и отъ первыхъ воротъ до другихъ воротъ будетъ сажень съ 40. А двери у воротъ кованы желѣзомъ. И у воротъ лежатъ по 2 пушки желѣзные небольшіе. А на верху воротъ сдѣланы полаты боевые. А кругъ тое стѣны пропущена вода— рѣка текучая. И у воротъ стоитъ караулы человѣкъ по 8 съ луками и съ сулемами. И отъ тѣхъ воротъ ѣхали большою улицею межъ рядовъ съ версту. И тутъ въ срединѣ стоитъ Красной городъ, а стѣна вышиною Московскаго царствующаго города съ Китай-городъ. И въ томъ городѣ живетъ китайской Бугдыханъ. И видитца, что прежде сего былъ выкрашенъ рознымп красками. И возлѣ того города ряды и торги многіе. Посредѣ улицы мосты каменные дѣланые. И ѣхали мы отъ воротъ большаго города до подворья, гдѣ поставили, верстъ съ 3 и больши. Но о Пежинѣ городѣ каковъ величиною и красотою, также и про Красной Бугдыхановъ городъ каковъ же, въ книгѣ опишемъ во описаніи пространно китайскаго гдрства. А посланника привели на подворье неподалеку отъ городовые стѣны, и въ томъ подворьѣ стаивали розные послы. Первые Голанцы, которые были при Байковѣ, также другіе имъ же тому ныне лѣтъ съ 10; также Португалцы и иные послы поставлены были. Дворъ великой, только строеніе старое и уже много розвалилось. А кругомъ того двора сдѣлана стѣна каменная вышиною сажени въ пол 2. А на посольскомъ дворѣ палаты каменные, поземные, крыты черепомъ, а въ палатахъ подволоки деревянные и связей въ палатахъ желѣзныхъ нѣтъ. Также на посольскомъ дворѣ садовъ и иныхъ какихъ диковинъ нѣтъ и мѣсто самое кручинное бутто тюрьма. А какъ поставили на посольской дворъ, тотчасъ приставили караулъ крѣпкій, ...

(съ листа 116—130 въ рукописи дефектъ).

...объявляютца, и онъ наказания от государя своего приметъ а и ты де потеряешь труды свои и пойдешь назадъ безо всякого дѣла, что и Байковъ.

И посланникъ ему отповедь учинилъ, что вѣдаемъ мы какие госу-

дари Далай лама и калмыцкие и бухарские и мунгальские п. ч. с ними порубежные бываемъ, также и Португальцовъ и Галанцовъ, какие они, знаемъ же и всѣхъ тѣхъ государей, что ты воспоминалъ и государства ихъ, отъ которыхъ к вамъ до сего времяни послы приходили, хотя і всѣ тѣ государства собираешь вмѣсте и еще к тому і иные многие прибавишь, а не здѣлаешь такого великого государства, что нашъ великій государь, его царское величество Божиею милостью самодержно владѣетъ и тѣмъ наипаче нелюбовью оказываетца к царскому величеству Бугдыханъ что сравняетъ с португальцами и з галанцами и с прочими его вел. государя грамоту и посольство, а какъ проѣхали к бугдыханову величеству послы от цесаря Римского или от Турского салтана, котораго китайцы именуютъ Хункяръ, тогда мочно б говорить, что и тѣ великие государи на свѣте бываютъ однакожде и тѣ не примѣнны были ж бы к нашему вел. государю для того что уже нашъ вел. государь порубежныі с вашимъ государствомъ и инымъ обычаемъ почитаютъ сосѣда, для того что сосѣдъ сосѣду невозможно, чтобъ не былъ надобенъ, да и опричь того богдыханово величество призвалъ царского величества к дружбе и любви чрезъ свой листъ в прошлыхъ годѣхъ, какъ ты о томъ самъ вѣдаешь, п. ч. то дѣло черезъ тебя учинилось, а какъ бы тотъ листъ к вел. государю не посланъ былъ, и вел. государь отнюдь бы не послалъ, для того что вѣдомо вел. государю учинилось отъ Ѳедора Байкова какие ваши гордые обычаи, и какъ вы принимаете пословъ, не честию какъ ведетца супротивъ права всѣхъ народовъ после того емлютъ с честию, и то ни в которомъ государстве не повелось и не слыхано, а хотя и Бугдыханово величество вменяетъ себя выше наче иныхъ всѣхъ государей, однакожде для великие дружбы и любви, которая от страны царскаго величества являетца, мочно бы взяти Бугдыханову величеству пред себя вел. государя грамоту со мною и не просимъ мы иное опричь того, что из начала свѣта у всѣхъ государей чинитца и чрезъ того не токмо не безчеститца Бугдыханово величество, а наипаче возвышается имя ево, потому какъ увидятъ что явнымъ обычаемъ идемъ съ его вел. государя грамотою и с поминки какъ ведется к Бугдыханову величеству в городъ, тогда приятели ево будутъ радоватись, а неприятели ево устрашатся, п. ч. отъ такого славного вел. государя порубежного идетъ посольство к Бугдыханову величеству с толикою дружбою и с поминки п. ч. вѣдаемъ мы, что есть у васъ пріятели и есть неприятели, а то что ты говоришь, что буду в третей день готовъ, и я готовъ говорить о дѣлехъ вел. государя с вами и теперва а не в приказъ итить вел. государя з грамотою, и не для того я просилъ сроку чтобъ готовился итить в приказъ, а буде предъ хана возмете, и теперва готовъ. Да и то большое чюдо и всѣ удивляютца

отчего то у васъ зачалось, что пословъ предъ хана емлютъ, а грамоты государские не емлютъ. И Асканьяма говорилъ, что о томъ не подпись, что мы пословъ емлемъ предъ хана, а грамоты не емлемъ, п. ч. у насъ тотъ обычай почался исстари и мы ныне того накрепко бережемъ, для того что в старыхъ лѣтехъ былъ изъ нѣкоторого государства посолъ и ъоминковъ съ собою привезъ зѣло много, также и словесно объявилъ всякую дружбу и любовь, какъ и ты ныне объявляешь, и тогдашнiй нашъ ханъ вельми обрадовался и велѣлъ тотчасъ того посла с листомъ государя своего и с поминки взять передъ себя и будучи тотъ посолъ передъ ханомъ и далъ листъ и прочетчи въ листу было написано великое безчестье хану, такъ же и посолъ предъ ханомъ учалъ говорить непристойные рѣчи, и такъ отъ того времяни постановлено уложение въ китайскомъ государстве, чтобъ напередъ взяли листъ и прочли отъ всякого государя и смотря по листу какъ написано, такъ и дѣлаютъ, иныхъ пословъ емлютъ предъ хана, а иныхъ і не емлютъ, и ныне тотъ обычай переставить и ханъ самъ не можетъ, только для ради дружбы и чести царского величества велѣлъ бугдыханъ чрезъ звычай тѣмъ двумъ ближнимъ людемъ грамоту великого государя принять, а что предъ ханомъ тебя взять з грамотою, и не думай, и Байковъ жилъ здѣсь 7 мѣсяцовъ и было у него великие поминки и всегда о томъ спорились объ одданiи грамоты, однакожде ничего не исправя возвратился назадъ, да и Ѳедору Байкову такую честь что тебѣ хотятъ дать не давали жъ, п. ч. тѣ колаи ни у которого посла тѣ листы не принимаютъ, какъ и в прошлыхъ годѣхъ были послы отъ Португальцовъ и отъ Галанцовъ и у нихъ взяли приказные жъ люди і буде бугдыханъ тебя ныне предъ себя возметъ, тогда всѣ окрестные государи не станутъ больши именовать бугдыхана ханомъ, п. ч. онъ грамоту вел. государя не противъ древнихъ обычаевъ взялъ предъ собою и такъ отъ того учинитца бугдыхану великой позоръ.

И посланникъ говорилъ, какъ бугдыханово величество остерегаетъ честь свою и обычай старой не хочетъ нарушить и говоритъ буде возметъ вел. государя грамоту отъ того учинитца безчестие такъ же нашему вел. государю не малая скудость въ честь и слава недобрая учинитца отъ того, что вел. государь посылалъ съ толикою дружбою и с поминки, а бугдыханъ бутто небрегаетъ дружбу вел. государя и вмѣняетъ меньши себя и для того не изволитъ и грамоту вел. государя предъ собою принять, какъ обычай належитъ у государей всего свѣта и такъ большая не честь учинитца нашему вел. государю, буде не приметъ, нежели бугдыхану, буде приметъ, п. ч. тѣ государи, которые посылали доселе пословъ своихъ здѣсь, и сами они не сравняютца с нашимъ вел. государемъ и не могутъ они говорить для чего почиталъ паче ихъ и посольство отъ

вел. государя, п. ч. всякой самъ себя знаетъ, каковъ. А про то, что онъ говоритъ, что в старыхъ лѣтехъ нѣкоторой посолъ учинилъ безчестие хану, о томъ не по что вамъ и сумлеватись на насъ, п. ч. я тебѣ говорилъ словесно на Науне и дорогою и издѣсь что нѣтъ въ грамоте вел. государя иного кромѣ дружбы и любви и словесно нѣтъ приказано, опричь того жъ, только то мнѣ чюдо, для чего о томъ на Науне не сказалъ когда ты говорилъ, что есть у тебя полной указъ отъ бугдыхана для чего тогда явно не объявилъ, что будетъ, что грамоту вел. государя въ Пежине ханъ предъ себя не возметъ, а въ приказъ емлютъ, и тогда тебѣ отповедь учинилъ бы, что отнюдь не пойду, какъ никакая честь нашему вел. государю не учинится.

И Асканьяма говорилъ, не отпирается онъ, что не говорилъ и былъ указъ бугдыхановъ у него таковъ, чтобъ отвѣдывать отъ речей твоихъ и отъ грамоты вел. государя и буде какие грозы или непристойные рѣчи приказаны і тебя велено прогнать назадъ тотчасъ, а мнѣ собирати войско сколько мочно великое и итить подъ Нерчинской и подъ Албазинской остроги и ихъ до основанія разорить, п. ч. вѣдаемъ поскольку человѣкъ живетъ въ нихъ, а что много и теперва говорить, буде ты не пойдешь вел. государя з грамотою, и ты пойдешь назадъ, что Байковъ.

И посланникъ ему говорилъ, почто онъ поминаетъ разорение остроговъ, вѣдаютъ они и сами, какъ осадили Комарской острогъ, что взяли, а мы войною не хвалимся, а и бою ихъ не боимся жъ, нашъ вел. государь не желаетъ войны и ссоры, но желаетъ съ бугдыхановымъ величествомъ вел. государь дружбу и любовь и для того послалъ меня, а какъ приказалъ бы мнѣ царское величество объявить вамъ войну, и я бы вамъ давно объявилъ, а что ты говоришь, что пойду назадъ, и то воля бугдыханова, а какъ бы ты мнѣ объявилъ о томъ на Науне и я бы отнюдь сюды не поѣхалъ, а про Нерчинской и про Албазинской говоришь, что въ нихъ мало людей, потому мало, что больши ненадобно, а какъ будетъ надобно, есть у вел. государя великое множество рати, что въ годъ мочно наполнитца всему Амуру только чтобъ онъ Асканьяма сказалъ мнѣ вкратцѣ: желаетъ ли ханово величество съ царскимъ величествомъ дружбу и любовь держать, или нѣтъ.

И Асканьяма говорилъ: буде вел. государь желаетъ держать дружбу и любовь з бугдыхановымъ величествомъ, такъ же и бугдыханово величество желаетъ съ вел. государемъ держать дружбу и любовь, а есть ли вел. государь дружбу и любовь не желаетъ и есть что иное въ помышленіи, и бугдыханово величество такожде будетъ чинить противъ тогожъ.

И посланникъ говорилъ: буде такъ какъ ты говоришь, и я объявляю

предъ Богомъ, что отъ страны царского величества нѣтъ и на уме иного кромѣ дружбы и любви, что межъ великими государи учинилась дружба и любовь вѣчная, и для того царское величество приказалъ мнѣ объявить бугдыханову величеству, что не для того царское величество ситъ, чтобъ взялъ предъ себя вел. государя з грамотою и чтобъ учинилось отъ того ханову величеству безчестие, но для того, какъ будутъ к царскому величеству отъ бугдыханова величества послы, и тогда вел. государь, его царское величество велитъ предъ себя взять же и про здравіе спрашивать, какъ ведетца и для того приказалъ, чтобъ случно было и царскому величеству учинить противъ того жъ, какъ и бугдыханово величество. А буде вы о томъ не вѣрите, и я на писмѣ вамъ готовъ дать, что царское величество такъ будетъ учинить і грамоту при себѣ принять, и про здравіе спросить, а буде такъ не здѣлаетъ, тогда и царское величество велитъ такую жъ честь посломъ воздать вашимъ.

И Асканьяма говорилъ, хотя де будутъ отъ ханова величества къ вел. государю послы онъ ли, или иной хто, больши ево, и имъ въ чюжомъ царстве какъ указать, гдѣ имъ велятъ итить, или сѣсть, тутъ и сядутъ, и что прикажутъ дѣлать, то станутъ и дѣлать, а указать имъ нельзѣ, п. ч. во всякомъ государстве свои обычаи есть, а у нихъ тотъ обычай такъ подтвердился, что отнюдь нарушить нѣльзе, и что о томъ много говорить, чтобъ царского величестве грамоту отдалъ, а буде не отдашь, и тогда потеряешь труды свои какъ и Байковъ.

И посланникъ говорилъ, что воля бугдыханова величества, хочетъ держитъ здѣсь, или отпуститъ назадъ, или грамоту царского величества велитъ силою взять и о томъ какъ изволитъ, а онъ царского величества грамоту добровольно не отдастъ въ приказе.

И Асканьяма говорилъ, что ис тѣхъ одно будетъ и скоро учинитца буде не дашь вел. государя грамоту покаместъ добромъ говоримъ, и после того отъ посланника отъѣхалъ.

И тогожъ числа въ полдни приѣхали къ посланнику бояринъ первой которой сидитъ въ Посольскомъ приказе Алихамба, да с нимъ Асканьяма і привели с собою старца католика Езуицкого чина, имянемъ Фердинантъ Вербиястъ, а родомъ онъ немчинъ Нидирланские земли которая есть подъ Ишпанскимъ королемъ, а посланъ онъ изъ Рима отъ начальника въ Китай, лѣтъ тому съ 15, гдѣ ихъ чину многіе Езуиты живутъ и стари по многимъ городамъ и костелы свои имѣютъ и многихъ китайцовъ въ католическую вѣру приводятъ. И прежде сего жилъ онъ въ нижнихъ полуденныхъ китайскихъ государствахъ. А при ханѣ былъ въ первыхъ боярѣхъ почтенъ иной езутъ Адамъ Шалъ, которой еще будучи владѣтели Никанскіе ханы пріѣхалъ въ Китай и для ученія у Никанскихъ хановъ

вельми почтенъ былъ, а какъ взялъ Китай нынѣшняго хана дѣдъ бугдыханъ и слышалъ про нево, опять почиталъ въ томъ же чину. А чинъ ихъ таковъ: у китайского хана есть одинъ приказъ великой и въ томъ приказѣ учатся астрологію, се есть звѣздословіе, п. ч. они пишутъ календари и минуцыи и разделяютъ по всему китайскому государству и затемненія солнца и лунѣ смотрятъ же и пушки льютъ и иные розные дѣла вымышляютъ. И тотъ езуитъ Адамъ Шалъ въ недавныхъ лѣтехъ умеръ и при смерти спрашивалъ ево ханъ, кто можетъ въ ево мѣсто быть и онъ велѣлъ къ себѣ взять того Фердинанта. И ханъ ево къ себѣ взялъ и вмѣсто Адама посадилъ, а богдойскаго языка еще не зналъ и для того далъ изъ покоевыхъ своихъ одного молотца и научилъ ево, а чинъ ево по китайски алихахава, а платье носитъ онъ богдойское жъ только бороды не бриетъ. А опричь ево есть четыре езуита и два костела въ томъ стольномъ городѣ Пежинѣ, вельми украшены. А какъ онъ пріѣхалъ и съ посланникомъ повитался, и посланникъ ево отъ лица узналъ и учалъ говорить по латынѣ и спрашивалъ езуицкого ль чина и давно ль живетъ, и онъ потому отповѣдь учинилъ латинскимъ же языкомъ и гораздо радъ былъ, что выразумѣлись междо собою. А бояре китайскіе спрашивали ево, можетъ ли посланникъ съ нимъ говорить, и онъ говорилъ, что гораздо и совершенно можетъ, также и посланника спрашивали поволилъ ево тотъ толмачъ и могутъ ли выразумѣть межъ собою совершенно. И посланникъ бугдыхану билъ челомъ, что прислалъ такого человѣка, которой не токмо обоихъ великихъ государей словесно въ росговорѣхъ дѣла будучи можетъ совершенно выразумѣть, да и грамоты и титлы обоихъ вел. государей слово въ слово перевесть можетъ же. И бояре езуиту говорили, чтобъ онъ посланника роспрашивалъ изъ начала. для какихъ ради причинъ царское величество ево посланника изволилъ къ бугдыханову величеству прислать.

И посланникъ отповедь учинилъ, какъ и на Науне Асканьямѣ, что вел. государь его царское величество живетъ въ дружбе и въ любви и въ безъурывныхъ ссылкахъ не токмо с тѣми вел. государи, которые многие окрестъ государства его живутъ, а и с тѣми которые в дальнемъ растоянiи бываютъ и тотъ обычай дѣлаютъ всѣ великие монархи не для иного чего, только для славы имени своего, а для того вел. государь въ недавныхъ лѣтехъ изволилъ послать къ бугдыханову величеству с посольствомъ Федора Байкова и желалъ царское величество еще тогда дружбу и любовь завести, что и с порубежнымъ и сосѣдственнымъ государемъ, какъ и съ иными государи имѣетъ и чтобъ отъ того учинилась слава и прибыль обоимъ вел. государемъ и государствамъ ихъ, однакожде богдыхановo величество, не вѣдаемъ для чего, къ тому посольству ока-

зался нелюбовью і того для возвратился назадъ не исправя ничего. И видя царское величество что посольство его бугдыханово величество принимаетъ нелюбовью, впредь посылать не изволилъ. И ныне тому лѣтъ съ 5 изволилъ бугдыханово величество послать на Наунъ Асканьяму, и онъ по указу его посылалъ царского величества въ порубежную крѣпость въ Нерчинской къ начальнику къ Данилу Аршинскому, чтобъ онъ прислалъ къ нему небольшихъ людей для розговору, а ево бъ людей держалъ для вѣрности въ аманатахъ. А Данила тѣхъ людей въ аманатахъ не держалъ, а отпустилъ съ ними на Наунъ, и Асканьяма взялъ ихъ къ себѣ, и пріѣхали сюды въ Пежинъ вскоре и предъ бугдыхановымъ величествомъ объявилъ. И бугдыханъ обещался чрезъ нихъ къ царскому величеству всякою дружбою и любовью и что желаетъ межъ обоихъ государствъ присылки і торгъ завести, да сверхъ того послалъ отъ себя листъ къ царскому величеству о тѣхъ же дѣлехъ и подаря ихъ опять отпустилъ съ Асканьямою на Наунъ и с Науну въ Нерчинской. Данила тѣхъ казаковъ и листъ къ царскому величеству послалъ и казаки тѣ жъ рѣчи царскому величеству извещали і хотя царское величество вельми желалъ выразумѣть, какимъ обычаемъ пишетъ бугдыханово величество къ царскому величеству и что желаетъ, однакожде за невѣденіемъ вашего китайского языка царскому величеству учинилось неизвѣстно, только царское величество вѣдаетъ, что бугдыханово величество славный государь и порубежной сосѣдъ и невозможно иного желать кромѣ дружбы и любви, да сверхъ того листъ свой чрезъ служилыхъ людей послалъ и къ нимъ ласку показалъ и чаетъ царское величество, что и въ листу своемъ бугдыханово величество пишетъ съ честию и съ любовию какъ ведетца у великихъ монарховъ на свѣте, да и казакамъ говорено, для чего съ собою не взяли одного китайского человѣка, которой бы предъ великимъ государемъ перевелъ листъ бугдыхановъ. И казаки говорили, что бояре китайские имъ сказали, что имъ человѣка взять нѣпочто, для того что листъ посланъ только признаки ради, чтобъ вѣрили имъ на Москвѣ, что были они у богдыхана а въ листу кромѣ дружбы и любви и безъурывные ссылки иного ничего не писано. И видя царское величество, что отъ страны бугдыханова величества начинается дружба и любовь, послалъ меня, холопа своего къ бугдыханову величеству и хотя не выразумѣлъ царское величество, какимъ обычаемъ писалъ въ листу своемъ бугдыханово величество, однакожде писалъ грамоту свою къ бугдыханову величеству какъ ведетца, когда великие монархи пишутъ межъ собою со всякою честию и з дружбою и любовью и хотя показать царского величество большую честь и дружбу къ бугдыханову величеству, послалъ свои любительные поминки которые лутчи родятся въ его государстве и которые

*

чаелъ что любезнее будутъ бугдыханову величеству и тѣми жалаетъ царское величество впредь з бугдыхановымъ величествомъ жить въ дружбе и любви и безъурывныхъ ссылкахъ какъ и съ иными государи и чтобы учинилась слава и прибыль обоимъ вел. государемъ и государствамъ. И тѣ суть причины, что царское величество посылалъ ныне посольство къ бугдыханову величеству, которые дела отъ страны вашей начинались, а не отъ насъ.

И Асканьяма учалъ отповедь чинить, а алихамба молчалъ. И говорилъ, что де то дѣло отъ нихъ началось, а иное и отъ страны царского величества п. ч. и Данила посылалъ къ нимъ не по однижды с торгомъ и з тѣми жъ рѣчьми и о томъ нѣчего и спороваться, для того что доброе дѣло, хотя отъ насъ, или отъ васъ зачалось. И бугдыханово величество гораздо склоненъ къ дружбе и любви и почитая царского величества прислалъ къ тебѣ своихъ ближнихъ людей, которые сидятъ въ Посольскомъ приказе и вѣдаютъ приѣзды посольские всѣхъ постороннихъ государей, а къ инымъ посламъ посылаютца послѣдние люди исъ приказу а не такие и для того и сего числа съ утра призывали тебя въ посольской приказъ вел. государя з грамотою и тамъ ожидали тебя первые наши бояре колаи и они бъ принели царского величества грамоту со всякою честию, а иныхъ всѣхъ пословъ приходящихъ принимаютъ и въ розговорехъ бываютъ послѣдние люди дьяки и листы отъ нихъ они жъ емлютъ, и тѣмъ бугдыханово величество чаетъ, что царского величества честь не умаляется ни въ чемъ, а наипаче прибавливаетца что велитъ принять такимъ ближнимъ людемъ царского величества грамоту, которое прежде сего у насъ никогда не бывало, а что принимать бугдыханову величеству грамоту, то у нихъ не ведетца, п. ч. у нихъ обычай старой и переставить и самому хану невозможно. А государские грамоты берутъ преже і выразумѣвъ изъ нихъ что пишутъ, потомъ берутъ пословъ предъ хана и тамъ мошно что спрашиваютъ и про здравье вел. государя.

И посланникъ говорилъ, что и у Галанскихъ пословъ были на розговорехъ тѣжъ бояре посольского приказу, п. ч. у меня есть книга Галанского посольства, только то чюдо большое, что пословъ предъ хана емлютъ, а грамоты не емлютъ, и роспрашивалъ ихъ, грамота ли вел. государя честнѣе, или я, ево посланникъ, и они говорили, что грамота гораздо честнѣе, п. ч. отъ ней и посольство держится. И онъ имъ говорилъ, когда грамота честнѣе, для чего не емлете грамоты предъ хана, а меня посланника емлете, и они говорили, что многія причины есть на то, первое обычай ихъ старой, второе, что тѣмъ умаляетца честь бугдыханова, третья, не вѣрятъ, что говоритъ посланникъ словесно, покамѣстъ не вычтутъ грамотъ и не увидятъ, что писано честно ль и пристойно, к

бугдыхану какъ ведется, і о томъ что много споритца, буде не дашь вел. государя грамоту въ приказе по нашему обычаю, пойдешь безъ дѣла что и Байковъ, а и про Байкова слышали де отъ вашихъ, что отъ царского величества казненъ былъ смертию, что грамоты не отдалъ въ приказе.

И посланникъ имъ говорилъ, что хто про Байкова сказалъ, солгалъ, п. ч. Байковъ умеръ своею смертию гораздо после посольства, а онъ здѣлалъ какъ ему указано было и я потому жъ здѣлаю, какъ мнѣ вел. государь указалъ, п. ч. намъ вел. государь даетъ наказы и потому и дѣлаемъ, а отъ себе здѣлать ничего не смѣемъ. И они говорили, что і у нихъ даются наказы, только послы на мале посылаются отъ насъ и вѣримъ и тебѣ, что ты по указу своего государя дѣлаешь, только что словесно говоришь, не во всемъ вѣримъ, покамѣстъ не увидимъ, что въ грамоте написано и после того мочно и словамъ твоимъ вѣрить. И посланникъ говорилъ, что въ грамоте написано и на Науне тебѣ Асканьямѣ сказано, и ты писалъ и къ бугдыханову величеству. И Асканьяма говорилъ, что тогда ему гораздо на перечень сказалъ, а ныне буде дашь списокъ подлинной и выразумѣемъ, тогда опять доложимъ бугдыхану и о томъ, что укажетъ. И посланникъ имъ говорилъ, что вел. государь отъ того времяни какъ былъ Феодоръ Байковъ слышалъ, что вашъ обычай зѣло жестокой и для того вел. государь пересталъ посылать грамоты и пословъ а какъ виделъ листъ бугдыханова величества, надѣелся, что не по прежнимъ обычаемъ учнетъ принимать і для того приказалъ мнѣ своимъ царского величества имянемъ просить у бугдыханова величества чтобъ любительную грамоту и поминки принялъ самъ какъ ведетца на свѣте во всѣхъ християнскихъ государей и мусульманскихъ, и царское величество противъ того пословъ будетъ принимать бугдыханова величества, а буде сумневается бугдыханово величество и въ подозрѣнii бываетъ что въ ево вел. государя грамоте какие грозы и безчестие написано и запечатано, а я словесно бутто хочю обманывать, и тогда вел. государь велѣлъ мнѣ противъ грамоты и списокъ дать, п. ч. вел. государь славный монархъ и всегда правдою поступаетъ и не токмо въ грамоте, но и на умѣ нѣтъ, кромѣ дружбы и любви и въ моихъ речахъ на Науне и дорогою и здѣсь ничего иного не было и не будетъ кромѣ дружбы и любви безо всякие хитрости, какъ о томъ Богъ вѣдаетъ и время покажетъ. И они говорили, чтобъ о томъ на нихъ не пенялъ для того что они истинно объявляютъ, что тотъ обычай про отдания грамотъ у нихъ старой и самъ ханъ переставить не можетъ. И слышали они, что и въ иныхъ государствахъ обычаи свои крѣпко держатъ какъ слышали и про то, что у царского величества въ шапкахъ нихто не кланеется, п.

ч. вѣ безчестие вменяется, а у богдыханова величества храни Боже въ великое бесчестие вменяютъ, что кланятца безъ шапокъ, однакожде буде отъ нихъ пошлются къ царскому величеству послы, и они дѣлать будутъ какъ вел. государь укажетъ и не станутъ с собою обычай новой заводить.

И посланникъ имъ говорилъ, что цари и монархи не живутъ подъ обычаемъ, а даютъ они инымъ обычаи и многие старые обычаи переменяютъ для ради дружбы иныхъ монарховъ [1]), и не токмо обычаи і городы и государства поступаютца чрезъ пословъ для миру и дружбы, и ныне царское величество желаетъ отъ бугдыханова величества, чтобъ показалъ дружбу и любовь и не почиталъ равнымъ обычаемъ какъ Португальцовъ и Галанцовъ, п. ч. они предъ вел. государемъ зѣло малые государи, а учинилъ бы такъ, какъ Цесарь Римскиі і иные християнские государи, также и султанъ Турской и шахъ Персицкой принимаютъ вел. государя грамоты сами и не проситъ вел. государь у бугдыханова величества для себя нового обычая поставить, только что повелось изъ начала свѣта межъ всѣхъ монарховъ і народовъ, что межъ себя одинъ отъ одного сами принимаютъ і то учинятъ для вѣрности, чтобъ не учинилась какая хитрость въ грамоте или въ посольстве, а какъ не возметъ царского величества грамоты самъ бугдыханово величество, и предъ кѣмъ мнѣ посольство правити и какая честь будетъ обоимъ вел. государемъ. А какъ будутъ послы къ царскому величеству отъ бугдыханова величества и тогда потому жъ приняты и почтены будутъ равнымъ обычаемъ. А про шапки говорите, что предъ царскимъ величествомъ емлютъ всѣ, то не такъ бываетъ, п. ч. християнские послы емлютъ шапки не токмо предъ такимъ великимъ монархомъ, но и межъ себя по християнскому обычаю а Турские и Персицкие послы кланяютця въ шапкахъ по своему обычаю, и не понуждаетъ царское величество отнюдь никого, чтобъ онъ здѣлалъ не по своему обычаю, и такъ всякой обычай своего государства исполняетъ, і какъ у нихъ ведетца, такъ и поклонъ правятъ. И они говорили, что после отдания царского величества грамоты бугдыханово величество велитъ взять передъ себя, и тогда будутъ всѣ ево ближние бояре и тамъ будешь съ честию посольство править и здравие царского величества спрашивать будетъ самъ бугдыханъ, и во всемъ почтенъ будешь. И посланникъ имъ говорилъ, что лутчи бы почитали его царского величества грамоту, нежели ево посланника, п. ч. въ грамоте держитца царское слово, истинно, такъ же и печать ево и всего Россійского царства і тѣмъ посольство почитаетца и правитца. И они учали опять прежъ-

[1]) Монарховъ и государства именуютъ китайцы—коруны.

нимъ розговоромъ спороваться, что тому нельзѣ быть и после того спрашивали списокъ съ его вел. государя грамоты, чтобъ видели, нѣтъ ли какихъ грозъ и безчестныхъ речей и велѣли езуиту писать на латинской языкъ, и посланникъ ему сказывалъ на латинскомъ языке. І будучи имъ у посланника приѣзжалъ къ нимъ отъ хана самой ближней человѣкъ въ молодыхъ лѣтехъ, и какъ они ево увидѣли тотчасъ встали, а езуитъ смотрилъ въ письмо бутто чтетъ и сказалъ посланнику, что тотъ человѣкъ самой ближней бугдыхановъ, а послалъ ево бугдыханъ провѣдать можетъ ли онъ езуитъ съ посланникомъ говорить, только посланникъ притворился бы, чтобъ не позналъ ево ближней, п. ч. они того не хотятъ, чтобъ позналъ. И после того тотъ ближней спрашивалъ езуита, какимъ языкомъ говоритъ съ посланникомъ и разумично ли говоритъ, и езуитъ сказалъ, что гораздо посланникъ хорошо говоритъ, а языкъ латинской, и тотъ языкъ самой мудрой безъ учения нихто говорить не можетъ, і написалъ ему Асканьяма на бумажку для памяти, чтобъ ѣдучи къ хану не забылъ латінской. И спрашивалъ онъ ихъ, что замедлились и что дѣлаютъ, и после того взялъ письмецо и поѣхалъ къ хану наскоре, а какъ перевели и написали списокъ поѣхали вверхъ къ хану и будутъ докладывать сказали и после того что укажетъ известятъ. И посланникъ подчивалъ ихъ водкою всѣхъ и провожалъ. А езуитъ межъ разговоровъ сказалъ посланнику, что онъ радъ царскому величеству для християнские вѣры служить и во всякихъ дѣлехъ радѣть, вѣдаетъ онъ, что и бугдыханъ станетъ спрашивать про все, наипаче про титло вел. государя и про государство Россійское, что сколь велико въ чертежѣ, только ему жаль, что отъ такого славного государя пришло посольство, а китайские люди варвары і никоторому послу чести не даютъ, какъ і въ прошлыхъ годѣхъ Галанцовъ и Португальцовъ, да и поминки что придутъ отъ иныхъ къ нимъ называютъ и пишутъ, что дань и въ листахъ своихъ отповедь чинятъ бутто господинъ къ слугѣ своему и иное поругание многое есть же, о которыхъ инымъ временемъ скажетъ, п. ч. они говорятъ, что всѣ что есть на свѣте людей видятъ однимъ глазомъ, а только они двумя глазы видятъ, и проклиналъ посланника предъ образомъ, чтобъ тѣ рѣчи никому не сказалъ и не писалъ бы покамѣстъ не выѣдешь исъ Китай, п. ч. и они иноземцы и многие нужды терпятъ для Христа, и ныне въ подозрѣніи суть. И говорилъ что пришлетъ къ посланнику книгу латинскую и тамъ увидитъ, какъ пишетъ і весь обычай ихъ какъ принимаютъ пословъ. И съ ними вмѣсте езуитъ отъѣхалъ.

Мая въ 20 день пріѣзжалъ къ посланнику Асканьяма да заргучей. одни и спрашивали посланника про здравье, а посланникъ ихъ такожде спрашивалъ і говорилъ, что въ прошлыхъ дняхъ пріѣзжалъ онъ Асканьяма

съ али-хамбою и съ езуитомъ и взяли списокъ вел. государя з грамоты;— перевели ль на китайской языкъ и докладывали ль богдыхана или нѣтъ.

И Асканьяма говорилъ, что на богдайской языкъ переведенъ, а в докладъ к богдыхану не носили для того, что тому писму вѣримъ и не вѣримъ і хотя в томъ писмѣ все добро и честно пишетъ, однакожде покамѣстъ не далъ вел. гос. грамоты ближнимъ людемъ въ приказѣ и не увидетъ печати, никоими мѣрами вѣрить нельзѣ і предъ богдыхановымъ величествомъ не будешь, и какъ на главѣ волосы выросли и стала седина и ихъ переменить нелзѣ, такъ и обычай ихъ тотъ для ради царскаго величества переменити нелзѣ, толко тѣ два ближние примутъ, которые у Богдыхана ближние зѣло и бутто два плеча в тѣле, а богдыханъ голова.

И посланникъ ему говорилъ, что бугдыханово величество для дружбы царскаго величества, буде возметъ при себе царскаго величества грамоту, и тогда увидите всѣ, что и въ его вел. госуд. грамоте тожде будетъ, что и в списке, п. ч. надъ тою вел. госуд. грамотою, которая написана латинскимъ языкомъ, есть ево жъ вел. госуд. печать, и вѣдаю, что тотъ же езуитъ будетъ прочитать, и тогда увидите всѣ, что у насъ нѣтъ никакой лжи и лукавства; а буде сыщется что иное в грамоте написано, і тогда воля бугдыханова со мною, толко то удивляются всѣ народы про васъ, что посла емлете предъ богдыхана, а грамоты, которые честнѣе, не емлете.

И Асканьяма говорилъ, что для того грамоты емлютъ прежеословъ въ приказъ, п. ч. буде возмутъ вмѣстѣ с посломъ грамоты предъ хана, и буде сыщетца какое слово жестокое написано, тогда и послу отъ бугдыхана жестокое наказанье учинится; а какъ возмутъ преже въ приказъ и тогда хотя есть что въ грамоте, однакожде посла отпустятъ назадъ безъ дѣла и безъ наказанья.

И посланникъ ему сказалъ, что онъ слышалъ, что для того богдыханъ не принимаетъ грамоты самъ отъ иныхъ государей, чтобъ не учинился онъ тѣмъ равенъ, отъ которыхъ грамоты посланы, и буде такъ, мочно бы съ великимъ государемъ и равенство принимать, какъ всѣ христіанские и мусулманскіе государи принимаютъ, и у нихъ чертежи есть-жъ и мочно смотрить царскаго величества государство и бугдыханово сколь велико.

И Асканьяма говорилъ, что вѣдаемъ и мы, что царскаго величества государство зѣло велико, а не для ради равности не принимаетъ бугдыханъ, толко для стараго обычая і для того еще тебѣ отповеди не дали, п. ч. то дѣло не малое, чтобъ вскоре отвѣтъ учинить; а думаютъ о томъ ближние люди; а какъ отповедь будетъ и тогда приѣдетъ Алихимба и онъ съ езуитомъ и скажутъ.

И посланникъ говорилъ, что у всѣхъ государей и монарховъ есть такой обычай, что послы не токмо словесно говорятъ, что имъ приказано, но и на писмѣ даютъ тѣжъ рѣчи для ради вѣрности, и ближние люди также даютъ отповедь на писмѣ жъ; і я готовъ здѣсь и на писмѣ дать тѣжъ рѣчи, что говорю от страны царского величества, п. ч. не отъ себя говорю, но по указу вел. гос. И буде бугдыханово величество учнетъ любовью принимать то посольство, и царское величество наипаче противъ того будетъ принимать отъ бугдыханова величества посолство потому жъ; а буде не вѣрятъ, воля богдыханову величеству здѣсь задержать, или вел. гос. грамоту без воли взять, какъ изволитъ во своемъ государстве, такъ и дѣлаетъ.

И Асканьяма говорилъ, что у бугдыханова величества того не повелось, или иное, что надъ посломъ учинить, толко будетъ противъ того иная отповедь, и мочно бы межъ себя на писмѣ разговоры писать, толко у нихъ нѣтъ такого обычая и трудность будетъ, п. ч. они языка нашего не разумѣютъ, а мы ихъ; а какъ онъ былъ на Науне, и забылъ подлинно распрашивать, дашь ли вел. гос. грамоту въ приказѣ, или предъ хановымъ величествомъ, что и бойковъ хочешь поднести, и взялъ бы подлинную отповедь отъ тебя. И какъ отпустилъ съ Науну Заргучѣя въ царство и съ нимъ бы писалъ къ бугдыханову величеству и учинился бъ мнѣ указъ, взять ли тебя в царство или отпустить назадъ; однакожде не пеняютъ они на посланника, что стоитъ такъ крѣпко, п. ч. всякой человѣкъ долженъ государя своего указъ исполнить.

И посланникъ говорилъ, что мочно имъ и самимъ разсудить, что всякая дружба отъ страны царскаго величества объявляетца, п. ч. отъ бугдыханова величества толко листъ порожей посланъ былъ, а отъ страны царскаго величества и поминки не малые есть и для того, чтобъ онъ радѣлъ и отповедь учинилъ поскорѣе, что укажетъ бугдыханово величество.

И Асканьяма говорилъ, что у нихъ поминки почитаются ни во что, и у Байкова были поминки болшіе жъ, а они не смотрили на нихъ, а отповедь какъ будетъ, и тогда сами будутъ, и отъѣхали.

А въ тѣхъ дняхъ были караулы крѣпкие и ворота заперты, а харчовое продавали караулщики двойною ценою.

Мая въ 22 день приѣзжалъ къ посланнику Асканьяма да езуитъ Алихахава и говорили, какъ и прежде сего, что у ближнихъ людей было сѣдѣнье, а бугдыхану докладывать опасаютца, п. ч. и тебѣ посланнику во всемъ не вѣримъ, да и прошение твое упротивляетца старому обычаю, толко велѣли ближние люди о томъ еще разговорить, п. ч. то дѣло отъ васъ начиналось нежели отъ насъ для того, что въ прошлыхъ годѣхъ, какъ былъ Феодоръ Байковъ, и Сеитъ-Кулъ і Тарутинъ и иные и въ

то время ходили казаки по Амуру и подданныхъ ихъ разорили, и тогда говорили они Байкову и прочимъ про тѣхъ казаковъ, какъ они съ посолствомъ ходятъ, а казаки воюютъ, и они всѣ тѣ сказывали, что тѣ казаки воры и безъ указу вел. гос. воюютъ. И они китайцы называли ихъ лучи, се есть воры жъ, и тѣхъ де воровъ по указу бугдыханову величеству сухимъ путемъ і водянымъ всѣхъ побили; силы, которые были посланы отселе. А после того подданной бугдыхановъ Гантимуръ с своими людми убежалъ въ Нерчинской, и какъ слышалъ бугдыханово величество, что тѣжъ воры поселились въ Нерчинскомъ на Шилке рекѣ, указалъ ему Асканьямѣ, будучи еще заргучѣемъ, чтобъ онъ взялъ 6000 войска да 10 пушекъ и шелъ бы на тѣхъ лучей въ походъ; и Нагай-Тимура и онъ 6000 войска собралъ и десять пушекъ взялъ і пошолъ изъ царства на Наунъ, а съ Науну въ Нерчинской, а напередъ себя отпустилъ къ Гантимуру Даурского мужика, чтобъ онъ провѣдалъ к какимъ людямъ ушолъ, а Гантимуръ поймалъ того мужика и отвелъ къ приказному къ Данилу Аршинскому, и Данила Аршинской и Гантимуръ сказали тому мужику, что они не лучи, а люди великаго государя бѣлаго царя и по указу его здѣлали двѣ крѣпости въ Нерчинскомъ и въ Албазинскомъ, и что великіі государь желаетъ жить въ дружбе и любви з бугдыхановымъ величествомъ, и чтобъ торгъ межъ обоими государствы учинился. И такъ тотъ мужикъ возвратился назадъ и встрѣтилъ меня съ войскомъ по рекѣ Ундѣ за два днища до Нерчинскаго; и какъ я слышалъ, что не лучи, а бѣлаго царя люди и отпустили человѣка назадъ з дружбою, і тогда послалъ и доложили бугдыханову величеству, что лутчи съ такими людми поступать дружбою, нежели войною, потому что они сказываютца бѣлаго царя люди и живутъ по его указу, а не попрежнему воровскимъ обычаемъ, и бугдыханово величество велѣлъ ему Асканьямѣ послать въ Нерчинской и взялъ бы оттуды служилыхъ людей, потому что хочетъ писать къ царскому величеству отъ себя листъ для подлинного провѣдыванія. Игакъ изъ Нерчинскаго послали человѣкъ съ десять; и онъ Асканьяма, взявъ ихъ, объявилъ предъ бугдыхановымъ величествомъ, и бугдыханово величество писалъ къ царскому величеству листъ не токмо для Гантимура, а наипаче для провѣдыванія подлинно, какіе люди живутъ и котораго государя; а опричъ того тѣ всѣ, что были после Байкова съ торгомъ здѣсь въ Китаи, Сеитъ Кулъ и Тарутинъ и иные, и они сказали, чтобъ ихъ отпустили въ царство торговать, потому что есть съ ними отъ вел. гос. грамоты. А после того, какъ пустили ихъ въ царство, и у нихъ никакихъ грамотъ не было и тѣмъ ихъ обманули, и для того нынѣ и тебѣ не вѣримъ, не видя подлинно вел. госуд. грамоты, чтобъ и ты также не обманулъ, какъ и торговые.

И посланникъ ему говорилъ, что про Нерчинскую посылку многижды уже говорено на Науне и дорогою и здѣсь, отчево начались и для того нѣпочто больше говорить; а что про торговыхъ людей говорить, и съ тѣми вел. госуд. отнюдь не посылаетъ грамотъ про свои вел. госуд. дѣла, а даютъ имъ для безопаснаго проѣзда по Тоболска бояре проѣзжие памяти, чтобъ вѣрили имъ, отъ котораго государства ѣдутъ.

І Асканьяма говорилъ: вѣдаетъ и онъ, что съ торговыми вел. гос. грамотъ не посылаетъ, и съ нами не быложъ, только ныне и тебѣ не довѣриваемъ для того, чтобъ и ты также не обманулъ, какъ и торговые. А что списокъ взяли у тебя, мы видимъ, что писано въ немъ зѣло добро и къ дружбе и любви склонно, только опасаемся, чтобы не было за печатью чего иного худого не приписано.

И посланникъ Асканьяму спрашивалъ, бугдыханово величество тѣ рѣчи приказалъ говорить или ближние люди.

И Асканьяма говорилъ: что-де приказали ему говорить ближние люди, потому что они и доложить не смѣютъ к бугдыхану о томъ, что ты говоришь, чтобъ самъ принелъ вел. госуд. грамоту для того, что тотъ обычай такъ старой и крѣпокъ, что и самъ бугдыханъ нарушить не можетъ, и для того еще въ начале бугдыханово величество велѣлъ своимъ первымъ ближнимъ людемъ въ приказѣ принять, которые никогда ни отъ котораго посла не принимали и такие чести не быложъ.

И посланникъ говорилъ: буде бугдыханово величество впредь отъ вел. госуд. или чрезъ пословъ или чрезъ листа станетъ просить, какъ вел. госуд. будетъ склоненъ, того бугдыханова прошенія исполнити, какъ ныне бугдыханъ, что я именемъ царскаго величества говорю, не принимаетъ. И Асканьяма говорилъ, нѣтъ никакое прошеніе, чтобъ бугдыханъ просилъ у царскаго величества. И посланникъ ему сказалъ, какъ онъ Асканьяма выше сего говорилъ, что посылалъ и взялъ казаковъ изъ Нерчинскаго и съ ними бугдыханъ послалъ листъ къ великому государю, а въ листу своемъ писалъ и просилъ тунгуса Гантимура. И такъ мочно случитца и иное какое дѣло бугдыханову величеству, что порубежному государю просить у царскаго величества.

И Асканьяма говорилъ, что про мужика Гантимура что и вспоминать, то дѣло не большое, листъ посланъ былъ не только для Гантимура, а наипаче котораго государя люди, и какъ тотъ листъ бугдыханова величества учнутъ принимать.

И посланникъ говорилъ: хотя говоришь ныне, что дѣло небольшое, а для чего на Науне и дорогою споровался и спрашивалъ накрѣпко есть-ли указъ Гантимура отдать, п. ч. для него бугдыхану многіе протори учинились, а царское величество хотя не выразумѣлъ, что въ листу

написано было, однакожде отъ добраго произволенія своего послалъ меня з дружбою и съ любовью и съ поминки, а бугдыханово величество къ царскому величеству оказывается нелюбовью, п. ч. понуждаетъ вел. госуд. грамоту отдать въ приказе, отъ котораго учинитца имени царскаго величества скудость въ чести отъ постороннихъ государей.

И Асканьяма говорилъ, что бугдыханово величество конечно желаетъ дружбу съ царскимъ величествомъ и для того чрезъ звычай велѣлъ первымъ своимъ ближнимъ в приказе принимать; а ему Асканьямѣ велѣлъ большие приказные ворота отворить, и тѣ ворота никоторому послу не отворяютца, и такая честь не бываетъ жъ; и не токмо инымъ, а и Федору Байкову такая честь не была жъ, п. ч. приказано было грамоты взять заргучѣемъ, а ныне бугдыханово величество для дружбы і любви царскаго величества чрезвычайнымъ обычаемъ велѣлъ принять ближнимъ и своимъ и честнѣйшимъ людемъ.

А езуитъ межъ разговоровъ сказалъ, что де Асканьяма говоритъ, что бугдыхану не докладывали, и то онъ лжетъ, п. ч. уже трижды при немъ докладывали и бугдыханъ велѣлъ пріискивать въ старыхъ книгахъ что прежде сего у пословъ ханы принимали ль грамоты или нѣтъ і бугдыханъ къ тому дѣлу зѣло склоненъ, только ближніе люди упорно стоятъ, чтобъ не нарушали древняго обычая для того, что окрестные государи станутъ говорить, что боясь великаго государя то учинили; да и сверхъ того списку не вѣрятъ для того, п. ч. вѣдаютъ, какъ они писали въ листу своемъ съ повелѣніемъ, что господинъ къ меньшему, и отъ того опасаютца, чтобъ не было грозы въ его вел. госуд. грамоте.

И посланникъ Асканьямѣ говорилъ: когда великіе государи посылаютъ къ равнымъ себѣ государямъ пословъ и буде который государь велитъ принять мимо себя того вел. госуд. грамоту, тогда то дѣло въ великое безчестіе вменяютъ; такъ и бугдыханово величество, буде бы принялъ прежде сего грамоты мимо себя въ приказѣ отъ цесаря Римскаго или отъ иныхъ такихъ равныхъ великому государю государей, тогда не было бъ и слова молвить, а отъ такихъ меньшихъ государей, которые всѣ вмѣстѣ за одного вел. госуд. не стоятъ, что ихъ и сравнять, и на прикладъ ему молвилъ: буде онъ Асканьяма послетъ къ нему посланнику своихъ людей зъ грамотою и съ поминки, и онъ велитъ мимо себя своимъ людямъ принять, а не возьметъ предъ себя, какъ онъ не станетъ кручинитца, такъ и царское величество наипаче будетъ вменять то въ недружбу.

И Асканьяма говорилъ, что посланникъ истинно сказалъ, прикладъ правдивой и вѣдаетъ онъ, что вел. государь славный, толко обычай ихъ старой и для того они переставить не могутъ, п. ч. отъ того учинится

бугдыхану отъ всѣхъ людей слава худая, для того, что онъ нарушилъ обычай свой не для дружбы царскаго величества, а страха ради убоясь, переменилъ толко то для дружбы учинить, чтобы ближние его люди приняли, и какъ они не пеняютъ на посла, что стоитъ крѣпко про государя своего честь, также бы и посланникъ на нихъ не пенялъ бы, что они стоятъ про государя своего и про обычай крѣпко.

И посланникъ Асканьямѣ говорилъ: какъ былъ Ѳедоръ Байковъ въ Китаехъ, и тогда бугдыханово величество, видя, что онъ не даетъ сего вел. гос. грамоту въ приказе, велѣлъ принять брату своему родному, также и ныне посланникъ докладываетъ: буде бугдыханово величество изволитъ самъ принять его великаго государя грамоту, то лутче и честнѣе будетъ; а буде самъ не изволитъ, чтобъ приказалъ по себѣ брату своему родному принять; и такъ уже онъ посланникъ склонился отъ первые статьи на вторую, и чтобъ они доложили бугдыханову величеству.

И Асканьяма говорилъ, что о томъ Байковъ ложно писалъ, п. ч. при немъ на царстве сидѣлъ Ксунхиханъ, отецъ нынешняго хана и у того хана брата не было; а нынешней ханъ сынъ того, и у нынешняго братъ есть, только честнѣе Колаи, нежели братья, а къ Байкову опричъ заргучѣевъ (дьякъ) никто не ходилъ, п. ч. и онъ Асканьяма тогда былъ въ заргучѣяхъ, а честь и въ полы, какъ тебѣ, не было, да и въ книгахъ такие чести, какъ тебѣ, никоторому послу не сыскались.

А приѣхали они рано и говорили, покамѣстъ пристали, и отдыхали немного, и опять учалъ говорить Асканьяма, что онъ и до пріѣзду нашего назначенъ былъ Асканьямою, и честь получилъ после приѣзду въ пятой день, и платье, которое на немъ, то и чинъ назначенъ, п. ч. на грудяхъ золотой жаравль вышитъ тканымъ золотомъ, а назади на спинѣ такой же вышитъ, и онъ божился посланнику, чтобъ онъ не мнилъ, что для того стоитъ онъ крѣпко про бугдыханово величество, что получилъ честь и новой чинъ отъ него, толко у нихъ думали уже не поодинжды и уже постановлено, чтобъ обычай отнюдь не переставить; однакожъ-де и ты не мни, что тебѣ будетъ какое насилство, и у насъ то никогда не ведетца, а полагаемся на твою волю, и наши говорятъ, будто ты понуждаешъ насъ поклонитись твоему Богу Тильеку, а нашего бога Ѳу оставити; а у насъ тотъ обычай такъ крѣпко утвердился, что какъ нелзѣ отъ Бога и отъ вѣры отступити, также и тотъ обычай отставить нелзѣ жъ.

И посланникъ говорилъ, что тотъ не прикладъ, что вѣру свою переменити: многижды государю своему и отцу противляютца и не хотятъ отстати, и обычай отъ вѣры разнитца для того, что обычай, смотря времяни и ползы переменяется, а наипаче государи не живутъ подъ обы-

чаемъ, а даютъ инымъ обычай, толко лутчи бъ онъ— Асканьяма съ езуитомъ объявили ближнимъ людемъ про все истинно и правдиво, какъ съ нимъ говорено, чтобъ они межъ себя разсудили для того, что въ первыхъ дняхъ предложилъ, чтобъ богдыханово величество самъ принялъ; а после того предложилъ чтобъ хотя брату своему при себѣ велѣлъ принять и склонился отъ перваго къ другой статьѣ, а отъ нихъ, какъ сперва ни въ чемъ не поступились, и говорилъ имъ на прикладъ,—какъ лукъ съ одной стороны склонитца, а з другой ничего не склонитца, и тогда испортитца; а какъ обе страны тихонько склонятца, и тогда стрела идетъ прямо и лукъ не испортитца, также и про поминки, чтобъ вмѣстѣ з грамоты взяты были предъ бугдыхано явно, п. ч. у нихъ тайно и прежде грамотъ емлютъ, какъ и у Байкова.

И они говорили, что поминки дѣло небольшое, надобно прежде о грамоте совершить, а поминки негдѣ дѣнутца, толко ты ныне поступись о томъ намъ и отдай его вел. госуд. грамоту въ приказе ближнимъ людемъ, а впредь, какъ увидятъ, что царского величества грамота спискамъ не рознитца ни въ чемъ, тогда и бугдыханово величество для дружбы и любви, какъ желаетъ царское величество, мочно принимать при себѣ грамоты и пословъ.

І посланникъ говорилъ, чтобъ впредь какую отповѣдь хотятъ учинить, чтобъ дали на писмѣ, и онъ по тому жъ имъ на писмѣ дастъ, и то лутчи будетъ, нежели на словахъ. А царское величество и ныне не для ради какие нужды послалъ къ бугдыхану, толко для славы имяни своего, и есть ли бы не послали вы листъ, и царское величество отнюдь бы не послалъ посолство, и для чего онъ Асканьяма на Науне не сказалъ подлинно, что грамоту великого государя въ приказѣ возьмутъ, а не предъ бугдыхана.

И Асканьяма говорилъ, что у него указу полного не было тогда, толко онъ по дружбе сказалъ отъ себя, чтобъ не учинилось, что и Байкову; а видимъ мы, царское величество что къ бугдыханову величеству пишетъ, чтобъ не подивилъ, что мочно титло ево не писано по достоинству, і видишь ты, что царское величество приказалъ тебѣ дѣлать по нашей воли, а ты противляешься.

И посланникъ говорилъ, что про титло великиі государь не токмо писалъ, но и словесно со мною накрѣпко приказалъ, чтобъ обоихъ великихъ государей титла исправилися, какъ впредь взаимъ писать, чтобъ обоихъ великихъ государей равная честь хранилась; а буде бы царское величество писалъ, что указалъ посланнику своему дѣлать во всемъ по вашему обычаю, тогда и мнѣ бъ говорить было нѣчего; а иное есть писать про титло, и иное про обычай.

А езуитъ межъ розговоры говорилъ, что слышалъ онъ конечно, что обычай свой переставить не хотятъ, а про списокъ, что далъ, говорилъ, что добро учинилъ, п. ч. какъ бугдыханъ пишетъ х кому листъ, отнюдь посламъ смотрить не даютъ, толко запечатаютъ; а ныне понуждены будутъ они и тебѣ дать списокъ.

И Асканьяма много сидѣлъ безъ дѣла и ожидалъ отъ посланника еще какого слова; и после говорилъ, что еще сказать ближнимъ людемъ. И посланникъ говорилъ: иного ничего нѣтъ, кромѣ того, что выше сего писано,—и отъѣхали.

Мая въ 26 день приѣхалъ Асканьяма съ езуитомъ да з заргучѣмъ, и почали говорить, что они мая въ 22 день у посланника были и тогда что съ нимъ говорили, то все ближнимъ людемъ доложили, и они приказали ему говорить, что ты сюды посланъ отъ его царского величества посланникъ нарушить старой ихъ обычай и бутто хочешь учинить новой образецъ, которой у насъ никогда не бывалъ.

И посланникъ говорилъ, что то дѣло, которое імянемъ царского величества любви и дружбы ради ищетъ отъ страны бугдыханова величества, ненадобно ближнимъ людемъ имяновать нарушеніе ихъ обычая, какъ и царское величество, когда бугдыханову величеству посылалъ листъ свой безъ переводу, безъ посланника, безъ подарковъ, а царское величество не говорилъ то, что бугдыханово величество противъ обычая всѣхъ государей не послалъ ни переводу, ни посланника, ни поминковъ, а отъ себя грамоту съ отповѣдью разумично послалъ, и посолство съ поминками къ чести бугдыхановы величествы, і чаелъ такъ, что какъ солнце на стенѣ ударитъ сияніемъ своимъ и опять тѣжъ сіянні назадъ возвращаются, такъ чаелъ и отъ страны бугдыханова величества взаимъ потомужъ любовь будетъ жъ.

И Асканьяма говорилъ, какъ мы слышали, что у васъ обычай таковъ, что царскому величеству нихто въ шапкахъ не кланяетца, и тотъ обычай не мочно переставить, такъ и нашъ обычай отнюдь не мочно перемѣнить.

И посланникъ имъ говорилъ, что имъ хто про то неправду сказалъ п. ч. християнские послы такъ безъ шапокъ кланяютца, а турские и персицкие послы всѣ по своему кланяютца въ шапкахъ, и не понуждаетъ вел. гос. никого оставить свой обычай, а кланяется всякой, какъ своему государю.

І Асканьяма говорилъ, что бугдыханову величеству нелзѣ при себѣ царского величества грамоту принять для того, что ныне еще толко начинается дружба; а какъ во всемъ совершитца межъ обоихъ великихъ государей подлинно дружба и любовь, тогда мочно бугдыханову величе-

ству чрезъ іное посолство принимать царского величества грамоту при себѣ.

И посланникъ ему говорилъ, что всегда была дружба и не было время, чтобъ были ссоры межъ обоихъ великихъ государей, и еще начата была дружба, какъ посланъ былъ со всякою дружбою и любовью отъ страны царского величества Ѳедоръ Байковъ и хотя не принятъ онъ, однакожде царское величество тужъ дружбу держалъ і торговые ходили, и порубежнымъ служилымъ людемъ заказано было жити съ вашими въ дружбе, и та дружба первая,—вторая дружба зачалась, какъ ты былъ на Науне и чрезъ казаковъ отпустилъ листъ отъ бугдыхана къ царскому величеству, і хотя царское величество не выразумѣлъ, что въ листу бугдыханове написано, однакожде съ честію принялъ; третья дружба наипаче чрезъ меня ныне зачалась, что и отъ царского величества грамота и поминки также и листъ бугдыхановъ, и то все отъ страны царского величества, какъ словесно, такъ и въ писмѣ и на сердце и есть и будетъ. Толко мочно есть отъ вашей страны какое подозрѣніе, а отъ насъ никакой нѣтъ и для того бугдыханову величеству доведетца потомужъ взаимъ оказати къ царскому величеству дружбу и любовь і принять его царского величества грамоту при себѣ.

И Асканьяма говорилъ, что царское величество мочно бя выбралъ нарочно и говорить съ нами послалъ, п. ч. мы говоримъ все встрѣчю и намъ выныхъ дѣлехъ отповѣдь дать немочно, п. ч. мы въ такихъ дѣлехъ непривычны и неучены.

И посланникъ говорилъ, что онъ у великого государя у его царского величества послѣдней человѣкъ, а дѣло само говоритъ, и правда и истина, потому, есть ли бы царское величество чрезъ меня просилъ у бугдыхана которого не повелось на всемъ свѣтѣ, тогда и бугдыханово величество не принялъ бы; а то дѣло и обычай у всѣхъ государей одинъ и взаимъ будетъ жъ бугдыханова величества послу и отъ страны царского величества такая жъ равная честь будетъ.

І Асканьяма говорилъ, есть ли бы царское величество учинилъ бы отповѣдь про Гантимура, тогда бы мочно было і говорить; а хотя ты сказывалъ, что китайского языка у васъ нихто не знаетъ, однакожде тѣ казаки, которые были здѣсь, и имъ тысячью словесно сказано, что бугдыханово величество Гантимура проситъ, а буде не дастъ, никакое добро не здѣлается, какъ они не объявили и для чего.

И посланникъ отповедь ему учинилъ пространно, какъ на Науне, и то писано выше сего, что царское величество ни съ листа бугдыханова, ни словесно про Гантимура не слыхалъ и для того и листъ бугдыхановъ со мною послалъ.

И Асканьяма говорилъ, для чего царское величество не писалъ въ своей грамоте къ бугдыханову величеству, какъ писалъ про титло и про иные дѣла, чтобъ принелъ его царского величества грамоту самъ или при себѣ, и тогда бугдыханово величество мочно бы і здѣлалъ, а ныне тебѣ, что говоришь словесно, не во всемъ довѣриваемъ.

И посланникъ говорилъ, что у великихъ государей нѣтъ обычая писати про все въ грамотахъ, какъ и про поминки, что послано, не писано жъ, а про титло что писано, и то дѣло великое, прикасается къ чести государской, и то минути нелзѣ и для того и писано; а буде они о томъ не вѣрятъ, также і объ иныхъ дѣлехъ вѣрить не будутъ жъ, о которыхъ словесно царское величество прилѣжно указалъ съ вами говорить.

И Асканьяма говорилъ, что какъ царского величества грамоту подать, тогда и что станешь говорить, во всемъ будемъ вѣрить.

И посланникъ говорилъ, что царское величество слышалъ, что бугдыханово величество самовластный государь и что хочетъ, то и дѣлаетъ, і слышали то, что обычай у бугдыхана таковъ, что грамотъ передъ себя не емлетъ, только чаелъ, что понеже самовластный, для дружбы царского величества тотъ обычай переставить.

И Асканьяма говорилъ, что бугдыханово величество самовластный,— правда то, и что хочетъ, то и дѣлаетъ, и нихто не смѣетъ супротивлятись, толко тотъ обычай не мочно переменить для того, что умаляется честь китайского ханства, которое истари стоитъ аки богъ земной межъ иными государи и перемененъ тотъ обычай не будетъ жъ.

И посланникъ говорилъ: по многимъ днямъ многие розговоры учинились и ис тѣхъ видитъ онъ и самъ, что они отъ своего предложенія не хотятъ отступить для того, чтобъ не учинилась равность межъ обоихъ государей, да и онъ—посланникъ отступити отъ указу не смѣетъ, п. ч. отъ царского величества жестоко наказанъ будетъ, и понеже у бугдыханова величества обычай потребный и честнѣе есть, нежели дружба царского величества и посолство, какъ ведется у всѣхъ государей, не принимаетъ, чтобъ указалъ волность нашимъ людемъ дати ходить вонъ и торговать, что надобно, п. ч. столко дней живемъ бутто въ тюрмѣ и затвореными воротами живемъ и съ Ѳедоромъ Байковымъ про отдание царского величества грамоту споры были жъ, а государскимъ людемъ волно было ходить и торговать что имъ надобно, а насъ и смотрить за ворота не пустите, да и торговымъ нашимъ і инымъ иноземцамъ волно всюды было ходить.

И Асканьяма говорилъ, что торговые будутъ къ вамъ приходить на дворъ и что у васъ есть, мочно въ день все купить и торгъ будетъ

волной и никакой обиды не будетъ жъ; а васъ отпустить з двора, пока мѣстъ не дашь царского величества грамоты, нѣтъ обычая, да и про такое малое дѣло про торгъ думу нелзѣ собрать и хана доложить; а буде есть иное какое болшое дѣло, и то мочно доложить.

И посланникъ говорилъ, что намъ и то немалое дѣло, п. ч. нѣтъ волности, а сидимъ взапертѣ и что надобно намъ для прокормленія, неволно купити, и чтобъ отповедь учинилъ скорѣе, нежели прежде сего. И онъ говорилъ, что отпуску отнюдь не будетъ, а доложитъ о томъ по досугу.

А езуитъ опять смотрилъ въ чертежъ и бутто чтетъ, і говорилъ посланнику, что они нарочно отповедь продолжаютъ, чтобъ принудили къ ихъ воли; да былъ онъ недавно предъ ханомъ, когда лилъ пушку, і взялъ его ханъ втайне і спрашивалъ про тебя и про розговоры и про все, что съ тобою говорили, и по его рѣче, что склоненъ тебя и предъ себя взять, только небольшие люди стоятъ въ думе гордо; а ханъ хотя молодъ, дватцати трехъ лѣтъ, а ко всякому доброму дѣлу склоненъ, толко тѣ колан, которые правители гораздо горды и упрямы, и после того отъѣхали.

Мая въ 27 день приѣхалъ Асканьяма одинъ безъ езуита и заргучѣя и безъ подьячихъ і билъ челомъ посланнику, чтобъ и своихъ подъячихъ выслалъ и остался толко одинъ да мунгалского языка толмачь; и какъ вышли всѣ, сталъ клянутца своимъ богомъ и женою и детми, что онъ любви ради, что съ посланникомъ имѣетъ и дружбу, говоритъ отъ себя для того, чтобъ ево Асканьямина служба и труды не потерялись, буде возможно ему дѣлать з ближними людми, чтобъ бугдыханъ велѣлъ тебя взять не въ приказъ, а взялъ бы въ городъ к себѣ, в ханские полаты, гдѣ обычай болшую думу збирати; да и ханъ во особомъ высокомъ мѣстѣ сидитъ и слышитъ, а что нихто не видитъ, и тамъ будутъ вся дума и ближние люди и будутъ тебя принимать съ честию.

И посланникъ говорилъ, ханъ будетъ-ли тогда на своемъ мѣсте или нѣтъ, а гораздо бы добро было, чтобъ хотя въ дальнемъ растояніи ханъ былъ, толко в томже бъ мѣсте и такъ бы его царского величества хотя не во всемъ, однакожде честь хранена была; а что онъ говоритъ что желаетъ дружбу заводить межъ обоими великими государи, і Богъ ему в томъ помошникъ будетъ, также і отъ обоихъ великихъ государей вѣчная честь.

И Асканьяма говорилъ, что хану тамъ быть отнюдь невозможно и споровать о томъ нѣ о чемъ, да и такой образецъ, что онъ вымыслилъ, никогда никоторому послу не учинилась, и для того онъ не взялъ съ собою езуита и заргучѣя, чтобъ то дѣло было тайно; да еще про то и самъ не знаетъ, здѣлаетца ли или нѣтъ.

И посланникъ видѣлъ, что онъ лукавствомъ поступаетъ і в то время былъ боленъ, и говорилъ ему, чтобъ онъ пришолъ на другой день и онъ будетъ помышлять и съ нимъ переговоритъ; и что онъ говорилъ, все ему приказано было отъ хана говорить, и отъѣхалъ.

А во всѣхъ тѣхъ дняхъ были жары великие и служилые люди отъ того и отъ худые воды половино были болны, а ворота были все заперты и смотрить за ворота никово не пускали, а съестное продавали караулщики тройною цѣною; а караулщики были холопи боярские.

Мая въ 28 день присылалъ Асканьяма подъячего и спрашивалъ посланника про здравье и говорилъ, чтобъ не покручинился для того, что Асканьяма самъ не пріѣхалъ, п. ч. и самъ боленъ и для того и въ приказъ не выѣзжалъ, а на другой день конечно будетъ.

Мая въ 30 день пріѣхалъ Асканьяма одинъ же и говорилъ, что онъ не пріѣхалъ вскоре для того, что былъ боленъ да и дожди были великие, и чтобъ о томъ не пенялъ на него; а Богъ вѣдаетъ о томъ, что не токмо онъ, да и бугдыханово величество склоненъ ко всякой дружбе, чтобъ съ царскимъ величествомъ учинилъ, и принимаетъ посольство съ любовью, п. ч. зѣло доброхотный государь, толко есть нѣкоторые изъ бояръ, которые крѣпко противостоятъ, чтобъ отнюдь не нарушили старой обычай и вменяютъ въ безчестие государству, буде поступятся и тѣ люди не такъ злодѣйствомъ дѣлаютъ, какъ для того, что иныхъ государствъ обычая не знаютъ, также и про царское величество чаютъ, что обычной государь, а не такъ, какъ славный есть, и для того онъ желая межъ обоихъ великихъ государей дружбу учинить и чтобъ не потерялась и служба обоихъ, для того онъ не доложилъ въ думу, о чемъ онъ посланникъ прежде сего про торгъ и про иные дѣла говорилъ, потому буде онъ доложитъ, и тѣ, которые стоятъ упрямо, учнутъ говорить, что онъ мочно только для того пріѣхалъ, и иные противные рѣчи; а онъ посланника предъ ханомъ и предъ думою хвалилъ, что человѣкъ искусной; да они въ тѣхъ дняхъ замешкались и искали во многихъ книгахъ обрасца и не сыскали и отъ Далаймана, которой у нихъ вмѣсто бога почтенъ, а и ево листъ въ приказъ емлютъ жъ; а онъ Асканьяма вымыслилъ то дѣло, которое никоторому послу не учинилось, какъ и прежде сего ему говорилъ, а не знаетъ, будутъ ли тѣ упрямые принимати такъ, или нѣтъ, что въ томъ мѣсте въ царской полате, гдѣ собирается болшое сидѣнье, и тамъ вверху палата высокая ханская, гдѣ ханъ сидитъ, а противъ мѣста ханского будетъ дѣлано мѣсто особное, накрыто желтымъ, и тутъ будутъ всѣ бояре собраны; а при томъ мѣсте будутъ стоять тѣ два ближніе люди, и тамъ ты придешь съ своими людьми и грамоту царского величества самъ на то мѣсто положишь и потомъ тѣ два ближніе возмутъ

*

и принесутъ къ хану, п. ч. и ханъ неподалеку отъ того мѣста; и будетъ два колаи станутъ спрашивать про здравье твое, і ты отповедь учинишь; а буде не спрашиваютъ, тотчасъ поѣдешь назадъ на подворье, а обычныхъ дѣлехъ они ничего спрашивать не станутъ, п. ч. всѣ дѣла обоихъ государей бугдыханово величество ему Асканьямѣ знать и говорить и совершить указалъ.

И посланникъ ему говорилъ, что гораздо онъ дѣлаетъ, что желаетъ межъ обоихъ великихъ государей дружбу і любовь, только бъ о томъ радѣлъ, чтобъ и самъ ханъ въ томъ сидѣнье былъ, і тогда бы совершенную дружбу показалъ къ царскому величеству; а буде, какъ ты говоришь что ханъ неподалеку сидитъ, только чтобъ онъ посланникъ виделъ, какъ тѣ два ближние возмутъ его царского величества грамоту съ того мѣста и поднесутъ хану, и тобы въ честь вменялъ ему царское величество.

И Асканьяма говорилъ, что онъ такъ хану докладывать не смѣетъ, да и то, что онъ вымыслилъ, насилу здѣлается и божился о томъ еще съ клятвою, и говорилъ, что завтра посылай подьячего къ воротамъ х караульщикамъ, чтобъ призвали меня и езуита и тогда о всемъ поговоримъ и какъ мочно здѣлать и докладывать.

И посланникъ спрашивалъ, есть ли у бугдыханова величества братъ большой или меньшой; и онъ говорилъ, что есть большой и меньшой; также спрашивалъ, какъ онъ чаетъ, будетъ ли отъ бугдыханова величества къ царскому величеству посолство или нѣтъ; и онъ говорилъ, что о томъ опричь хана нихто не вѣдаетъ, мочно после отдания грамоты і иныхъ дѣлъ услышится.

А что онъ Асканьяма говоритъ, что бутто вымыслилъ отъ себя, и то все ложь, п. ч. приказано было ему говорить отъ бугдыхана.

А въ его великого госуд. наказе въ розныхъ статьяхъ написано чтобъ ему Николаю хановымъ ближнимъ людемъ потому жъ говорить со многимъ упорствомъ, чтобъ ему конечно вел. госуд. грамоту и его государевы поминки отдать передъ самимъ ханомъ, і буде по многимъ спорамъ ближние люди въ томъ ему откажутъ впрямъ, тогда ему дати имъ і всѣ три государские грамоты, въ которыхъ написанъ онъ посланникомъ, также и поминки имъ жъ отдать, толко поклона и посолства предъ хановыми ближними людьми не править.

И для того на другой день, какъ приѣхали къ нему посланнику Асканьяма съ езуитомъ, и виделъ отъ речей ихъ, что впрямъ откажутъ, тогда въ розговоре поступился имъ, какъ ниже сего написано.

Мая въ 31 день приѣхалъ Асканьяма съ езуитомъ і загурчѣмъ и говорилъ езуитъ, что Асканьяма звалъ ево къ себѣ на дворъ и гово-

рилъ ему, чтобы онъ радъ, чтобъ дѣло то учинилось, какъ ты царского величества посланникъ желаешъ, толко невозможно никоими мѣрами, п. ч. ближние люди всѣ стоятъ противо, которые каковъ государь, его царского величества не знаютъ; да и онъ езуитъ отъ себя многихъ ближнихъ людей спрашивалъ, мочно ли тому дѣлу быть, и они отказали, что отнюдь не будетъ; да и то чюдо, что ныне хотятъ дѣлать, п. ч. людъ гордой и чрезвычайной обычай тотъ, что они хотятъ дѣлать, которое ни одному послу никогда не было, и для того мы ныне къ тебѣ пріѣхали, чтобъ поговорили и сыскали путь, какъ бы обоихъ великихъ государей дѣло дѣлалось, чтобъ і впредь было прочно, и дружба и любовь завелася, для того, что они люди гордые і упрямые.

И посланникъ имъ говорилъ, что онъ отъ страны царского величества въ первыхъ предложилъ, чтобъ самъ ханъ взялъ его царского величества грамоту, какъ ведется, и вы въ томъ не поодинжды впрямъ отказали и говорили, что не вѣрите для того, чтобъ не было въ его великого государя грамоте за печатью грозъ и списокъ прослли, и списокъ далъ, однакожде не вѣрили жъ. И потомъ вамъ другую статью предложилъ, что хотя и самъ ханъ не приметъ, чтобъ онъ ближнимъ людемъ царского величества грамоту при себѣ велѣлъ принять, да и въ томъ отказали и говорили, что тѣмъ безчестится бугдыханово имя. И такъ видится, что бугдыханово величество больши почитаетъ обычай свой, нежели дружбу царского величества, и для того ныне еще вамъ объявлю послѣднюю статью, п. ч. слышалъ, что у бугдыханова величества въ полате ево многие честные мѣста, въ которыхъ собирается дума ваша, и тамъ непода леку мѣсто ханово есть жъ, и буде самъ ханъ изволитъ объявитись, то и наипаче взаимъ будетъ отъ царского величества честь; а буде не изволитъ явно, хотя бы за навѣсомъ или за рѣшоткою, толко чтобъ признаки были, чтобъ зналъ я, что и бугдыханово величество тутъ неподалеку. А у меня его великого государя три грамоты есть на трехъ розныхъ языкахъ для выразумѣния вамъ; и я приду съ одною вел. госуд. грамотою. которая вамъ ис трехъ люба будетъ, и ту грамоту подамъ не колаемъ, но брату бугдыханову болшему іли меншому безъ всякого посолского правленія и поклона; а въ томъ бы мѣсте были колаи і всѣ ближніе люди а братъ хановъ, которой часъ у меня грамоту приметъ; чтобъ тотъ жечасъ гдѣ хановы признаки будутъ, понесъ при мнѣ; а иное ничего говорить не буду, также и поминки царского величества чтобъ тутже явно з грамотою подать; а тѣ двѣ царского величества грамоты досталные после того, какъ взятъ буду предъ бугдыханово величество, и въ то время ему поднесу, і такъ и ихъ предложение и мое хотя не во всемъ учинитца.

И они говорили, что могутъ они и о томъ докладывать, толко лутчи

бъ было, чтобъ всѣ три грамоты вмѣсте понесъ, а въ то де время, какъ будешь предъ ханомъ, отнудь не будутъ принимать, и о томъ опять будетъ споръ, п. ч. тожде дѣло, хотя напередъ отдашь, хотя после; а ханъ отнюдь при себѣ не приметъ; а что принимать хановымъ братьемъ, и про то не для чего и докладывать, п. ч. у нихъ честнѣе колаи, нежели они, для того что колаи владѣютъ всѣмъ царствомъ, а братья хановы живутъ себѣ особно,

И посланникъ говорилъ,—вѣдаетъ онъ и самъ, что колаи владѣютъ однакожде хановы братья и сыновья есть кровь ханская, также и наслѣдники ханства они жъ, а не колаи. И понеже и царское величество искони вѣкъ отъ прадѣдовъ кровь царская, подобаетъ его царскаго величества грамоту принять крови царские жъ, и о томъ бы доложили, п. ч. предложение то правдивое есть; также чтобъ они дали на писмѣ, когда будутъ ихъ къ царскому величеству послы, чтобъ і они также безъ спору учинили, и опричь того дали бъ же на писмѣ то, что онъ Асканьяма преже говорилъ, буде впредь отъ царского величества послы будутъ і тогда бугдыханъ велитъ передъ себя з грамотою взяти, и чтобъ бугдыханъ писалъ въ грамоте своей къ царскому величеству, что посланникъ вашъ крѣпко стоялъ многое время, чтобъ грамоту вашу царского величества при себе принялъ; а понеже обычай нашъ старой возбраняетъ, чтобъ про нынешнее не подивилъ. А впредь, какъ будетъ дружба съ прибавкою, тогда мочно и при себѣ принимать, и то будетъ мнѣ предъ царскимъ величествомъ очистка.

І Асканьяма говорилъ, что о томъ, какъ послы ихъ будутъ къ царскому величеству, потому жъ учинить мочно и на письмѣ дать; а что ты стоялъ крѣпко, и то мочно бугдыхану писать; а что о томъ писати или дать на писмѣ, какъ будетъ посолъ въ другой рядъ, принять предъ ханомъ, и то и помышляти невозможно; только онъ про все, что я ему говорилъ, про все доложитъ, и о томъ что укажетъ; и отъ себя онъ спрашиваетъ, какъ ближние люди дадутъ отповедь про все по твоей воли и будутъ спрашивать его одноконечно, спрашивалъ ли ты посланника после отдания грамоты, какъ будетъ онъ взятъ на поклонъ предъ хана, будетъ ли поклонитись по нашему обычаю хану, іли нѣтъ.

И посланникъ ему говорилъ, что надобно прежде одно дѣло здѣлать и одну статью говорить и скончать, и после того иную начать какъ совершитца отдания грамотъ, тогда не толко про поклонъ, но есть и иные многие дела отъ страны царского величества указаны; і въ то время обо всемъ учнемъ говорить; а буде возмете предъ хана з грамотою, тогда и ныне про поклонъ готовъ говорить. И онъ Асканьяма говорилъ: буде ближние люди узнаютъ, что ты не хочешь поклонитись

хану по нашему обычаю, тогда и ныне не возьмутъ тебя въ городъ царского величества з грамотою и станутъ тебѣ отказывать во всемъ, п. ч. у насъ въ томъ поклоне честь ханская содержится. Также и езуитъ тѣжъ рѣчи отъ себя говорилъ.

И посланникъ имъ говорилъ, что никогда не слыхано въ государскихъ великихъ дѣлехъ, покамѣстъ одно не скончится, другое начати а какъ онъ увидитъ прежде какую честь здѣлаютъ царского величества грамоте и то дѣло скончится, тогда будемъ говорить про поклонъ і про иные дела, которые впредь будутъ. І о томъ споровались междо собою многое время накрѣпко и просили отповеди прилѣжно, а не далъ имъ, и говорилъ, бутто вы хочете понудить насъ силою во всемъ по вашему обычаю, и нетокмо иное, но и ворота заперты столко дней, что не дадите и купить что надобно болнымъ, да и отповедью продолжаете отъ дни до дня для того, чтобъ намъ скучилось.

И Асканьяма говорилъ, что о томъ, чтобъ ворота отворить, и доложить о томъ не смѣетъ, п. ч. отъ хана есть о томъ гораздо жестокой указъ, покамѣстъ не дашъ его царского величества грамоту, чтобъ ворота заперты были замкомъ, і еще жди укору, а отповедь будетъ про все вскоре, і отъѣхалъ.

Июня въ 1 день былъ вихоръ великой съ шумомъ и з громомъ, бутто пожаръ і игдѣ ходилъ, многие лавки разломалъ и все иное, что было встрѣче и на воздухъ носило, и учинился отъ земли до неба бутто столбъ, и шелъ мимо городовую стѣну близъ двора гдѣ поставленъ былъ посланникъ, и такъ ушелъ далеко, покамѣсть невидимъ сталъ. А китайцы сказали, что такие вихры нетокмо на суше часто бываютъ, да и на море и отъ того многое карабли погибаютъ; а пожару покамѣстъ жилі въ Пежине, не видали и п. ч. всѣ дворы ихъ крыты вверху черепомъ мурамленымъ.

Июня въ 2 день приѣхалъ Асканьяма съ езуитомъ и заргучѣемъ и говорили, что они докладывали ближнимъ людемъ про все, что говорили прежде сего, какъ ты царского величества посланникъ предложилъ чтобы на томъ мѣсте, гдѣ царского величества грамоту отдашь, хотя толко признаки были, что тамъ ханъ, и чтобъ виделъ, какъ къ нему понесутъ царского величества грамоту, также и про то, что одну грамоту ныне дать, а тѣ двѣ впредь, какъ будешь на поклонѣ, і о томъ о всемъ отказали, а говорили, чтобъ всѣ три грамоты вмѣсте отдалъ для лучшаго выразумѣния. Также и про то, чтобъ принять братьямъ хановымъ, отнюдъ нелзѣ, п. ч. они не мешаются въ дѣлехъ государскихъ, а будутъ принимать колаи. А что бугдыхану писать къ царскому величеству, о чемъ ты предложилъ, и то невозможно, п. ч. у насъ инымъ

обычаемъ пишутъ; также приказали спрашивать тебя опять про поклонъ, какъ учнешь поклонитись впредь, какъ взятъ будешъ предъ хана а про поминки говорили, чтобъ прежде грамоты далъ, какъ у насъ обычай и что мешать поминки з грамотою, и приказали имъ, чтобъ онъ посланникъ далъ имъ отповедь подлинную про всѣ тѣ дѣла.

И посланникъ имъ говорилъ, что про то, что бугдыханово величество не изволитъ къ царскому величеству дружбу свою показать, хотя въ признакахъ принимать его царского величества грамоту, и о томъ полагаюсь на его ханову волю, также и грамоты, что всѣ три просятъ для выразумѣнія, и то мочно имъ дати; да и про колаевъ говорятъ, что они честнѣе, нежели братья хановы, и о томъ воля бугдыханова; а что про поклонъ, тажъ отповѣдь, что прежде сего, потому, покамѣстъ не увидишъ, какую честь учинятъ его вел. госуд. грамоте и отповеди о томъ не будетъ жъ; а про поминки, отнюдъ наперед ъ не дамъ, толко вмѣсте съ его вел. госуд. грамотою, какъ ведется и то честь будетъ обоимъ великимъ государемъ; а что взять наперед ъ поминки, слышали мы, что и дорогою, и издѣсь вашъ народъ именуютъ дань а мы тѣмъ людемъ, что говорятъ поругаемся, п. ч. нашъ вел. госуд. ото многихъ государствъ дань беретъ, а самъ никому не даетъ.

И они говорили, что про тѣ дела межъ себя согласились, толко бъ про поклонъ далъ отповедь, п. ч. заказали ему накрѣпко, а что про поминки, будетъ дакладывать, когда и какъ вести; а что народъ говоритъ, что дань, и то незнающее говорятъ и ненадобно на то смотрить.

И посланникъ говорилъ, что про поклонъ и говорить впредь не хочетъ, также и про поминки, буде не возьмутъ вмѣсте съ его царского величества грамотою, и грамоты не дастъ, і о томъ споровались многое и опять отъѣхали.

Июня въ 4 день приѣхалъ Асканьяма съ езуитомъ и з заргучѣемъ и говорили, что бугдыханово величество, почитая царское величество паче всѣхъ государей и паче . . . . посолствъ, которые прежде сего . . . . и для того велѣлъ готовить . . . . мѣсто и на томъ мѣсте будутъ . . . . ре и ближние люди; а завтра въ первомъ часу поплютъ кони и поставлятъ всѣ великого государя поминки на небольшихъ столехъ и тѣ столы понесутъ передъ тобою твои люди или наши, какъ ты хочешь. И после того понесутъ всѣ три государские грамоты по вашему обычаю, какъ у васъ водится. И какъ придешь въ городъ, и тамъ мѣсто уготовлено будетъ противъ ханова мѣста, и на томъ мѣсте положишь государские грамоты, да и поминки блиско тутъ же будутъ. А при томъ мѣсте будетъ стоять і принимать первой колай которой есть правитель всему китайскому государству, да и сверхъ того

и племянникъ хановъ. А какъ отдашь царского величества грамоты и поминки, и тогда, ничего не говоря, опять поѣдешь на подворье; только де у нихъ обычай, что передъ хановою полатою есть столбъ каменной и на томъ столбѣ написано имя ханово, и какъ придетъ противъ того столба братъ хановъ или бояринъ, долженъ съ коня свлѣсть и пѣшъ итить . . . . того что у нихъ исстари такъ. . . .

И посланникъ говорилъ, что онъ і . . . . і понеже бугдыханово величество . . . . что такъ почитаетъ лутчи, царского величества . . . . чрезъ колая нежели черезъ брата, и онъ то принимаетъ; а про то, что съ коня слѣсть противъ столба, буде у нихъ истари такъ повелось, чтобъ они толко не учинили такъ нарочно для ради ево, чтобъ пѣшъ шолъ, и то дѣлати будетъ. А про поминки, что честнѣе на столѣхъ нести, нежели въ рукахъ, и то доброе дѣло, толко бъ они въ тотъ день прислали столы и кони подъ посланника и подъ дворянъ.

А езуитъ спрашивалъ Асканьяму, можно ли съ человѣкомъ своимъ прислать къ посланнику овощей новыхъ, і сказалъ Асканьяма, что не смѣетъ, п. ч. отъ хана заказъ крѣпкой, чтобъ на дворъ къ посланнику никого не пускали, также и з двора спускать до указу не велѣно жъ.

Июня въ 13-й день пришолъ къ посланнику заргучей за часъ до света и говорилъ посланнику чтобъ люди ево несли подарки, и посланникъ послалъ съ людми своими, также і дворяне и подъячей и дѣти боярские: а подарки носили въ то мѣсто гдѣ принели вел. государя поминки, а какъ принесли въ то мѣсто посланниковы и дворянские и иныхъ подарки, и въ то время выходитъ по подарки алихамба да ближней хановъ человѣкъ и взялъ прежде всего посланниковы кони, а после коней взяли иные посланниковы подарки, также и дворянские и все что носили, а людемъ велѣли дожидатся покамѣстъ пересмотрятъ всѣ подарки, и буде которые подарки хану полюбятся, и тѣ велитъ принять, а буде которые взять не похотятъ и тѣ отдадутъ назадъ, для того что отъ детей боярскихъ были соболи и лисицы худые. И дожидались такъ до полудня и после вышли и сказали, что бугдыханъ изъ лисицъ и изъ соболей хотѣлъ отдать назадъ для того что были не годны, а велѣлъ принять для того, что ѣхали изъ дальние страны и не хотѣлъ ихъ бугдыханово величество опечалить.

И будучи тамъ видели докладъ, какъ у нихъ обычай і докладываютъ бугдыхану и были у ближнего человѣка желтые мешочки большие, а въ мешкахъ дощечки жолтые жъ, и на тѣхъ доскахъ писаны поминки порознь, по одной статьѣ. И смотря на тѣ доски взяли въ верхъ къ хану подарки по одной статьѣ і тѣ доски въ мѣшки запеча-

тали и взяли къ хану вверхъ въ докладъ, а про кони сказывали, что де на нихъ ѣздили и смотрили и хвалили. И будучи они тамъ прошолъ при нихъ братъ хановъ большой, а предъ нимъ вели коня въ поводу, а кони у нихъ небольшие. А братъ хановъ еще молодъ, лѣтъ въ тритцать, а до тѣхъ воротъ только онъ приѣзжаетъ на конѣ и потомъ идетъ пѣшъ, а тотъ братъ ево большой — начальникъ въ ханской думе, только для ради чести, а что хочетъ тотъ колай, которой принялъ вел. государя грамоты, то и дѣлаетъ, а Божиимъ изволениемъ выбранъ на Китайское царство средній сынъ умершаго хана Ксуньхи. нынешней богдыханъ имянемъ Каньхи, и у нихъ тотъ обычай, что всякой ханъ после выбрания именуется богдыханъ. И первой Китайской ханъ отъ ихъ родословия отецъ ево сталъ, а есть у него и меньшой братъ, и тѣ братья ево живутъ въ чести, а въ земские дѣла ни въ чемъ не мешаются. А ныне опять выбранъ въ ханы нынешняго хана сынъ по смерти отца своего. И после того изъ города людей нашихъ отпустили и съ ними приѣхалъ заргучей, которой ходилъ за подарками, и сказалъ посланнику, что далъ Богъ все принелі въ верхъ въ цѣлости и удивились, что пришли изъ дальние страны, а такъ цѣлы, и хотѣлъ де ханово величество изъ лисицъ и изъ соболей дати назадъ, для того что не годны; однакожде для царского величества и для того что приѣхали изъ дальние страны не хотѣлъ печаловать ихъ, велѣлъ принять все, да онъ же заргучей сказалъ, что станутъ докладывать богдыхану вскоре, когда изволитъ взять предъ себя, и какъ доложатъ, и тогда приѣдетъ известитъ онъ же заргучей, п. ч. то дѣло у нихъ въ приказе а не у Асканьямы.

И июня въ 14-й день приѣхалъ къ посланнику езуитъ алихахава и сказалъ, что де вчера спальникъ былъ у него отъ богдыхана, которого присылаетъ къ нему богдыханъ часто і объявилъ ему про поминки, что отъ посланника і отъ дворянъ и отъ иныхъ были поминки и богдыханъ ими тѣшился и приказалъ ему езуиту сказать, чтобъ онъ у посланника спрашивалъ, есть ли иные какие рѣткие потѣхи или иное что, чтобъ ему было годно.

И посланникъ говорилъ, радъ бы служить богдыханову величеству, а тогда не случилось иного ничего, чѣмъ ему челомъ ударить, и онъ де езуитъ богдыхану говорилъ, что посланникъ зѣло тужитъ для того что не токмо ево одного не пускаютъ, но і никово къ нему не пускаютъ же, такъже и ево езуита не пускаютъ же и держатъ де бутто въ тюрьмѣ, и понеже и у иныхъ государей и у вел. государя такого обычая нѣтъ, и о томъ зѣло печально кажетца ему посланнику. И богдыханово величество сказалъ что де исстари тотъ обычай, однакожде для того, что посланнику тошно, даетъ ему езуиту указъ, какъ онъ похочетъ і онъ бы

ходилъ безъ всякого задержанья и опасенья, для того что онъ въ обоихъ вел. государя дѣлехъ и языкъ знаетъ же и для де того велѣли и отпускать. Езуитъ же сказалъ, чаетъ онъ что де завтра предъ хана возьмутъ, для того что мѣсяца луна полна.

Тогожъ дни и часу, будучи езуитъ у посланника, пріѣхалъ Асканьяма а съ нимъ пріѣхали исъ приказу начальные люди, исъ котораго приказу докладываютъ про пословъ, чтобъ итить предъ хана, и сказалъ, что бугдыханово величество далъ указъ, чтобъ завтра ѣхать за часъ до света къ поклону видеть ево бугдыхановы очи и поклонитись по ихъ обычаю, а велѣлъ только взять тѣхъ людей, которые съ Москвы пріѣхали, для того что желаетъ ханово величество видеть, п. ч. онъ Московскихъ людей прежде сего не видалъ, да и при немъ де бугдыханове величествѣ съ Москвы людей не бывало жъ. И посланникъ говорилъ, что онъ бугдыханову величеству всякую честь какъ ведется готовъ учинить, только у вел. государя і у всѣхъ что есть на свѣте великихъ государей обычай есть и поклоняютца всякой своему государю рядовымъ поклономъ, однакожде вел. государь указалъ мнѣ вѣдая, что вашъ обычай розпитца, чтобъ поконитись бугдыханову величеству какъ поклоняются и царскому величеству для того чтобъ не вменялъ бугдыхановo величество въ безчестие, и то дѣло и опричь того прикасается къ вѣре, для того что у насъ такъ поклоняются Богу. И они о томъ многое время спорились и говорили: буде ты не будешь по нашему обычаю поклонитись і предъ хана невозможно тебя взять и дела всѣ испортятца. И посланникъ имъ говорилъ, что есть у него посланника книги Галанскіе и Португальские і вѣдаетъ, какъ они кланялись, только не надобно такъ почитать царского величества съ тѣми равно, для того что весь свѣтъ знаетъ, какой славной і великой государь и кромѣ того и сосѣдъ ближней и впредь надобенъ, и они говорили, что самъ увидишь что какъ иная честь учинилась въ принятіи царского величества грамотъ, такъ и завтра иная честь будетъ, для того что тебя завтра возьмутъ на иной степень, выше тѣхъ пословъ близь бугдыханова величества и то де у нихъ великая честь, и той чести подлинно больши у нихъ ненадобно быть. И посланникъ говорилъ, что завтра увидитъ какая честь будетъ, п. ч. у него посланника написано въ книге, на которой были степени Голанцы и Португальцы и буде какъ они говорятъ, что учинитца большая честь, и онъ будетъ по ихъ обычаю поклонитца. И они говорили что завтра самъ увидишь, какая честь учинитца, такъ же и посланникъ имъ говорилъ, что царское величество указалъ говорить накрепко какъ буду предъ бугдыхановымъ величествомъ, чтобъ спрашивалъ про здоровье царскаго величества самъ бугдыханъ, какъ обычай у всѣхъ госу-

дарей после взятия государские грамоты спрашиваютъ про здоровье, а здѣсь бугдыханъ, хотя не изволилъ при себѣ принять вел. государя грамоты, а нынѣ мочно про здоровье вел. государя спрашивать, а грамоты бугдыханъ не принялъ, такъ же и ныне буде не спроситъ про здоровье царскаго величества, и тѣмъ бугдыханово величество къ царскому величеству оказывается нелюбовью. И Асканьяма выслалъ всѣхъ вонъ и остался только онъ и езуитъ и говорилъ съ клятвою, что онъ вѣритъ, что приказано отъ вел. государя говорить, только вѣдаетъ онъ, что обычая нашего не знаете, и онъ какъ себя хранитъ, такъ же і его царскаго величества дѣло, и чтобъ не учинилась отчего какая смута, а онъ бугдыхану докладывать можетъ, только сказываетъ тайно по дружбе, что ныне ханъ самъ владѣетъ не подъ правители какъ прежде сего было, и какъ станетъ докладывать, учнетъ бугдыханъ помышлять, бутто мы ево хочемъ научить, п. ч. у него столько разуму нѣтъ, какъ дѣлать. И онъ видитъ что бугдыханово величество къ царскому величеству къ дружбе и любви склоненъ, и мочно бугдыханъ самъ станетъ спрашивать не токмо про здоровье а и про иные дела. И ханово сердце въ рукѣ Божіи, ни онъ самъ и нихто иной не вѣдаетъ и будетъ ли бугдыханъ про здоровье спрашивать іли нѣтъ, того не знаетъ же, только о томъ конечно знаетъ буде учнетъ докладывать, и ханъ то дѣло станетъ вменять себѣ въ худо, и только гдѣ онъ склоненъ къ дружбе смутитись будетъ и лутчи бъ о томъ положитись на волю бугдыханову, п. ч. и завтра не будетъ бугдыханъ спрашивать про здоровье вел. государя, однакожде онъ чаетъ, что после того возметъ же тебя въ т.... с небольшими людьми въ садъ, или въ иную полату і нихто изъ бояръ въ то время не будетъ, только ты да езуитъ алихахава, и не токмо про здоровье станетъ спрашивать, но и про иные дела многие, п. ч. государь зѣло доброхотныі и желаетъ вѣдать про всякие дѣла, и лутчи будетъ положитись на его бугдыханову волю, какъ ему Богъ по сердцу положитъ, нежели показатись бутто ево къ тому понудишь. И посланникъ ему говорилъ что и тогда добро будетъ про его царскаго величества здоровье спрашивать, а лутчи бъ было завтра для того что ево бугдыхановы очи впервые вижу, и только бы про здоровье спросилъ, а про иные дела воля ево бугдыханова. І Асканьяма говорилъ, будетъ думать съ колаемъ, и какъ лутчи будетъ такъ станутъ и дѣлать, только станутъ остерегатись того... го ничѣмъ не вредили склонность въ любви бугдыханова величества къ царскому величеству, и езуитъ тожде сказалъ, что здѣшние люди не вѣдаютъ обычая иныхъ государствъ, п. ч. отъ начала ихъ не бывали отъ нихъ послы въ иныхъ государствахъ и для того что имъ говоришь, чается имъ, что все къ безчестию ихъ принуждаешь. И Асканьяма что говоритъ и то онъ

правду говоритъ, буде онъ о томъ доложитъ, и никакова добра не будетъ, только онъ чаетъ, что къ нему будетъ спальникъ бугдыхановъ, который и вчера указъ ему далъ, чтобъ ему къ посланнику вольно было ходить, и такъ ему бутто отъ себя станетъ говорить, что былъ у меня съ Асканьямою и слышалъ тѣ рѣчи. А тотъ спальникъ самой ближней и бугдыханъ жалуетъ ево гораздо и такъ де лутчи будетъ, нежели докладывать Асканьямѣ, п. ч. они люди подзрительные во всѣхъ дѣлахъ, а онъ завтра будетъ въ верху у бугдыхана съ Асканьямою, какъ онъ посланникъ будетъ для того, буде что станетъ спрашивать бугдыханово величество, чтобъ былъ ближе, а съ нимъ будетъ алихамба для того что у Асканьямы нога болитъ. И сего числа пришлютъ къ тебѣ 15 коней. Такъ... посланникъ докладывалъ что у вел. государя нашего, у его царскаго величества и у иныхъ государей християнскихъ обычай есть, когда очи ихъ видятъ и поклонъ правятъ безъ шапокъ. И Асканьяма посмеявся говорилъ видишь ли де какъ вашъ обычай отъ нашего обычая розница и то дѣло у васъ въ честь почитаютъ, а у нихъ въ великое бесчестие вменяютъ, что безъ шапокъ править поклонъ и храни де Боже, чтобъ они пустили бугдыханова величества очи видѣть и правити поклонъ безъ шапокъ, тобъ де великое безчестіе было и позоръ бугдыхану, и буде тебѣ царскаго величества посланнику хочется чтобъ царскаго величества дела исполнились добромъ, и ты дѣлай какъ у нихъ обычай настоитъ, и ихъ де какъ будутъ послы, станутъ потомуж учинить

. . . . . .

. . . . . .

. . . или собольми, и посланникъ говорилъ, что и ему езуиту будетъ отъ царскаго величества жалованья только чтобъ онъ радѣлъ въ дѣлехъ царскаго величества къ чести и къ повышенью.

И въ тотъ день привели на дворъ предъ вечеромъ 15 коней безъ уздъ и безъ сѣделъ и отпустили на дворѣ, чтобъ на другой день было на чемъ ѣхать.

А езуитъ Колаю тѣ поминки принесъ и вначалѣ не хотѣлъ принять, и послѣ того говорилъ, что Асканьяма и никто иной не знаетъ, кромѣ его. Итакъ принесъ и обѣщалъ его в. г. дѣлу во всемъ радѣть; и послалъ онъ Колай памятцу латинскую и образецъ мѣдный, чтобъ лѣлали ему на Москвѣ два колеса желѣзныя, часовыя, потому что у него есть часы великіе, а въ Китаехъ такихъ колесъ дѣлать не умѣютъ, и тѣ часы даровали его голандцы и испортились и билъ челомъ посланнику гораздо, чтобъ чрезъ посланника царскаго в-ства радѣть, и буде съ Москвы прикажетъ царское в-ство какое надобное дѣло, и онъ радъ служить. А посланнику тому послалъ же съ езуитомъ десять соболей въ косткахъ.

Іюня въ 15 день пріѣхалъ къ посланнику заргучей за часъ до свѣта и взялъ въ городъ, и, ѣдучи въ городъ, вездѣ ѣхали, въ городъ же на конѣхъ и на носилкахъ съ фонарями бумажными, а станки у фонарей желѣзные, да на тѣхъ же фонарѣхъ подпись по никански ихъ чинъ, какого кто чину, и какъ пріѣхали предъ столбъ, гдѣ стоятъ кони и носилки, слѣзли съ коней противъ прежняго у того жъ мѣста противъ столба, гдѣ имя ханово написано, и опять шли тѣмъ же мѣстомъ, какъ ходили в. г. грамоты, и прошли трои ворота и три стѣны и, недоходя, гдѣ положили в. г. грамоты на столѣ, одержали и велѣли сѣсть. А какъ вели до того мѣста, вели иными воротами по лѣвую сторону не сквозь прежнія ворота и велѣли сѣсть на земли, и на лѣвой же сторонѣ на землю сѣлъ на коврѣ своемъ и велѣли дожидаться покамѣсть указъ будетъ, для того что еще рано. и всѣ не собрались, а коверъ и подушку послалъ посланникъ свой, потому что у нихъ обычай за всякимъ человѣкомъ носятъ люди войлоки, и тѣ войлоки, что у насъ снимальники постилаютъ и сидятъ, и сидѣли тамъ съ полчаса и на зарѣ предъ солнечнымъ всходомъ пришли и говорили, что идти время, а въ той площади, гдѣ в. г. грамоты положили и сидѣли, и тутъ устроена была у нихъ стойка, и стояли 7 слоновъ, и три слона стояли на лѣвой сторонѣ, а четыре на правой; а на тѣхъ, которые стояли на правой сторонѣ, сдѣланы на нихъ чердаки только на трехъ, и тѣ чердаки круглые позолоченые, а въ тѣхъ чердакахъ сѣдятся человѣка по 4 и по шести и на бояхъ бьются жъ, а слоны самые великіе, а слоновъ было еще на подворьѣ больше 50, и видѣли наши люди и сказывали, что самые великіе и свирѣпые, а на тѣхъ, которые были на лѣвой сторонѣ, на двухъ мѣста круглыя, позолоченыя, а сидѣть въ нихъ нельзѣ, для того что только сдѣлано для красы, а два стояли порожжіе, а люди сидѣли на нихъ на шеяхъ, а люди около ихъ ходятъ въ красныхъ платьяхъ пестрыхъ, а на головахъ перья желтыя высокія. И на обѣихъ сторонахъ стояли четыре колесницы, будто кареты круглыя бугдыхановы позолоченныя великія, и тѣ кареты, когда ханъ сидитъ, носятъ 60 человѣкъ, а иногда слоновъ впрягаютъ, а на слонахъ узды великія, широкія позолочены каменьемъ, и не знаемъ сребро позолочено, или мѣдь. Да въ тѣ жъ кареты впрягаютъ по 6 коней бѣлые, а шлеи и канаты около каретъ желтые; да на той же площади, не доходя до слоновъ, стояло бубновъ на обѣихъ сторонахъ съ 30, и тѣ бубны подобіемъ будто литавры, и конецъ нижній вострый, а вверху широко и кругло, а покрыты желтымъ же, да тутъ же было немного и знаменъ желтыхъ, а слоны стояли отъ воротъ саженъ съ 16 и больше, а шли мимо слоновъ, а вели сквозь четвертыя ворота боковыя съ лѣвыя стороны, которыя дѣланы кривы, а какъ тѣ ворота

прошли, тотчасъ за нами затворили. А китайскіе мандарины шли въ ворота съ правыя стороны, а среднія ворота затворены по вся дни только отворяются, какъ ханъ куда поѣдетъ, а противъ тѣхъ всѣхъ воротъ среднихъ выслано каменьемъ мраморнымъ бѣлымъ, а надъ тѣми воротами построена палата великая, а по сторонамъ той палаты сдѣланы 2 палаты меньше той, а межъ той большой и меньшихъ висятъ на одной сторонѣ колоколъ обойма въ три, а краи вырѣзаны, также и вверху вырѣзано жъ, а бьютъ молотомъ деревяннымъ, а по другой сторонѣ бубенъ великій, а на тѣхъ палатахъ сдѣланы маковицы позлаченыя и палаты гораздо высоки, а палаты кирпичныя красныя, а кровли учинены на столбахъ деревянныхъ великихъ и выкрашены красками и расцвѣчены золотомъ, также и рѣшотки выписаны красками и золотомъ, и отъ первыхъ воротъ до того мѣста 300 саженъ, а палаты крыты черепомъ желтымъ; и, прошедъ тѣ ворота, пришли на небольшую площадь, а среди той площади переходили рѣку по мосту, а на той рѣкѣ противъ тѣхъ воротъ три моста каменные мраморные, а забралы на мостахъ каменные мраморные жъ вырѣзаные, бѣлые, а мосты дѣланы затечиво связьми желѣзными, а два моста сдѣланы еще по сторонамъ такимъ же подобіемъ, А у рѣки берега выкладены до самыя земли каменьемъ бѣлымъ дикимъ, а не доходя до той рѣки учиненъ столбъ каменный мраморный вышиною въ полъ 2 сажени, а на томъ столбу сдѣланы часы солнечные изъ мраморнаго жъ каменю, а дѣлалъ часы езуитъ, Адамъ Шалъ, который уже преставился. А отъ той рѣки пришли опять къ воротамъ, а кругъ площади по сторонамъ стоятъ по двѣ палаты меньше тѣхъ которыя стоятъ на воротахъ, а дѣло все однимъ подобіемъ, а по обѣимъ сторонамъ вездѣ видится сады и древеса великіе, также къ тѣмъ садамъ есть на обѣихъ сторонахъ ворота. И какъ прошли отъ рѣки великую палату, и въ томъ мѣстѣ стоятъ на караулѣхъ съ сайдаками, и виситъ на сторонѣ по 8 луковъ, и копья есть же. И какъ прошли тое палату, объявились пятыя жъ ворота, только сдѣланы выше прежнихъ воротъ, и здѣсь опять пришли въ ворота съ лѣвой стороны, и какъ прошли ворота, пришли на площадь, и та площадь слыветъ площадь престола ханскаго, потому что на краю площади сдѣлана палата великая, и въ той палатѣ престолъ ханскій, и сидитъ въ той палатѣ ханъ, какъ ему поклоняются, и какъ пришли на ту площадь, и солнце уже взошло, и только вышли изъ воротъ и видѣли, что на той площади сидятъ мандарины, а сидятъ всякій по чину своемъ, и тамъ на концѣ всѣхъ ихъ недалеко отъ воротъ на лѣвой сторонѣ сдѣлано мѣсто и велѣли сѣсть по чину на землю по ихъ обычаю послѣ ихъ всѣхъ, потому что служилыхъ людей не пустили, а пустили только до четвертыхъ воротъ, гдѣ

в. г. грамоты приняли, а выбрали только 20 человѣкъ безъ посланника дворянъ, да подьячихъ, да попа и дѣтей боярскихъ и посольскихъ немногихъ людей, и тамъ велѣли сидѣть, покамѣстъ время будетъ къ поклону идти. А около той площади было 6 палатъ, одна на тѣхъ воротахъ, гдѣ мы прошли, а четыре по обѣимъ странамъ, а шестая палата, гдѣ ханово мѣсто, и по обѣимъ сторонамъ къ той палатѣ переходы, и на переходахъ рѣшотки позлачены, а къ той палатѣ сдѣланы лѣстницы мраморныя многія, и ступени такія жъ мраморныя и около лѣстницы забралы мраморныя жъ; а тѣ лѣстницы дѣланы великимъ художествомъ, что издали смотрить зѣло красиво, а среди той площади отъ ханскихъ воротъ, какъ идешь отъ той палаты къ ханову мѣсту есть дорога выстлана бѣлымъ камнемъ мраморнымъ, и по той дорогѣ кромѣ хана никто не ходитъ; а по обоимъ сторонамъ той дороги положены рядомъ каменья синіе, вырѣзанные вышиною пяди по 2, а шириною по полъ 2 пяди, а кладены въ три ряда, а положены одинъ отъ одного по полусажени, и идутъ тѣ каменья до самыя лѣстницы бугдыхановой къ той палатѣ, гдѣ ханово мѣсто; да по обѣимъ же странамъ той дороги стояли люди съ платьемъ такимъ же, какъ и у слоновъ, а держали въ рукахъ знамена и на обѣихъ странахъ розными цвѣты по 48 знаменъ тафтяныя, а на тѣхъ знаменахъ писано золотомъ китайскимъ письмомъ, а наверху у знаменъ учинены копья, а ниже копья вмѣсто шелку волосы лошадиные, крашеные, да опричь тѣхъ знаменъ держали вырѣзаны изъ дерева по 25 на сторонѣ, и всего на обѣихъ сторонахъ было вырѣзанныхъ 50. И тѣ знамена не воинскія, а нарядъ къ посольскому пріѣзду, а за ними стояли по обѣимъ сторонамъ по 5 коней бѣлыхъ съ сѣдлами желтыми, а за коньм стояли подлѣ лѣстницы въ желтыхъ платьяхъ человѣкъ съ 30, а за ними по краю лѣстницы по обѣ стороны стояли солнечники желтые, а за тѣми стояли по обѣ же стороны человѣкъ по 20 до палатнаго крыльца не доходя до дверей, а платья на нихъ камка вишневая, и прошиваны золотомъ, и у иныхъ было оружіе только сулемы великіе позолоченые съ двѣмяручіемъ, а у иныхъ были сайдаки великіе позолоченые съ сулемами маленькими, а иные держали копья великія и на нихъ вмѣсто знамя были хвосты барсовые великіе.

И ожидая тамъ пришелъ къ посланнику езуитъ Алихахава и говорилъ, что послали его сверху, чтобъ онъ былъ съ посланникомъ и научилъ бы, какъ поклонитись и до тѣхъ мѣстъ велѣли ему быть покамѣстъ скончится; а хану поклоняются на всякій мѣсяцъ по трижды въ новое, какъ народится, да въ 15 д. и опять въ 25 д. И приходили иные ближніе люди и смотрѣли на посланникѣ платья также и на всѣхъ, которые тутъ были, смотрѣли жъ и, будучи тамъ, сказали, чтобъ встали, а

не сказали для чего встать, и онъ говорилъ, что идетъ братъ бугдыхановъ болшей, да и всѣ мандарины встали жъ, а посланникъ тотчасъ послѣ того сѣлъ, также велѣлъ людемъ своимъ быть и говорилъ заргучею, что отъ царскаго в-ства посланникъ не посланъ къ брату, а посланъ къ самому бугдыхану и долженъ бугдыханово в-ство почитать, а не брата его; и сидѣли тамъ съ полчаса, и послѣ того услышали звонъ колокольный того, который писанъ назади и въ бубенъ, и сказалъ езуитъ, что уже ханъ въ палату пришелъ и мандарины встали, также велѣли стать и посланнику, послѣ того встала и музыка играть въ той палатѣ, гдѣ ханъ сидитъ и въ той, которую прошли, и послѣ того на крыльцѣ сталъ человѣкъ тотчасъ кричать зычно по китайски незнаемо что, а послѣ того учали хлопать плетьми трижды по трижды.

И посланникъ у езуита спрашивалъ, для чего такъ плетьми хлопаютъ, и онъ сказалъ что де изстари у нихъ татаровъ тотъ обычай, и никто не знаетъ для чего они такъ хлопаютъ. Да послѣ того музыка почала играть крѣпко, а играетъ съ туркскаго переводу потихоньку, и бубны также бьютъ, и опять почалъ тотъ же человѣкъ кричать зычно, а стоитъ на лѣстницѣ, а говорилъ: возстаните; и тогда съ обоихъ странъ встали и вышли съ 50 мандарины изъ тѣхъ, которые сидѣли выше насъ, также и съ другой стороны, и прошли тѣ вышеписанные синіе камешки съ 4 и стали межъ тѣхъ камешковъ среди площади противъ мѣста ханова и палатъ, и, какъ стали тамъ, опять тотъ же человѣкъ кричалъ: преклоните колѣни; и они стали на колѣни всѣ вдругъ, и опять кричалъ: поклоните главы свои до земли, и поклонились потихоньку до земли, будто у насъ женскій полъ кланяется, и опять кричалъ: поклонитесь и опять поклонились, и въ третій опять кричалъ, и поклонились, опять кричалъ: возстаните, и они встали и стояли немного на ногахъ, и опять кричалъ по прежнему, и также на колѣни пали и трижды поклонились, и то учинили на трехъ статьяхъ трижды пали на колѣни и девятью поклонились головами до земли; и тѣ 9 поклоновъ держали съ четверть часа, а намъ то учинили вмѣсто образца, чтобъ видѣли, какъ они поклоняются, чтобъ и мы потому жъ поклонились.

И посланникъ спрашивалъ у езуита, какіе они люди, и онъ сказалъ, что де нынѣшній ханъ пожаловалъ ихъ въ мандарины, и, подождавъ немного, пришли 2 мандарына и говорили езуиту, что посланникамъ пора идти къ поклону. Итакъ они двое напередъ шли, а за ними шелъ посланникъ съ езуитомъ, а за посланникомъ шли дворяне и прочіе люди и стояли въ четырехъ рядахъ, и какъ пришли на то мѣсто, гдѣ прежніе мандарины поклонились, стали, а тѣ два и езуитъ стояли отъ насъ одалѣ. И опять почали плетьми хлопать трижды по трижды, и музыка

также играть и въ колоколъ и въ бубенъ бить, и тотъ человѣкъ учалъ кричать, чтобъ имъ поклонились, и посланникъ сталъ кланяться скоро и не до земли, а тѣ два стали езуиту говорить, чтобъ езуитъ сказалъ посланнику, чтобъ поклонялся до земли и не скоро, а какъ прежніе ихъ мандарины поклонились.

И посланникъ говорилъ, что тѣ холопи бугдыхановы и умѣютъ поклонятись, а мы бугдыхану не холопи и кланяемся, какъ знаемъ, а тотъ человѣкъ, который кричалъ и видѣлъ, что посланникъ скоро кланяется, и онъ сталъ такожде спѣшно кричать, и такъ и посланникъ съ своими людьми на три статьи поклонился только не очюнь до земли и скоро и послѣ того поклону опять взяли тѣ два и езуитъ посланника и людей его, и привели на тожъ мѣсто гдѣ сидѣли, а отъ того мѣста, гдѣ кланялись хану до его мѣста было сажень съ сорокъ, и отъ того мѣста не видитъ ни хана ни мѣста его потому что палата высокая, а мѣсто, гдѣ кланяются, низкое, только видится, что дверь отворена въ палату, а мѣсто его сдѣлано среди палаты и для того и не видится. И какъ посланникъ возвратился отъ поклону, пришелъ одинъ ближній человѣкъ сверху, и взяли одного посланника и езуита и велѣли взять толмачу подушку, и тотъ ближній человѣкъ велѣлъ посланнику идти скоро, для того что у нихъ обычай таковъ, какъ ханъ зоветъ, но ни идутъ къ хану скоро бѣгомъ.

И посланникъ говорилъ, что ему бѣжать не за обычай, и шелъ къ хану потихоньку, и какъ пришли къ палатамъ, и тамъ лѣстница мраморная боковая и ступени мраморныя и вышелъ вверхъ ступеней съ 20, и отъ края той лѣстницы начинается крыльцо палатное величиною больше краснаго крыльца, а выстлано все мраморомъ. И взяли посланника отъ края лѣстницы, и шелъ сажень съ 8 и пришелъ противъ ханскаго мѣста вонъ изъ палаты при дверей и тамъ былъ, а Лихамба бояринъ посольскаго приказу тотъ, который былъ прежде сего у посланника и при немъ сидѣлъ и иной честной человѣкъ, и при нихъ учинили и посланнику мѣсто. И какъ посланникъ пришелъ къ мѣсту, велѣли поклониться до земли однажды и велѣли толмачу класть подушку суконную, и сѣлъ, поджавъ ноги, турскимъ обычаемъ; и посланникъ однажды поклонился и сѣлъ на подушку, и отъ того мѣста, гдѣ посадили посланника до мѣста ханскаго и до хана было сажень съ 8. И можно было хана гораздо видѣть, а платье было на посланникѣ шуба соболья подъ золотою обьярью, а сидѣлъ посланникъ предъ ханомъ не прямо только боковымъ обычаемъ потому что та палата къ лѣстницѣ вся отворена, а стоитъ палата на, столбахъ деревянныхъ великихъ, а межъ тѣхъ столбовъ учинены завѣсы по турскому обычаю, и тѣ завѣсы, какъ бываетъ ханъ, отпускаютъ, а

какъ хана нѣтъ, и тѣ завѣсы подымаютъ. И тогда поднято было все, и въ палатѣ видно было гораздо, а ханское мѣсто вышиною отъ земли саженъ, а дѣлано мѣсто изъ дерева и позолочено осмероугольное, а вверху покрыто покровомъ золоченымъ, а мѣсто самое великое и широкое, а всходъ на мѣсто тремя лѣстницами, и тѣ лѣстницы позолоченыя. И ханъ сидѣлъ среди мѣста, человѣкъ молодъ и на лицо шедроватъ, а сказываютъ подлинно, что ему двадцать три года; а въ палатѣ по обѣимъ странамъ сидѣли братья его и племянники отъ мѣста и до самыхъ дверей на землѣ, а сѣли на войлокахъ бѣлыхъ, а войлоки самые бѣлые и тонкіе. И какъ посланникъ пришелъ, учали роздавать хановымъ братьямъ и племянникамъ и всѣмъ ближайшимъ чай, а подаютъ ближніе его люди молодые, а тѣ его ближніе носятъ на головахъ по одному перу павлинью, а чай роздавали въ чашкахъ желтыхъ деревянныхъ большихъ, а чай былъ варенъ съ масломъ и съ молокомъ, а чай подносили татарскій, а не китайскій, а всѣ, какъ принесли чашки, поклонились до земли на лѣвую руку, а въ правой держали чашки и опять сѣли на мѣсто и пили, и, какъ выпили, опять поклонились до земли, чашки ближніе люди собрали, а музыка играла умильно, и человѣкъ тотъ кричалъ, а около крыльца зубцы мраморные, и были великія посуди мѣдяныя, будто кумганы, и въ тѣхъ кумганахъ кладены многіе духи розные, да и часы мраморные вверху солнечные были жъ, и розныхъ чиновъ мандарины и иные сидѣли, а иные по крыльцу стояли. И послѣ питья чая перестали музыка и человѣкъ кричать на крѣпко, и алихамба посланнику сказалъ, чтобъ всталъ, и они всѣ стали жъ, и ханъ сшелъ съ мѣста своего и пошелъ около мѣста изъ палаты вонъ и пошелъ въ заднія палаты свои, потому что отъ того мѣста стѣнъ и воротъ высокихъ нѣтъ, только палата одна, въ которой Колаи сбираются, а потомъ далѣ есть жилья хановы, и жены живутъ, и туда никто не ходитъ, кромѣ скопцовъ и тѣхъ у нихъ множество есть. И алихамба и Асканьяма съ посланникомъ повитались, и взялъ езунтъ посланника пошли той же лѣстницѣ и какъ были на краи лѣстницы, пришелъ хановъ братъ большой и смотрилъ на посланникѣ платья долгое время, также и иные сродники хановы были жъ, а езуитъ посланнику сказалъ, чтобъ притворился, будто его не знаетъ, а сказалъ, что онъ большой братъ хановъ и въ думѣ больши сѣдится, и онъ первый человѣкъ, а на лицо онъ одутловатъ, а ростомъ будетъ лѣтъ въ тридцать, а братья хановы и всѣ сродники носятъ на шапкахъ нѣкоторый позолоченый знакъ, который иные носить не смѣютъ, и оттого они и познаваются; и у хана сродниковъ много только первый человѣкъ братъ хановъ большой, а платья на нихъ золотныя, а золота у нихъ круглыя на грудяхъ и назади золото, только зѣло

*

тонко и плохо. И братъ хановъ пошелъ направо, и езуитъ сказалъ, что де тамъ казенный дворъ бугдыхановъ, и посланникъ пошелъ къ своимъ и сказали, что чай и имъ подносили и, какъ чай подносили, велѣли поклониться, и они поклонились потомужъ, а тѣ китайцы скинули платья, и всякій взялъ свое простое, и стали слоновъ отводить и карыты отвозить и кони, а во всѣхъ площадяхъ хотя было многолюдство великое, однакожде межъ ими было великое молчаніе и тихость, а послѣ того было смущеніе, а къ посланнику приходили многіе хановые сродники и ближніе и смотрили на посланникѣ шубы золотыя и соболей, также и у всѣхъ, что съ посланникомъ были, смотрили сукна и нашивокъ и насилу межъ ими прошли и пришли къ воротамъ, гдѣ стояли съ конми, и на кони сѣли и пріѣхали на тотъ же худой нѣмецкій посольскій дворъ.

Іюня въ 8 день привели на посольскій дворъ кони, и заргучей сказалъ, что къ столу пора ѣхать, для того что тамъ ожидаетъ Асканьяма въ приказѣ, а надобно ему прежде, покамѣстъ не сѣли за столъ, поклонитись бугдыхану девятью, а какъ изъ за стола вставъ, также поклонитись девятью, какъ учинилъ, когда взяты были предъ хана.

И посланникъ говорилъ, что не будетъ такъ отнюдь, потому что иное есть, гдѣ ханъ самъ, а иное, гдѣ нѣтъ, а станемъ поклонитись однижды, какъ и галанскіе послы были здѣсь, и поклонились, и что Галандія есть, чтобъ сравняли ихъ противъ нашего в. г., однакожде для ихъ упрямства будемъ и мы такъ поклонитись трижды, а больши того не будемъ, и о томъ съ заргучеемъ споровались много и ходили многижды къ Асканьямѣ и пришли опять, потому что приказъ былъ отъ посольскаго двора близко. И послѣ того призвали езунта Алихахаву, и онъ также ходилъ, и ему посланникъ также отказалъ и говорилъ, что отнюдь не пойду, и какъ увидѣли они, что конечно отказалъ, опять ему Асканьямѣ сказалъ. И опять езуитъ пришелъ и говорилъ, что поволили ему посланнику по своей волѣ почитать бугдыхана, какъ ему мнится, что будетъ лучше, а они будутъ про то извѣстить бугдыхану; и посланникъ, нарядясь съ государскими служилыми людьми, и какъ пріѣхалъ къ приказу и съ коня слѣзъ, и предъ приказомъ Асканьяма въ золотомъ платьѣ со многими заргучеи посланника встрѣтили и съ нимъ витался и показалъ мѣсто, гдѣ челомъ ударить бугдыхану противъ того мѣста смотря на палату бугдыханову, потому что та палата была близко. И посланникъ велѣлъ подушку положить и сталъ на колѣни, а за нимъ рядомъ дворяне и подьячіе и дѣти боярскія и челомъ ударили трижды и встали и сѣли за столъ и на краю палаты поставили два стола противо одинъ одного, и на одной сторонѣ сѣлъ посланникъ, а на другой Асканьяма, а за посланникомъ подалѣ посадили священника да дворянъ московскихъ, а за

ними опять дѣтей боярскихъ и подьячихъ, а потомъ служилыхъ людей всѣхъ рядомъ, а ниже Асканьямы подалѣ сѣли заргучеи, а за ними опять наши служилые люди, и предъ посланникомъ и предъ Асканьямою было по столу, а священнику и дворянамъ московскимъ столъ, а на столѣ были всякіе хлѣбы и по гусю и по ососу вареные, и были овощи и ягоды, и ѣли, и велѣлъ Асканьяма, кто хочетъ, взять съ собою, что отъ тѣхъ столовъ, потому что у нихъ тотъ обычай, и, кто хотѣлъ взять, взяли сахаръ и иныя овощи, и послѣ того опорознили столы и принесли мясо баранье по блюду и ѣли немного, и потомъ взяли мясо и поднесли по чаркѣ вина кобылья, и посланникъ не пилъ, и поднесли иного вина чистаго чарку маленькую, и послѣ того принесли четыре горшка тарасуну, чтобъ пили.

И посланникъ Асканьямѣ говорилъ, что лучше что взять на подворье литъ служилымъ людямъ, и Асканьяма позволилъ, и потомъ опять челомъ ударили бугдыхану по прежнему и поѣхали на подворье. Асканьяма съ посланникомъ тутъ говорилъ о разныхъ дѣлахъ и о продажѣ ихъ товаровъ, что де станутъ продавать ихъ товары китайскіе всякіе, только де заказъ будетъ на желтыя камки, для того что желтыя ханъ самъ носитъ, а иному не торговати и не носити не повелосе.

И Іюня въ 16-й день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма да заргучей и сказалъ, что бугдыханово величество велѣлъ отворить ворота и пустить торговыхъ людей торговать и велѣлъ бугдыханъ переписать порознь какие есть посланы царскаго величества исъ казны товары у посланника, такъ же и у всѣхъ вел. государя служилыхъ людей, п. ч. у нихъ товары всѣ записываютъ въ книги, только имена, какие товары разные, а не то, по сколькy есть. И посланникъ далъ имъ роспись государскимъ товаромъ и своимъ, также и всѣхъ его вел. государя служилыхъ людей и они написали по своему въ роспись и после того Асканьяма говорилъ, что де бугдыханъ указалъ дать тѣ статьи, которые прежде сего переводили на латинской языкъ, что царское величество желаетъ отъ страны бугдыханова величества, и послалъ езуита. И езуитъ пріѣхалъ и посланникъ учелъ Асканьямѣ говорить для чего онъ прежде сказалъ, что де будетъ лутчи честь, нежели инымъ тѣмъ, которые были въ посольствѣ иныхъ государей какъ учинилось и въ принятіи вел. государя грамотъ, а вчера не токмо большая честь учинилась, но и менши гораздо учинилась, п. ч. есть у него посланника книга Галанского посольства въ которой написано про все подлинно, какъ они приняты да и про здравие царского величества бугдыханово величество спросить не изволилъ же. И онъ говорилъ, что они писали ложно, не такъ и не такою честію принеты, для того что знаютъ они Галанцовъ и вел. госу-

даря, и говорилъ посланнику, чтобъ онъ не печалился для того что бугдыханово величество возьметъ одного и станетъ распрашивать про здравие царского величества і про иные дела про всякие, а ныне только здѣлалі обычай государству ихъ какъ исстари повелось. И посланникъ говорилъ, какое посольство будетъ, что онъ поклонился, а невѣдомо кому и хана не видалъ, и какъ учнетъ вел. государь спрашивать, кому поклонился, и я учну говорить, что и самъ не знаю, кому поклонился, и то въ великое безчестие вменяютъ, п. ч. прежде сего Галанцы и иные были и пишутъ, что хана видели, также и наши казаки были и хана видели жъ при немъ Асканьямѣ, а онъ посланникъ говорилъ, что такого вел. государя посланникъ, а хана не видалъ, п. ч. за день прибхалъ заргучей и училъ какъ хану поклонитца, и къ поклону понудили, поклонитца хану, и то учинилъ, а хана не виделъ, и отъ того какому добру быть, и самъ онъ человѣкъ разумной, мочно о томъ догадатца. І онъ говорилъ, что ханъ одноконечно предъ себя возьметъ, и тогда печаль твоя забудетца. И посланникъ говорилъ, покамѣстъ не увидитъ, не вѣритъ, да езуитъ сказалъ, что онъ сказывалъ бугдыханову спальнику ближнему потомужъ, что посланникъ кручиненъ гораздо, что не видалъ хана, и онъ де сказалъ, что доложитъ хана и чаетъ предъ хана возьмутъ. Асканьяма просилъ у посланника накрепко тѣ 4 листа Китайские, которые писаны въ первой статьѣ, чтобъ онъ далъ имъ честь и перевесть въ приказе и опять ему отдадутъ. И посланникъ говорилъ, что указу царского величества нѣтъ дати тѣ листы въ приказъ, п. ч. тѣ листы уже не ихъ, а царского величества, а мочно имъ и тутъ у посланника перевесть, или списокъ взяти съ нихъ. И о томъ спорились междо собою многое время. И какъ видели они, что конечно не отдастъ, призвали старого Никанского подъячего и перевелъ и списалъ тѣ два старые Китайские листы на богдойской, п. ч. ихъ посольские подъячие перевесть не могли, а тѣ два новые бугдыханскіе листы списали посольского приказу подъячие и вмѣсто статьями взяли, а что въ тѣхъ 4 листахъ писано было, тогда посланнику ничего не объявили.

И посланникъ езуиту говорилъ втайне, буде бугдыханово величество въ своемъ въ листу къ царскому величеству что ныне учнетъ писати со мною не пишетъ именованья и титла сполна, какъ самъ вел. государь ныне въ своей царского величества грамоте къ бугдыханову величеству описуетъ. И какъ всѣ християнские и мусульманские государи къ царскому величеству пишутъ, какъ о томъ и подлинно свидѣтельствуетъ Персицкого шаха листъ с печатью, тогда царское величество указалъ мнѣ такова бугдыханова листа не принимати, въ которомъ будетъ убавка царского величества чести и для того чтобъ бугдыханово величе-

ство изволилъ царского величества именованья и титло писати противъ ево вел. государя грамоты и достоинства. А великіі государь обещался противъ того жъ бугдыханову величеству, что впредь именованье и титло его написати такъже какъ самъ себя описуетъ по достоинству, какъ о томъ вел. государь къ бугдыханову величеству въ своей царскаго величества грамоте явно написалъ, такъ же какъ о томъ написано подлинно и въ третьей статьѣ. А буде учнетъ писати инымъ обычаемъ, отнюдь не буду принимать, п. ч. то дѣло больши всѣхъ иныхъ прикасается къ чести государской и для того указано мнѣ о томъ стояти накрепко. И притомъ сказалъ многие примѣры какъ учинилось въ Европе о убавленіі титла. И езуитъ что ученъ, и самъ зналъ и взялъ Асканьяму на сторону и сказалъ тѣ жъ рѣчи втайне всѣ, чтобъ онъ зналъ прежде даже не докладывалъ, п, ч. въ статьяхъ не очень явно написано. И Асканьяма говорилъ, что онъ о томъ учнетъ докладывать и вѣрить и самъ тому дѣлу, п. ч. царское величество и въ грамоте своей ныне къ бугдыхану писалъ, и конечно будетъ доложить. И посланникъ говорилъ, что для того сказываетъ ныне ему, п. чтобъ не говорили после того для чего онъ имъ прежде сего въ начале не объявилъ. А езуитъ посланнику втайне сказалъ, что отнюдь они титла не напишутъ какъ о томъ і Галанцомъ и Португальцомъ учинили, ни списокъ съ листа ихъ ни речей что пишутъ словесно не скажутъ, только въ послѣдней день, въ которой ѣхать зовутъ и со многими поклоны и съ церемоніями дадутъ свой листъ сапечатавъ и тотъ же часъ и с царства совсѣмъ провожаютъ. И о томъ Галанцы и Португальцы много спорились и ничего не учинили, только мочно тебѣ для такого славного великаго государя въ чемъ поступятца. А Асканьяма после того пошолъ въ верховой приказъ къ ближнему колаю и взялъ съ собою и роспись товарную, что написали показати ему какие товары, а езупта и заргучея съ подъячими оставилъ у посланника і велѣлъ перевесть статьи съ латинского на богдайской языкъ и писати на бело, и какъ переведутъ велѣлъ тотчасъ съ тѣми переводы за собою итить вверхъ въ приказъ х колаю жъ, и они перевели и пошли съ тѣми переводы наскоро вверхъ и тамъ замешкались часа съ три, и опятъ Асканьяма и езуитъ приѣхалъ къ посланнику и говорили, что они тѣ статьи подали колаемъ, а колаи объявили бугдыханову величеству и ханъ велѣлъ имъ о томъ думати і противъ того посланнику отповедь учинити, п. ч. та дума слыветъ дума ханъская, и колаи помошники хану і въ той думѣ сидитъ и большой братъ бугдыхановъ; такъ же Асканьяма говорилъ, что бугдыханово величество поволилъ торговымъ людемъ притить къ посланнику на подворье торговать вольно, и чтобъ велѣли показать имъ торговымъ товары свои, п. ч. съ нимъ будто торговые приѣхали,

а были все боярские люди, и торговые наши показали имъ товары и много между собою спорились, а ничего не постановили, и тѣ торговые что говорили съ нашими торговыми про всякой товаръ въ другой избѣ, гдѣ товаръ былъ, и то пришедъ сказали все Асканьямѣ и Асканьяма написалъ, такъ же и листы великие писали и клеили у воротъ, писаны жъ были никанскимъ письмомъ, чтобъ всѣ знали, что вольно имъ ходить и торговать всякие русские товары. Такъ же посланникъ билъ челомъ Асканьямѣ чтобъ бугдыханово величество изволилъ указать дати намъ одного человѣка доброго, которой бы зналъ сребро здѣшнее принимать, какъ станемъ продавать наши товары, п. ч. слышали мы, что въ вашемъ царствѣ сребро зѣло плохо и смѣшено съ мѣдью и съ оловомъ, и о томъ отъ бугдыханова величества заказу нѣтъ, какъ въ иныхъ государствахъ.

И Асканьяма говорилъ, что у бугдыхана такихъ людей нѣтъ, а хотя укажетъ дати какого человѣка, однакожде отъ него еще больше лукавство будетъ для того что онъ станетъ съ торговыми зговариватца и станетъ вмѣсте съ ними воровать, а лучи онъ посланникъ нашолъ изъ ихъ людей доброго человѣка для выбрания сребра и за работу ему платилъ и отъ бугдыхана хотя есть заказъ про сребро, чтобъ не воровать и многие казнены бываютъ, однакожде безпрестанно воруютъ. И посланникъ говорилъ, что онъ иныхъ людей сыскать не можетъ, разве взяти исъ тѣхъ, которые здѣсь талмачи, и у нашихъ людей въ покупке товаровъ и въ продаже были въ талмачахъ; и онъ говорилъ, котораго ты хочешь взяти вольно. И посланникъ послалъ и звалъ старого талмача Солома съ товарыщи, которой отъ Байкова и до сего времяни всѣмъ приходящимъ рускимъ людемъ товары продаетъ и покупаетъ, для того что онъ знаетъ китайской и мугальской языкъ, и они сребро принимаютъ ото всѣхъ продажныхъ товаровъ, и опять они же тѣмъ же сребромъ покупаютъ всякие китайские товары и для того они плохое сребро взяти не смѣютъ. А тотъ талмачъ Соломъ съ товарыщи какъ приехали за стену въ первой заставной городъ, пріѣхали они всѣ и стрѣтили посланника і били челомъ, чтобъ они какъ прежде сего, у его вел. государя людей были и служили, такъ же и ныне, чтобъ ихъ посланникъ принелъ и они потому жъ будутъ радѣть, і спрашивали, какие товары есть. И посланникъ имъ никакие отповеди не далъ, только говорилъ, какъ буду въ Пежинъ і обоихъ великихъ государей дела совершатся тогда то послѣднее дѣло продажа товаровъ і тогда имъ мочно ходить. А на другой день, ѣдучи съ посланникомъ, Асканьяма спрашивалъ посланника, были-ль у него ихъ талмачи и что говорили и посланникъ ему по правдѣ сказалъ, и онъ говорилъ чтобъ отнюдь тѣхъ талмачей посланникъ къ себѣ не принялъ, п. ч. нѣтъ такихъ воровъ въ ихъ царстве, для того что всѣхъ приходящихъ иноземъ-

цовъ, калмаковъ, бухарцовъ, мунгальцовъ и вашихъ людей всѣхъ обманываютъ и кормятъ ихъ и подарятъ немногимъ, а после того отъ нихъ возьмутъ со вторицею, п. ч. они отъ всякой продажи и покупки возьмутъ отъ десяти ланъ по две ланы. И посланникъ ему говорилъ, что и онъ прежде сего про воровство ихъ слышалъ, только то диво, какъ бугдыханово величество такимъ ворамъ не закажетъ. И Асканьяма говорилъ, что отнюдь унимать ихъ невозможно для того что они всѣ холопы боярские и тѣмъ питаютца, і они даютъ и хозяемъ своимъ, а онъ Асканьяма имъ заказалъ крепко, что какъ они впредь къ посланнику придутъ, и они повѣшены будутъ. А тѣ талмачи сказали нашимъ рускимъ людемъ, что Асканьяма для того называетъ ихъ ворами, п. ч. хочетъ приставить своихъ людей къ продажи, чтобъ оттого ему корысть учиналась, и проситъ у нихъ великие подарки, чтобъ и ихъ къ продаже и покупки припустить а подлинно то, что и онъ своихъ людей Асканьяма поставилъ и оттого корыстовался да и отъ нихъ подарки многие взялъ же, п. ч. какъ посланникъ говорилъ взяти ихъ для выбрания сребра, и онъ ихъ ничѣмъ не порочилъ и сказалъ, что лутчи ихъ не сыщешь, а воровалъ онъ Асканьяма съ талмачами вмѣсте какъ ниже сего напишемъ.

Июня въ 17-й день приѣхалъ езуитъ Алихахава и съ собою привелъ старого езуита, которой живетъ въ Китайскомъ царствѣ 45 лѣтъ и что онъ говорилъ и иные товарыщи ихъ которые къ посланнику часто приходили, напишемъ ниже сего въ одномѣсте.

А въ тѣхъ числехъ на посольскомъ дворѣ ворота отворены были и приѣзжали многие честные люди, мандарины и иные смотрить посланника и иные сказались и торговые, а товаровъ никакихъ не купили, да приходили жъ товаровъ торговать отъ ближнего колая и только смотрили а ничего не купили жъ. А тѣ, что сказались торговые, какъ вышли з двора къ воротамъ, приставленъ былъ заргучей да подъячей, да 2 сотника съ 20 человѣки з боярскими холопи, что стояли на караулехъ і всѣхъ тѣхъ торговыхъ, хотя ничего не купили отъ насъ, а они осматривали за голенищи, за пазухами, и въ штанахъ, чтобъ видели, не купили ль чево и утайкою не пронесли лі, и сказали бутто по указу бугдыханову то чинятъ.

И будучи езуиты у посланника,—приѣхалъ і Асканьяма и принесъ съ собою списки изъ двухъ листовъ никанскихъ старыхъ, которые посланникъ съ Москвы исъ посольскаго приказу взялъ и имъ въ царство съ нихъ списокъ далъ, и прочли они въ думе и писали набело і тѣ списки далъ обоимъ езуитомъ, чтобъ они съ никанскаго языка по указу бугдыханова величества перевели на латинской языкъ, и какъ переведутъ, велѣлъ принести и отдать посланнику, а онъ Асканьяма послан-

нику говорилъ, что тѣ два листа зѣло старые, нынѣ тому лѣтъ... и тѣ листы писаны не къ великому государю, а писаны были отъ стараго никанскаго царя Иунглиея, і тогда еще царство было за Никанцы, а не за Богдойскимъ, а писаны жалованные грамоты къ нѣкоторымъ бояромъ, которые жили на Амуре, а тѣ два списка, которые списаны были изъ двухъ богдойскихъ листовъ, изъ одного стараго да изъ послѣдняго, тѣ задержали у себя въ думе и еще не велѣли отдать перевесть, и нынѣ думаютъ въ верховой думе дати отповедь и противъ царскаго величества грамоты и статей, что ты далъ, такъ же и противъ тѣхъ нашихъ двухъ листовъ, и про все твое посольство думаютъ же и вдругъ отповедь учинятъ, только вскоре отповеди не будетъ, п. ч. то дѣло не малое. Также видѣлъ онъ у посланника персоны разныхъ християнскихъ монарховъ и философовъ і спрашивалъ отъ страны бугдыханова величества есть ли у него посланника и иные такие. И посланникъ говорилъ, что у него иныхъ такихъ нѣтъ. И буде бугдыханову величеству надобно, онъ не постоитъ, такъ же Асканьяма спрашивалъ, есть ли какой живописецъ, и посланникъ говорилъ, что есть одинъ служилой человѣкъ Нерчинской, однакожде несовершенно знаетъ и письмо ево показалъ, такъ-же спрашивалъ есть ли хто чтобъ умѣлъ дѣлать саеьяны и посланникъ ему сказалъ, что здѣсь такихъ мастеровъ нѣтъ, а в Московскомъ царстве есть много, а для чего онъ спрашивалъ, не сказалъ і послѣ того Асканьяма пошелъ въ приказъ свой, которой подле посолскихъ воротъ, и сказалъ, что бугдыхановъ указъ есть, чтобъ онъ сидѣлъ здѣсь въ приказѣ предъ вороты, а заргучей і подъечие стояли бъ у воротъ же, покамѣсть солнце склонится къ вечеру, чтобы не учинилась какие ссоры межъ ихъ людей и нашихъ і то дѣло приказано ему досматривать и оберегать, такъ же говорилъ, что вся продажа и покупка что учинитца отъ иноземцевъ обычай у нихъ есть записывать въ книгу для того чтобъ не учинилась какая обмана отъ ихъ людей, и чтобъ знали всякого которой продастъ и купитъ и имена нашихъ людей, хто продастъ, а ихъ люди хто купитъ, записываютъ въ книги жъ. А посторонние люди намъ сказали Китайские талмачи, что не для де того они приставлены чтобъ оберегать, а приставлены де были для того, чтобъ не купилъ нихто ничего, а купили бъ они и ближние люди.

Въ томъ же числе слышали, что бухарцы, которые были въ Китаехъ въ прошломъ году и вышли и стоятъ въ Капке, городе Китайскомъ для того что имъ итить за войною назадъ нельзя, такъ же и назадъ въ царство ихъ не возмутъ же, а нейдутъ они для того, что война великая межъ Угюртою и Галданъ Контайши и ис тое стороны нихто прийтить в Китай не можетъ. А иные бухарцы и татары ис Тобольска пошли в

Китай прежде насъ за мѣсяцъ и говорили, что де будутъ они в Китай прежде насъ степною дорогою, а нынѣ про нихъ і никакова слуху нѣтъ и конечно они что стоятъ для той войны.

Июня въ 18-й день Асканьяма къ посланнику не бывалъ, а сидѣлъ все въ приказе, а ворота заперты были намъ во весь день, а торговыхъ людей пускали много і тѣ торговые ничего не купили, только смотрили а нашихъ людей никого не пускали за ворота. И посланникъ посылалъ къ Асканьямѣ посольскаго приказу подъячего бити челомъ для выпуску хотя немногихъ людей, и онъ сказалъ, что де бугдыханъ нынѣ гуляетъ и тѣшится отселе не подалеку и указу де такого нѣтъ чтобъ нынѣ і впредь отпускать, и о томъ де онъ бугдыханову величеству будетъ докладывать и мочно отпускать. Такъ же приходили къ посланнику многие мандарыни, видеть посланника. А Асканьяма говорилъ для того не купятъ товары, что смотрятъ одинъ одного и какъ де цена уставитца и тогда въ одинъ день купять все, п. ч. у нихъ тотъ обычай дожидатца одинъ одного постановить цѣну товарамъ; а смотрятъ они разные товары и даютъ цѣну малую и опять поѣдутъ не купя ничего.

Июня въ 19-й день Асканьяма къ посланнику не бывалъ же, только заргучей с подъячими у воротъ сидѣли, а пустили опять по прежнему хановыхъ племянниковъ людей ихъ да боярскихъ, а торговыхъ не пустили ни одного і только товаръ смотрѣли, а не торговали п. ч. хотятъ взять дешево. І въ томъ ж числѣ приходили два езуита, одинъ прежней старой и привел с собою старого езуита жъ которой у нихъ въ царстве у езуптовъ игуменъ, а живутъ они два исъ того времяни кажъ еще Никанцы владѣли и до сего числа живутъ при бугдыханѣ въ чести, такъ же приходилъ и товарищъ алихахавинъ, которой съ нимъ служитъ въ одномъ приказе астрологийскомъ и говорили съ посланникомъ многое время многие рѣчп.

Въ первыхъ спрашивалъ ихъ посланникъ откуда они въ начале и какъ пришлп въ Китай, і они говорили, что многие годы есть, какъ они пришли в первыхъ изъ Епонскаго острова которой островъ превеликой и богатой отъ Китай... верстъ и по ихъ рѣчамъ неподалеку устья Амурскаго. І въ началѣ какъ приѣхали въ Китай многое гонение и мучение страдали отъ Китайцовъ и для проповѣданія католическіе вѣры многие убиты были, однакожде для ученія ихъ опять принеты, п. ч. китайцы не любятъ иное на свѣте такъ, что астрологиіское ученіе, что минуцыи писати и календари и затемнение солнца и луны и иные такие дела, и были у нихъ и прежде сего въ семъ учении турки и казыльбаши, только несовершенно. И какъ видели езуитовъ и календари ихъ и ученпя приняли и не токмо принели но и въ большомъ приказе астроло-

гійскомъ начальниками поставили и хотя и прежде сего ихъ было много въ томъ чину, а ни одинъ такъ почтенъ не былъ, какъ Адамъ Шалъ который недавно умеръ п. ч. былъ въ чину въ первыхъ боярехъ, а такая спесь была тогдашнихъ Никанскихъ царей, что никому не дались видетъ себя, а Адама Шала за завесомъ слышалъ царь гласъ ево и говорилъ се есть гласъ европейскаго человѣка, и тѣ рѣчи были ему Адаму большая честь, нежели боярство его. И при Никанскихъ царехъ жили они смирно и честно, а после того судомъ Божиимъ народъ Мунгалской или Татарской самой худой и незнатной, бутто пометя иныхъ народовъ и подданны ихъ Никанцовъ сыскали время, какъ многие измѣнники востали на Никанскихъ царей и такъ они совокупились съ ними и взяли такое славное царство, и то чюдо великое, что въ начале было ихъ ни 3 тысячи человѣкъ, а после собрались многие при нихъ измѣнники, слово въ слово какъ противъ греческаго царства Турки, и о взятіі царства написано пространно въ татарской особой книжицѣ. І какъ взяли царство первой царь былъ отецъ нынѣшняго хана и онъ ихъ гораздо жаловалъ и въ костелъ ихъ приходилъ, а после того колай одинъ писалъ книгу на нихъ въ трехъ статьяхъ: 1-я—что они лазущики і моремъ придутъ і возьмутъ царство ихъ; 2-я—что вѣра католическая ложная и бунтовническая, 3-я—что ученіе ихъ астрологійское ложное. И такъ осуждены были всѣ езуиты и чепи положены были на шеяхъ и на рукахъ и на ногахъ, и сидѣли такъ полгода, покамѣсть писали книгу отвещательную, что ложно поклепаны. На первую статью отповедь писали и доводили, что Китайское царство моремъ никогда не взято, а сухимъ путемъ многижды, а они всегда моремъ приходятъ въ Китай. А про вѣру сказали что житие покажетъ, какая ихъ вѣра, что межъ ими живутъ толикие годы. А про астрологию сказали, что они готовы диспутоватись и покажутъ, что тѣ ложные, которые поклепали ихъ, и такъ освобождены были исъ темницы и диспутовались съ неприятелемъ и посрамили ихъ и опять принеты въ первые свои чести.

А отецъ тотъ бугдыхановъ былъ гораздо разуменъ и постояненъ и Богъ далъ ему и счастие великое и богатъство, п. ч. царство смирно было и чють не все подъ нимъ было. А нынешней богдыханъ сынъ ево гораздо умомъ не постояненъ, иное по утру, а иное въ вечеру говоритъ и дѣлаетъ і все правитъ тотъ колай молодой, для того ево бояре и народъ не любятъ, да и обнищалъ гораздо, что иногда и служилымъ нѣчимъ платить, потому что лутчие были страны Китайские и богатые, тѣ измѣнили недавно, чють не половина царства, и безпрестанно службы бываютъ, только Богъ вѣдаетъ на чемъ скончится то дѣло, а и они опасаютца, чтобъ не выгнаны были опять отъ китайцовъ и для того исъ Пе-

жина города выгнали Никанцовъ вонъ, чтобъ не учинили какой бунтъ и измѣну и живутъ за городомъ. А опасаютца они и мунгаловъ, которые живутъ за стеною, также и калмаковъ, п. ч. завидуютъ имъ для того что народъ малой, а такое великое царстве обовладѣли.

А про посольство нынешнее сказали, что они и ради і не ради Богдойское, и ради они для того, какъ услышатъ непріятели ихъ Никанцы, что отъ такого славнаго государя пришло посольство съ великою дружбою и будутъ опасны о томъ, чтобъ великіі государь не далъ помочи Богдойскимъ. А не ради они опять для того, что уже рубежъ царского величества къ ихъ рубежу приближился подлинно, и оттого они имѣютъ великое опасение, п. ч. прежде сего они чаяли, что тѣ русы, которые къ нимъ ходятъ съ торгомъ, такъ же и тѣ, которые живутъ близь рубежей ихъ, что они все беглецы, а не ево великаго государя прямые люди, да и отнюдь не вѣрили, что толь пространое Россіиское царство, чтобъ подошло подъ ихъ государство. Да и они езуиты сами удивляются о томъ, и прежде сего не вѣрили, п. ч. изъ Московскаго Государства до Пежина четвертая часть свѣта есть, а нынѣ и они вѣрятъ, только имъ жаль о томъ, п. ч. видятъ такой славной монархъ послалъ къ нимъ з добрымъ намѣреніемъ и съ любовью, а они люди варвары, честь воздавать не умѣютъ, п. ч. ево хана именуютъ земнымъ богомъ і миродержцемъ, а къ другимъ государямъ пишетъ, что господинъ къ слугѣ, а поминки, что къ нимъ пошлютъ, именуютъ дань. А что они пошлютъ противъ того, именуютъ милость и жалованье, и иные такие гордые и несправедливые дѣла дѣлаютъ же. И для того Португальцы и Галанцы посольствовали не по единожды и видя ихъ такихъ гордыхъ, перестали, п. ч. они легче потеряютъ царство свое, нежели покинутъ обычай свой. Только бы далъ Богъ единожды имъ чтобъ рати царскаго величества показали, хто царское величество и хто они, п. ч. имъ, езуитамъ, что говорятъ про царское величество не вѣрятъ.

Іюня въ 20 день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и посланникъ ему говорилъ, для чего людей нашихъ з двора не пускаютъ, такъ же и торговыхъ своихъ людей не пускаютъ же, а пускаютъ только з боярскихъ дворовъ людей ихъ. И Асканьяма говорилъ, что де торговыхъ людей пускаютъ же, только де велѣлъ записывать въ книги, чтобъ хто чево не укралъ, а ныне велитъ онъ торговыхъ пускать безъ записки. А вашихъ де людей отпустили одинъ день, и они ходили по всему городу і по всему царству весь день, и слышалъ про то ханъ и братья хановы видѣли, и опять пускать не велѣли.

И посланникъ говорилъ, какой у васъ доброй обычай, что приходятъ къ вамъ бухарцы и татары и наши руские люди и имъ съ при-

ѣзду і до отпуску ходить, и купить, и продать вольно, а намъ нынѣ что пріѣхали отъ великого государя з добрыми дѣлами, съ посольствомъ для дружбы и для любви, а з двора никово не пускаютъ и повольного торгу не даютъ же, ни продать, ни купить, а держите бутто въ тюрьмѣ, и отъ того какая дружба будетъ? И Асканьяма говорилъ, видитъ и онъ, что трудно, а пособить де ему невозможно для того, что торговымъ людемъ у нихъ обычай есть, чтобъ имъ ходить повольно, а посломъ у нихъ такого обычая нѣтъ, чтобъ ходить было вольно, однакожде онъ будетъ о томъ бугдыхану докладывать і чаетъ де прикажетъ бугдыханъ выпускать неподалеку. А про торгъ сказалъ, что будетъ докладывать, чтобъ пришли старые торговые ихъ люди, да и ты чтобъ велѣлъ своимъ знающимъ людемъ съ ними поговорить і цѣну товаромъ постановить, п. ч. знаютъ по чему прежде сего товары продали, да и въ прошломъ году ваши люди были жъ. И посланникъ говорилъ, что видитъ онъ и самъ для чего ворота запираютъ і торговыхъ не пускаютъ і вольного торгу не даютъ для того чтобъ купили у насъ дешевою ценою по ихъ воли, и нынѣ имъ то мочно дѣлать, а впредь великиі государь своимъ рускимъ людемъ и тобольскимъ татаромъ и бухарцомъ закажетъ подъ смертною казнью чтобъ чихто въ Китай съ рускими мяхкими рухлядьми и съ іными рускими товары не ходилъ, и тогда опять будутъ горностай одинъ по 2 рубли купить, а кость рыбью, что они носятъ на перстѣ на правомъ для стрельбы изъ сайдака, будетъ по 50 рублевъ, какъ было прежде сего. И онъ говорилъ что де было прежде сего такъ, покамѣстъ не приходили къ нимъ бухарцовъ много, а кость де была зѣло дорога, а привозили моремъ Португальцы, и то немногое число и зѣло зубы малые привозили, а нынѣ де тому лѣтъ съ 6 какъ стали привозить кость рыбью бухарцы, однакожде мелку и не много, и для того нынѣ стало дешевле, а прибыль будетъ де въ рускихъ товарехъ въ продаже здѣсь прибыль, а съ ихъ китайскихъ товаровъ будетъ на Русѣ прибыль же, п. ч. знаютъ они по чему ихъ товары продаютца на Русѣ, и то они знатно, что все знаютъ отъ измѣнниковъ. И посланникъ говорилъ, что надобно и прибыль, для того что сюда ѣхали пол 2 года, а назадъ такожде, і верблюдовъ и коней надобно много и проторей не мало и для того вел. государь послалъ нынѣ чтобъ видели какая прибыль будетъ торговымъ людемъ и буде увидимъ, что будетъ прибыль і тогда и впредь станутъ ходить, а буде увидимъ, что никакие прибыли не будетъ, и тогда никогда не увидятъ рускаго человѣка, ни рускаго товару ничего, п. ч. есть намъ гдѣ торговать, и безъ вашего государства поближе для того что около великого государя государства есть двенатцать великие государства порубежные, и такъ есть, гдѣ торговать и безъ васъ.

И Асканьяма говорилъ, что де они желаютъ, чтобъ имъ прибыль учинилась, а намъ бы такожде убытку не было, а знатно, что они дѣлали то, чтобъ купили товары на бугдыхана и на ево ближнихъ бояръ, а после станутъ продавать торговымъ (людямъ) и то прибыль учинитца не намъ, но имъ китайцомъ, п. ч. у нихъ ныне скудость въ казнѣ немалая, и для того что и хану дать нѣчего жалованья своимъ служилымъ людемъ, да и сребро худо гораздо стало. Такъ же посланникъ говорилъ ему, чаетъ ли онъ, что возьметъ бугдыханъ предъ себя или нѣтъ, и онъ говорилъ, что одноконечно возьметъ, только не вскоре, также и езуитъ говорилъ, что де ему алихамба сказалъ, что бугдыханъ царского величества посланника передъ себя возьметъ, только де то дѣло и отповедь на статьи не вскоре будетъ, п. ч. де теперва всѣ гуляютъ для великихъ жаровъ.

Такъ же Асканьяма виделъ золото тканое и говорилъ, что де имъ надобно немного для отвѣдывания, чтобъ видели, годитца ли, и спрашивалъ, есть ли продажное, п. ч. де у нихъ золото есть, да плохо гораздо.

И посланникъ говорилъ, что ныне есть немного, а взято для отвѣдывания, а впредь буде здѣсь годно будетъ, станутъ вывозить многое число, п. ч. на Москвѣ золота многое число, только увидимъ, какая цена за него будетъ. Асканьяма же говорилъ, что де завтра для выпуску бугдыхана доложитъ, а после завтрея пріѣдетъ съ торговыми людьми для постановленія цены на товары.

Июня въ 21 день Асканьяма и езуиты къ посланнику не бывали, а продажи никакие, кромѣ пупковъ, не было. И того продано небольшое, а иного ничего не продалі.

Июня въ 22 день пріѣзжалъ къ посланнику Асканьяма, а съ собою привелъ своихъ торговыхъ старыхъ людей, и торговые люди товаръ смотрили, а не ценили, для того что Асканьяма говорилъ, буде станутъ де торговые ихъ люди товары ценить и положатъ малую цѣну, и въ томъ де на него Асканьяму будетъ огласка и безчестье, и у нихъ такого обычая не бывало, чтобъ постановить цѣну, а какъ хто можетъ такъ бы и продавали, и чтобъ учинили повольной торгъ, такъ же какъ и въ прошлыхъ годѣхъ, только говорили, что де наши люди за товаръ просятъ цѣну большую. И посланникъ говорилъ, что тово бъ лутчи не надобно, чтобъ пустили всякого человѣка худого и доброго, и учинили бъ повольной торгъ, какъ і вчерашняго дни постановили цѣну на пупки, такъ же бы учинили и на иной товаръ, а оттого никоими мѣрами цѣну на товары положить нѣльзѣ, для того что пускаютъ они на посольской дворъ честныхъ людей и боярскихъ холопей, а торговыхъ людей никово не пу-

скаютъ и для того торгу постановить нѣльзѣ, что даютъ малую цѣну А какъ станутъ пускать торговыхъ людей, и тогда торгъ і учинитца, а буде не пустятъ и на товаръ никоими мѣрами цены положить невозможно, для того что товаръ не стоитъ всегда въ равной цѣнѣ, иногда дешевъ, а иногда і дорогъ. И Асканьяма говорилъ, что де торговыхъ людей они пускаютъ и никому на посольской дворъ ходить не запрещаютъ. И посланникъ говорилъ, что ему Асканьямѣ, что говоритъ, ни въ чемъ не вѣритъ, для того что онъ Асканьяма говорилъ такъ и прежде сего о выпуске з двора служилыхъ людей, какъ великого государя грамоты отдамъ бугдыханову величеству, такъ же и поминки, и тогда де воротъ запирать не станутъ и будетъ воля ходить з двора всякому куды хто хочетъ, а ныне еще наипаче прежняго ворота запираютъ и никово і служилыхъ людей з двора не пускаютъ, и харчевое продаютъ у воротъ дорогою ценою противъ прежняго втрое, и хто за что хочетъ, то и возметъ, і для того ныне ему Асканьямѣ ни въ чемъ не вѣритъ і не знаетъ онъ какая честь что до отдания великого государя грамоты не пускали, такъ же і по отданіі государскихъ грамотъ и поминковъ наипаче того воли не даютъ и держатъ бутто въ тюрьмѣ, а бухарцомъ и татаромъ торговымъ і нашимъ рускимъ людемъ, какъ приѣзжаютъ, бываетъ воля съ приѣзду и до отпуску і въ товарехъ даютъ повольные торги. А ныне великіі государь изволилъ послать съ своею вел. государя грамотою для дружбы и любви а держатъ бутто въ тюрьмѣ і отъ того какая честь вел. государю отъ бугдыханова величества, такъ же и ему посланнику какая честь, что держатъ бутто въ тюрьмѣ, такъ же и торговыхъ добрыхъ людей, которыхъ наши люди исстари знаютъ, а на дворъ ихъ не пускаютъ и купить имъ не даютъ, і то какой повольной торгъ, и буде они такъ станутъ чинить, никогда торговые люди къ нимъ не будутъ, ни бухарцы, ни татары, ни руские люди, для того что тѣ бухарцы и татары привозятъ къ вамъ руские и московские товары и о томъ имъ, чтобъ товаровъ не вывозить, заказъ учиненъ будетъ подъ смертною казнью, и опять станете покупать по 2 рубли горностай, а кость рыбью на перстки по 50 рублевъ. И чаетъ онъ, Асканьяма, что руской товаръ индѣ никуды нейдетъ и къ Москвѣ жъ товаровъ не привозятъ, и видитъ онъ самъ у насъ какие есть отласы, и бархаты, и камки, что ихъ гораздо лутчи, а чаетъ онъ что только къ нимъ идетъ руской товаръ, а въ иные государства никуды нейдетъ. А Російское царство многие тысящи лѣтъ какъ зачалось и окрестъ Російского государства 12 государствъ и есть съ кѣмъ торговать, п. ч. есть въ Російскомъ царстве товаровъ много и уѳмло же въ иномъ государстве такихъ товаровъ не родитца. Такъ же лндѣиворилъ, что въ иныхъ государствахъ хотя съ объявлениемъ войны

бываютъ, однакожде ихъ отнюдь въ такой крѣпости не держатъ, какъ і въ прошлыхъ годѣхъ былъ посыланъ отъ великого государя къ Турскому салтану для объявления войны Василей Даудовъ, однакожде въ такомъ заключенiи не былъ. И о томъ спорились многое время і чють не дошло до ссоры. И после того онъ говорилъ, чтобъ посланникъ далъ ему на письмѣ буде учинитца какая кража или обида, чтобъ после въ приказе не билъ челомъ, а онъ Асканьяма велитъ свесть отъ воротъ караулъ и заргучѣя и подъячихъ. И посланникъ ему говорилъ, что того нигдѣ не ведетца чтобъ такие рѣчи давали на письмѣ, а вездѣ иноземцовъ берегутъ съ честию, а взапертѣ не держатъ, и буде я дамъ письмо і тогда онъ Асканьяма велитъ учинить надъ служилыми людьми нарочно. И Асканьяма говорилъ что де будетъ онъ на иной день вмѣсте съ езуитомъ для того что Мунгальскаго языка талмачи худы и тогда опять будетъ говорить о всемъ. И посланникъ говорилъ, что і въ третей день былъ онъ Асканьяма съ езуитомъ и обещалъ доложить бугдыхана, чтобъ былъ выпускъ и билъ челомъ, чтобъ приказали выпустить одного человѣка съ толмачомъ для покупки, что ему посланнику надобно на свои деньги, и тутъ з двора для покупки не пустили жъ. И Асканьяма говорилъ, что де все говорятъ про выпускъ. И посланникъ говорилъ, есть ли лутчи того на свете, что вольность, а хуже того на свете не бываетъ, что въ запертѣ сидѣть, и продать и купить ничего не можемъ. И оттого уже половина служилыхъ людей лежатъ больные, а видитъ онъ посланникъ, что про что ему говоримъ, и онъ вменяетъ всегда въ худо, і впредь не будемъ ему ни о чемъ докладывать, і они какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ, по своему обычаю. А что отъ страны царского величества видитъ онъ, что дружба и любовь, какъ о томъ и посторонние люди знаютъ, а отъ страны ихъ все признаки нелюбовью, іное на словахъ говорятъ, а иное дѣлаютъ. І посидѣвъ немного Асканьяма отъѣхалъ.

Июня въ 23 день приѣхалъ къ посланнику Асканьяма да езуитъ Алихахава и говорили, что онъ докладывалъ бугдыханову величеству для того что посланникъ говоритъ, что кормудаютъ мало, не противъ прежняго, какъ давали рускимъ и инымъ. И бугдыханово величество велѣлъ ему смотрить въ приказе въ книгахъ, і онъ смотрилъ и никому больши нашего не дано, однакожде бугдыханово величество, хотя показать къ царскому величеству дружбу і любовь, велѣлъ прибавить еще посланнику на день по гусю да по курицѣ, да въ десятой день по 5 столовъ ихъ китайские, а въ нихъ розные ѣствы будутъ, и то у нихъ честь великая, и прежде сего никому не бывало. І езуитъ говорилъ бутто отъ себя, какъ де принесутъ столъ отъ бугдыхана, будетъ ли поклонитца, или нѣтъ, п. ч. у нихъ обычай поклонитись на колѣнехъ бугдыханову величеству,

какъ ково жалуетъ столомъ. И посланникъ говорилъ, что у великого государя нашего обычай тотъ, какъ пожалуетъ ково столомъ, і великому государю поклоняютца, такъ же и бугдыханову величеству по нашему обычаю мочно поклонитись, вѣдаемъ и мы какъ почитать такого славного хана. И у езуита посланникъ спрашивалъ, мочно ли подарить которой придетъ (съ) столомъ отъ бугдыханова величества стольника или иной хто съ столомъ будетъ, и езуитъ сказалъ, что подарить мочно, а возметъ ли, іли нѣтъ, того не вѣдаетъ, для того что у нихъ обычая нѣтъ, чтобъ имать подарки. Такъ же езуитъ принесъ съ собою переводъ з двухъ листовъ старыхъ китайскихъ на латинскомъ языке, и говорилъ Асканьяма, что де тѣ письма какъ писаны тому лѣтъ зъ . . . . и больши, а писано какъ еще Никанские цари были, и тѣ листы жалованные грамоты хана Унгліса, и даны де тѣ жалованные грамоты начальнымъ людемъ, которые жили на Шпнгале рекѣ, чтобъ онп владѣли тою землею, и удивляетца какъ тѣ листы попали къ намъ, а достальные два листа далъ перевесть езуиту на латинской-же языкъ, а когда будутъ готовы, і тогда переводы принесутъ же на латинскомъ языке, п. ч. тѣ листы писаны къ великому государю отъ нынешняго бугдыхана. И посланникъ говорилъ про выпускъ, чтобъ выпускали за ворота для всякихъ съѣстныхъ покупокъ, и онъ говорилъ, что де о томъ доложитъ бугдыхана.

Июня въ 24 день пріѣхали изъ бугдыханова дворца два заргучея и принесли 5 столовъ красныхъ и на тѣ столы клали всякие съѣстные овощи сладкіе по ихъ обычаю по 40 блюдъ малыхъ серебреныхъ на всякомъ столѣ, да чаю съ молокомъ и съ масломъ. И призвалъ посланникъ дворянъ и подъячихъ и дѣтей боярскихъ п казаковъ. И прежде подносили чай, и какъ чай принесли бугдыхану единыжды сѣдя на колѣнехъ поклонились, а чай былъ татарской, а не китайской, и потомъ принесли предъ посланника столы, и столы принявъ поклонились же и ѣли отъ овощей понемногу і овощи розделили всѣмъ, а столы отдали назадъ, и заргучеи, принявъ блюды и столы, отъѣхали.

Июня въ 25 день къ посланнику Асканьяма и езуитъ не бывали, а продали служилые люди сего числа соболи небольшое число, а великого государя казны ничего не продали, п. ч. соболи были плохие, и какъ видели добрые, плохихъ не купили.

Июня въ 26 день къ посланнику нихто не бываль, а торгу большей продажи у служилыхъ людей не было жъ, а государские казны ничего не продали жъ, да приходили на посольской дворъ татары и говорили что де они купить товаровъ не смѣютъ для того, что ихъ китайские бояре междо собою зговорились, чтобъ никому кромѣ ихъ товаровъ

не купить, а купили бъ все они и для де того торговые люди на дворъ притти не смѣютъ.

Июня въ 27 день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и говорилъ, чтобъ посланникъ не покручинился, что долго къ нему не бывалъ для того что де умеръ хановъ племянникъ и онъ де Асканьяма ѣздилъ тово племянника похоронять, а о дѣлехъ де, чтобъ выпускали, не докладывалъ, а станетъ докладывать бугдыхана завтра. Да онъ же Асканьяма говорилъ, чтобъ де товары продавали поскорѣе для того что чаетъ онъ, что вскоре ханъ возьметъ предъ себя и чтобъ въ товарехъ какова мотчания не учинилось и продавали бъ поскорѣе. И посланникъ говорилъ, что продать поскорѣе всякой хочетъ и желаютъ въ одинъ день продать и купить и назадъ ѣхать, а ихъ торговыхъ людей никово нѣтъ и не торгуютъ. И Асканьяма говорилъ, для де того ихъ люди не приходятъ, что на товары цена большая, а буде цена уставитца и ихъ де люди всякие товары роскупятъ вскоре. И посланникъ говорилъ, что онъ далъ волю всѣмъ своимъ людемъ, и какъ хто можетъ продать такъ бы онъ и продавалъ. И посидѣвъ немного, отъѣхалъ.

Июня въ 28 день пріѣхалъ къ посланнику езуитъ алихахава и сказалъ, что де ханъ былъ на погребеніи племянницы своей и для того ни о какихъ дѣлехъ и на наши статьи отповѣди не было, а два листа китайские переведены, одинъ отъ отца ево, а другой отъ нынешняго хана, отъ сына ево, и переводы принесетъ вскоре. И посланникъ ему билъ челомъ, чтобъ онъ поговорилъ колаю и алихамбѣ и Асканьямѣ, чтобъ выпускали служилыхъ людей хотя понемногу, человѣкъ по 6 или по 5, и онъ говорилъ, что онъ имъ будетъ говорить о торгу і о выпуске, только де они люди упрямые, еще наипаче держали галанскихъ и португальскихъ пословъ, что никово къ нимъ не пускали, однакожде онъ хочетъ радѣть во всемъ. И посланникъ езуита подарилъ небольшимъ для того что и ему въ государскихъ дѣлехъ приказано жъ, а чѣмъ подарилъ, и то написано въ росходной книге. И билъ челомъ посланникъ, чтобъ онъ перевелъ здѣсь въ тайне послѣдней листъ, которой писалъ бугдыханъ къ великому государю чрезъ Нерчинской острогъ. И онъ отпирался гораздо, что о томъ заказъ есть крѣпкой отъ бугдыхана, не токмо перевесть, но и сказать не велено, что въ томъ листу писано. И посланникъ велѣлъ затворить двери и пускать къ себѣ никово не велѣлъ и билъ челомъ, чтобы хотя на перечень сказалъ, что въ немъ писано.

І онъ говорилъ, что для того де заказано, что они пишутъ бутто господинъ къ слугѣ, только онъ для царского величества прочтетъ и чтобъ то дѣло было гораздо въ тайне, а буде услышатъ, и онъ безъ головы будетъ. А въ листу писано по богдайски такимъ обычаемъ:

*

«Хоанкти (се есть миродержецъ или земледержецъ) къ тебѣ Чаганъхану: твой Данила челобитную подалъ намъ, что и ты тожде хочешь, чтобъ были межъ собою въ дружбе, также пишетъ про Гантимура, что писалъ къ тебѣ и будетъ ко мнѣ скоро указъ и я ево безъ замедления къ вамъ пошлю, только Джуржи, которые живутъ не подалеку отъ насъ чтобъ они насъ ни въ чемъ не вредили. Издавна наши ловцы, которые ловятъ соболи, і прочіе подданные наши объявили и челобитную дали, что тѣ, которые живутъ на Черной рѣкѣ [1]), они суть ловчи [2]), малые разбойники и небольши силы и что тѣ ловчи изобижаютъ нашихъ Джуржей и Такоровъ, такъже и соболи ихъ ловятъ они жъ, и притомъ бьютъ челомъ про Гантимура, что онъ, надѣясь на тѣхъ ловчей, побежалъ къ нимъ и вѣруетъ въ нихъ. И притомъ дали челобитную, чтобъ тѣхъ ловчей казнить. А я, миродержецъ, слыша, что тѣ ловчи суть твои люди, посылалъ человѣка чтобъ сыскать правду и ложь. И тотъ Данила посылалъ посыльщиковъ съ Игнатьемъ 10 человѣкъ, и когда сказались, что отъ тебя есть слово и они твои люди, и тогда я имъ вѣрилъ. И нынѣ, буде ты хочешь въ миру жить, посылай къ намъ беглеца Гантимура. Такъ же і впредь, чтобъ отнюдь въ рубежахъ нашихъ не учинились ссоры, и буде такъ здѣлается, и тогда миръ будетъ, и для того нарочно послалъ сей листъ». И подъ листомъ печать, а въ печати написано: Девятого лѣта миродержца Канхи мѣсяца 5-го, 13-го числа. А про другой листъ бугдыхановъ, что тотъ листъ писанъ къ великому государю для того, что въ прошлыхъ годѣхъ посланъ былъ отъ великого государя въ Китай для торгу нѣкоторый Иванъ имянемъ и съ нимъ посланы были отъ великого государя поминки, и отъ бугдыхана посланы были противъ того къ великому государю поминки жъ, а въ томъ листу писано такимъ же гордымъ обычаемъ, какъ выше сего писали. А про поминки, что посланы были отъ великого государя къ нему бугдыхану, пишетъ отповедь въ своемъ листу, что дань, которая отъ тебя послана, принели и противъ того посылаемъ къ тебѣ отъ насъ милость и жалованье. А езуитъ говорилъ, что тотъ обычай писать ко всѣмъ государемъ у нихъ одинъ и не переменятъ они никогда.

Июня въ 29-й день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и посланникъ ему говорилъ, докладывалъ ли онъ бугдыхана о выпуске государскихъ служилыхъ людей, или нѣтъ. И онъ говорилъ, что де хану онъ не докладывалъ для того, что де хану ныне не время. И поторовя немного, пришли государскіе служилые люди и били челомъ Асканьямѣ,

---

[1]) Чаемъ, что Шилка.

[2]) Се есть: малые разбойники.

чтобъ дали волю ходить за ворота для покупки. И Асканьяма говорилъ съ серца, буде онъ станетъ такъ докладывать бугдыхана, чтобъ выпускать, и тогда де бугдыханъ велитъ дать сроку только 10 дней, а после десяти дней велитъ отпустить назадъ. И посланникъ ему говорилъ, чтобъ онъ Асканьяма на служилыхъ людей не сердился, для того, хто не хочетъ ходить по воли, нежели сидѣть въ запертѣ, а что де онъ поберегъ противъ прежняго ихъ, и за то тебѣ отъ великого государя будетъ жалованье. И онъ говорилъ, чтобъ о томъ послалъ бить челомъ въ Мунгальской приказъ къ алихамбѣ, чтобъ онъ о выпуске доложилъ і въ Мунгальской приказъ посылалъ подъячего о выпуске бить челомъ заргучѣмъ. И заргучѣи пошли докладывать алихамбѣ, а отповедь будетъ де завтра.

Июня въ 30-й день въ приказъ для отповеди подъячей ходилъ і заргучей сказалъ, что де онъ алихамбѣ докладывалъ, и алихамба сказалъ, что бугдыханъ выпускать не велѣлъ, для того что у нихъ тотъ обычай, что посольскихъ людей и служилыхъ не пускаютъ и въ томъ де у нихъ посломъ честь великая и чтобъ де отъ ихъ людей служилымъ и посольскимъ людемъ не учинилися какие обиды и ссоры.

Того жъ числа продали шубы заечьи всѣ въ одинъ день по пол 2 лана, а которые шубы у себя задержали, и тѣ продали по 4 лана, а которые лутчи, по 5 ланъ.

Июля въ 1-й день продавали шубы заечьи по 4 лана, а добрые по 5 и по пол 6 лана, а до сего 1-го числа въ мѣсяцѣ въ мае и въ іюне были жары великие, а дожди были не само часто, и молния и громы не противъ Московского, но меньши, и тишѣ.

Июля въ 2-й день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и говорилъ, что де ныне въ царстве жары великие і на докладъ къ хану нихто не ходитъ и для де того и о вашихъ дѣлехъ не докладывалъ, а какъ будетъ время и онъ докладывать будетъ бугдыхана, онъ или алихамба, потому что только для одного дѣла, что выпускать, докладывать нѣльзѣ, а мочно доложить съ иными дѣлами, іли какъ бугдыханъ станетъ спрашивать про здравье посланниково, и тогда мочно докладывать, для того что то дѣло противъ звычаю ихъ докладывать нѣльзе, потому что у нихъ посломъ з двора выходить не повелось, и буде станетъ докладывать о томъ дѣле одномъ, и то непристойно будетъ. И онъ де Асканьяма оберегаетъ насъ во всемъ. Да онъ же сказалъ, что пріѣхало бухарцовъ человѣкъ съ . . . . а нсъ Тобольска есть ли люди, или нѣтъ, того онъ не спрашивалъ, а будетъ спрашивать про все завтра. Да онъ же Асканьяма говорилъ и хотѣлъ постановить своимъ товаромъ камкамъ и атласамъ и китайкамъ цѣну, чтобъ де ихъ китайские люди въ товарехъ не обманули. И посидѣвъ немного, отъѣхалъ.

Июля въ 3-й день приходили къ посольскому двору къ воротомъ бухарцы и китайские люди, на дворъ ихъ не пустили, а говорили съ толмачами нашими, что де ихъ пришло съ колмаками отъ Контайши человѣкъ съ . . . . а товаровъ у нихъ русскихъ нѣтъ, только есырей человѣкъ съ 100, да коней съ пол 3 тысячи, да соболей небольшое, а бухарцамъ по царству ходить дана воля для того что де они люди торговые, и у китайцовъ такой обычай, что торговыхъ выпускаютъ, а пословъ і посольскихъ людей з двора не спускаютъ и то отъ нихъ честь великая.

Іюля въ 4-й день принесли къ посланнику отъ хана столъ, во всемъ противъ прежняго да сверхъ того стола принесли исъ ханова саду зъ . . . . дыней, только дыни ихъ зѣло мѣлки, а принесли для того, что ныне у нихъ поспѣли овощи новые.

Того-жъ числа пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма одинъ и говорилъ, что де пріѣхалъ онъ спросить про здравье, а после того посланникъ говорилъ, чтобъ онъ Асканьяма приказалъ смотрѣть заргучѣю и подъячимъ сребро для того что слышали мы, что сребро зѣло плохо, а толмачи з двора сосланы п. ч. видели отъ нихъ воровство великое і они перекупаютъ весь товаръ. И Асканьяма говорилъ, что знаетъ онъ и самъ, что у нихъ сребро худо и въ ланѣ вѣсу 10 чиновъ, се есть 10 золотниковъ, а во всякомъ ланѣ 9 чиновъ серебра, а десятой чинъ олова или мѣди, а ныне де прикажетъ онъ заргучѣю и заргучѣй принимать станетъ сребро доброе безъ подмѣсу, только торговые люди увидятъ, что сребро выбираютъ доброе, станутъ товары покупать дешевле и игдѣ дать ланъ, тутъ станутъ давать 9 чинъ, а хотя де взять и девять чиновъ чистаго серебра, однакожде то сребро пойдетъ въ покупке на товары вмѣсто лана, для того что де всякой человѣкъ хочетъ взять чистое сребро. Посланникъ же Асканьямѣ говорилъ, что онъ заргучѣю приказалъ какъ пріѣдутъ къ воротамъ бухарцы, чтобъ пустили ихъ на дворъ, и Асканьяма заргучѣю о пропуске на дворъ бухарцовъ приказалъ а бухарцы къ посланнику въ тѣхъ числѣхъ не бывали.

Посланникъ же у Асканьямы спрашивалъ про талмачей, чьи они люди, бугдыхановы или боярские и даютъ ли какую хану дань, или бояромъ для того что ихъ всѣ торговые люди боятца и купить и продать безъ нихъ не смѣютъ.

И Асканьяма говорилъ, что они не бугдыхановы люди, а люди они боярские и уговариваютца своими бояры чтобъ ихъ отпускали, а они имъ обещаютъ дать по нѣскольку ланъ серебра для того что имъ оттого нажитокъ великой, потому какъ де продаютъ русские товары, і въ то время съ ихъ людей

берутъ серебро, а какъ русские люди и бухарцы станутъ покупать отъ ихъ людей товары, и они даютъ имъ за товаръ три доли, а себѣ берутъ четвертую долю и отъ обѣихъ де странъ нажитокъ имъ великой и не токмо у насъ то они дѣлаютъ, а и у всѣхъ иноземцовъ, что приходятъ въ Китай, тожде дѣлаютъ, и отъ бугдыхана заказъ есть многой, однакожде уйму нѣтъ, п. ч. бояре берегутъ всякой своего. Асканьяма жъ говорилъ, что де есть у него дѣло съ посланникомъ говорить, только де приѣдетъ онъ съ езуитомъ Алихахавою и тогда про все объявитъ, такъ же посланникъ говорилъ про выпускъ, и онъ сказалъ, что еще не докладывалъ, а про покупку посланникъ говорилъ, что зѣло тихо товары покупаютъ, і онъ говорилъ, что за товары просятъ великую цѣну и покупать нѣльзя. И посланникъ говорилъ, что никогда такъ руские товары дешево не продавали, а они говорятъ, что цена велика. И онъ сказалъ, что товары раскупятъ вскоре и, посидѣвъ немного, отъѣхалъ.

Июля въ 5-й день приходилъ къ посланнику бухаретинъ Труѳана города житель, который былъ и въ прошломъ году въ Китаехъ, а въ Тобольскъ не проѣхали за войною, и сказалъ, что де ихъ есть человѣкъ съ 70. А приѣхали они съ Тарханъ ламою, которой посланъ отъ калмыцкого Угюрты хана съ торгомъ съ коньми и съ есыремъ и съ немногими горностаи, а продали ихъ дешевою цѣною: по 25 ланъ за сто, а кони добрые по 70 и по 80, а плохіе по 30 и по 20, а есырь доброй по 100 ланъ, а меньшей по 70 и меньше. А про войну сказалъ, что межъ Галдана и Угюрты еще война ѳсть и для того не знаютъ они, можетъ ли кованъ Тобольской пройти, или нѣтъ. Также спрашивалъ подлинно про Астраханскую дорогу отъ Китай куды ѣздить мочно. І онъ сказалъ, что отъ послѣднего города Китайского, отъ Кокотана до Труѳана бухарского города, гдѣ Баба ханъ живетъ, которой къ великому государю пословъ своихъ многижды послалъ, ѣзду со вьюками 40 дней какъ коровны ходятъ, а отъ Труѳана идутъ до Самархана бухарского города 60 дней кованомъ же. А отъ Самархана до Астрахани кованомъ же 20 дней и меньши, каковъ ходъ будетъ, и только опасения есть немного отъ Калмыковъ и иныхъ иноземцовъ до Труѳана, а отъ Труѳана до Астрахани опасения нѣтъ, а итить все учюртиными людьми Калмаками. И посланникъ ему сказалъ, чтобъ онъ приходилъ съ иными ихъ людьми з Бухарцами по часту, и онъ говорилъ, что они ради приходить къ намъ ежедень, только де китайские люди ихъ къ намъ не пускаютъ и отбиваютъ ихъ издали отъ воротъ. І ему говорилъ, что Асканьяма пропускать ихъ на дворъ велѣлъ и чтобъ они приходили безъ опасенья. И въ то время пришелъ отъ воротъ заргучей и говорилъ, чтобъ ево отпустилъ для того что де они стоятъ за городомъ далеко, версты

съ 4. А приходилъ онъ при вечере и пошелъ вскоре и заргучей долго говорить ему не далъ, п. ч. все въ подзрѣніи были отъ рускихъ людей.

Июля въ 6-й день прѣзжали къ посланнику алпхамба и Асканьяма да езуитъ Алихахава и привезли съ собою статьи, которые прежде сего имъ посланникъ предложилъ и спрашивали въ тайнѣ про ту статью, въ которой написано отъ страны царского величества про рускихъ полоненниковъ и противъ тѣхъ, которые изменили и бежали сюды въ Китай, буде есть такие люди, чтобъ дали безъ окупу, или дали на окупъ тѣхъ полоняниковъ, а измѣнниковъ отдали бъ, и почали говорить такъ, что то дѣло, которое начиналось, что бугдыханъ посылалъ листъ къ великому государю въ прошлыхъ годѣхъ не начиналось отъ нихъ, а началось наипаче отъ Данила Аршинского, для того что Данила посылалъ напередъ на Наунъ къ нему Асканьямѣ и просилъ посольствоватись и Асканьяма посылалъ къ Данилу людей, а онъ такожде, и онъ Асканьяма взялъ ихъ къ бугдыхану и чрезъ нихъ писали къ царскому величеству листъ и словесно имъ наказывалъ, что писали они про Гантимура и для того конечно, былъ указъ царскаго величества къ Данилу, чтобъ онъ посольствовался а безъ указу бъ великаго государя какъ онъ Данила смѣлъ посольствоватись, и какъ о томъ къ великому государю вѣдомости нѣтъ что писалъ бугдыханъ про Гантимура, они о томъ не могутъ вѣрить, хотя царское величество и въ грамоте своей писалъ, что не выразумѣлъ что отъ бугдыхана въ листу писано и для того тебя послалъ и съ тобою тотъ листъ послалъ же, однакожде хотя не во всемъ разумѣлъ, а мочно хотя о томъ немного выразумѣлъ отъ казаковъ отъ толикихъ про Гантимура, п. ч. и словесно имъ о томъ приказано было отъ насъ здесь и на Науне, такъ же спрашивали, что бугдыханово величество опять велѣлъ спрашивать про ту статью, конечно ли желаетъ царское величество, чтобъ такихъ людей отдать на окупъ или безъ окупу, такъ же велѣлъ спрашивать богдыханово величество есть ли указъ царскаго величества чтобъ ихъ тебѣ посланнику взять съ собою буде изволитъ дать ихъ, или только договоръ ныне учинить и отповедь взять, а после того въ иное время изволитъ послать, такъже и про то велѣлъ спрашивать, буде ты тѣхъ людей ныне возьмешь съ собою по указу бугдыханову, после того царское величество будетъ ли учинить по тому же, буде есть наши люди, чтобъ ихъ далъ противъ того же какъ учинитъ и бугдыханово величество? И посланникъ имъ говорилъ, что про то дѣло, что они говорили, что дѣло начиналось отъ Данила, а не отъ нихъ, то не такъ, п. ч. Асканьяма посылалъ въ Нерчинской провѣдать съ торгомъ, а после того посылалъ двухъ человѣкъ и подъячего и приказалъ имъ, чтобъ они были

въ аманатахъ, какъ о томъ и всѣ Нерчинские казаки, которые здѣсь со мною, знаютъ, что то дѣло учинилось недавно, а про то что они говорятъ, что невозможно царскому величеству о томъ не знать, хотя немного, многижды имъ говорилъ пространно на Науне и здѣсь, что царское величество отнюдь не знаетъ, что бугдыханово величество въ листу своемъ желаетъ, и опять имъ говорилъ, что два довода есть, которые покажутъ, что царское величество отнюдь не зналъ ничево, что въ листу писано, и что словесно приказано: 1-й доводъ есть, что царское величество писалъ грамоту свою на трехъ языкахъ, а не на одномъ, потому чтобъ не учинилась такъ невѣдомость, какъ про листъ бугдыханова величества, что писано было на вашемъ языке, а нихто не разумѣлъ, что пишетъ, а естьлибы разумѣли, и царское величество писалъ бы на одномъ рускомъ языке. А другой доводъ есть, что не токмо нынешней листъ не разумѣли и для того со мною послали назадъ, но и прежние, одинъ богдойской, а два китайские, которые вы переводили и по вашему переводу тому что писаны 260 лѣтъ, да и въ тѣхъ не знали, что писано жъ. А третей доводъ есть, что нигдѣ же на свете не повелось, что листъ, посланный отъ государя къ иному государю, назадъ посылать, а ныне послали для того что не выразумѣли, что въ немъ писано. А про то, что конечно ли царское величество желаетъ про такихъ людей, и царское величество одноконечно желаетъ и въ статьяхъ предложено для того чтобъ дать на окупъ или безъ окупу, такъже и про взятие, буде бугдыханово величество изволитъ къ царскому величеству показать дружбу и ихъ отдать, и я ихъ съ собою возьму, и то царское величество станетъ почитать отъ страны бугдыханова величества великую дружбу и любовь, такъже и про то отъ страны царского величества буде какие ваши люди сыщутся въ Росiйскомъ царстве будетъ потомужъ учинить, буде они прямые Никанские или Богдойские. Царское величество обещаетъ отдать противъ того же. I они говорили, что вы лутчи знаете есть ли въ нашемъ царстве беглецы, или на бою взяты, а намъ про то вѣдать нѣльзѣ, п. ч. наше Китайское царство пространное и хто можетъ про то знать, хто бежитъ отъ васъ къ намъ, п. ч. иноземецъ отъ языка познаваетца и тебѣ, что посланъ здѣсь къ намъ, какъ о томъ не знать? И посланникъ говорилъ, что Росiиское царство наипаче зѣло пространное и знать больши не мочно, которые бегутъ къ вамъ п. ч. нашъ рубежъ пространный і вольно ходить всякому по многимъ рубежамъ и дорогахъ Росiйского царства, а что отъ васъ къ намъ нельзѣ знати какъ бѣгаютъ, п. ч. царство ваше кругомъ ограждено горами высокими и на горахъ стена великая и всякого человѣка приходящаго въ порубежномъ городе записываютъ, и для того вамъ лутчи мочно знать, а мы кромѣ того талмача

вора не знаемъ и чаю ныне, что тотъ талмачъ за воровство повѣшенъ, а своихъ мы знаемъ, что руские люди християне, его великого государя служилые, а бежали они изъ порубежныхъ городовъ и пришли къ вамъ і ныне живутъ у васъ здѣсь въ царстве, и братья ихъ съ нами для ради тѣхъ ныне приѣхали, а иные взяты и на бояхъ, тѣхъ мы спрашиваемъ, і буде и отъ вашей страны есть какие беглецы Никанцы, или Богдойские, и царское величество велитъ отдать, только бъ правдивые были подданные бугдыхановы, п. ч. царское величество любитъ правду. И какъ слово божественное не пременяется, такъже і государское слово никогда не пременяетца жъ, і буде у насъ такие правдивые бугдыханова величества подданные есть, вѣдаю, что царское величество велитъ отдать і не для иного царское величество велѣлъ просить тѣхъ беглецовъ, и какая прибыль будетъ царскому величеству отъ десяти человѣкъ или отъ 20, только для того, чтобъ учинилась причина къ дружбе межъ обоихъ великихъ государей и государства чрезъ того, такъже и для того чтобъ и впредь перестали смотря на то отъ обѣихъ странъ бѣгать, и опасались бы, какъ увидятъ, что беглецовъ отдаютъ назадъ, п. ч. беглецы всегда причиняютъ ссоры межъ государствъ и желаютъ недружбы и войны для того чтобъ покрылось воровство ихъ. И Асканьяма говорилъ, что и они зело тому ради и для того писалъ бугдыханово величество къ царскому величеству листъ, чтобъ такие дела впредь перестали, п. ч. такие дела между государствъ учинятъ ссоры и недружбы. И посланникъ говорилъ, вѣдаетъ онъ, что царское величество неправду не любитъ, такъже и бугдыханово величество, и какъ царское величество проситъ своихъ правдивыхъ служилыхъ людей отъ бугдыханова величества такъже чаетъ, что и бугдыханово величество станетъ спрашивать своихъ правдивыхъ людей, а не чюжихъ. И они говорили, что подлинно такъ и пришли де они по указу бугдыханова величества спрашивать про тѣ статьи и опять пойдемъ къ бугдыханову величеству и твои рѣчи доложимъ и о томъ бугдыханово величество какъ укажетъ И после того посланникъ говорилъ имъ про выпускъ, вскоре ль отпустятъ покупать товары на воле, такъже и про бухаръ, чтобъ они къ посланнику велѣли на дворъ пускать, а алихамба говорилъ, что де то дѣло у Асканьямы, а Асканьяма говорилъ, что де у алихамбы. И посланникъ говорилъ, что то дѣло вамъ говорить ныне нельзѣ, п. ч. здѣсь вы оба и мочно дать намъ волю вамъ обоимъ или одному изъ васъ, а какъ нѣтъ другово і одинъ на одного ссылаютца. І они посмеявся говорили что де по досугу доложатъ бугдыхана, а ныне станутъ де докладывать про большие нынешние дела, а тѣ де дела с тѣми дѣлами мешать нѣльзѣ, п. ч. то дѣло малое, что отпускать васъ. А езуитъ отъ себя сказалъ, что они безъ докладу бугдыханова величе-

стеа хотя невѣдомо бъ какое малое дѣло отъ себя не смѣютъ указать, п. ч. они люди межъ себя самые подзрительные и одинъ отъ другово опасаютца и для того всякое дѣло не спѣшно дѣлаютъ, и опять отъѣхали. А знатно они для того спрашивать пришли, что хотятъ у великого государя просить Гантимура вмѣсто тѣхъ бѣглыхъ беглецовъ, а Гантимуръ никогда у нихъ въ подданстве не былъ кромѣ того что пріѣзжалъ къ нимъ на время і опять возвратился въ Нерчинской. А въ Китайскомъ государстве ныне рускихъ людей есть человѣкъ съ 13 и только два человѣка что пойманы на Амуре, а тѣ всѣ беглецы изъ украинныхъ острожковъ побежали, наипаче изъ Албазинского острога і въ третьемъ году побежали три человѣка для того что водою бегаютъ Амуромъ до усть Шингала, и на Шингале Китайские люди принимаютъ і въ царство безъ задержания отвозятъ и учинитъ имъ бугдыханъ жалованье і велятъ ихъ женить и въ службу написать, и ныне они у бугдыхана учатъ Китайскихъ людей стрелять ис пищали и с коня и пѣшихъ, какъ о томъ писалъ одинъ Тобольской къ своему брату і тотъ ныне и въ талмачи взятъ въ посольской приказъ, п. ч. рускую грамоту умѣетъ, да и китайской учился жъ и всякое руское письмо онъ переводитъ, а ходятъ они въ костелъ къ езуитамъ, а иные изъ нихъ и на службу посылаютца, а одинъ изъ нихъ изо всѣхъ Онашка, родомъ татаринъ, живетъ въ чести, которой прежде всѣхъ въ Китай побежалъ. И тотъ въ прошлыхъ годѣхъ говорилъ Гаврилу Романову, что великій государь даетъ Крымскому хану дань, а Китайскій ханъ наипаче больши Крымского і иные рѣчи непристойные говорилъ же. Такъ же и езуиты сказали и показали на письмѣ все Сибирское государство и всѣ остроги и сколько человѣкъ въ нихъ, что тѣ измѣнники бугдыхану объявили, п. ч. тѣмъ радѣютъ себѣ честь получить, а ныне гораздо испужались что бугдыханъ отдастъ ихъ посланнику, п. ч. пришли езуиты и били челомъ посланнику отъ страны ихъ, что буде бугдыханъ изволитъ отдать ихъ, чтобъ посланникъ билъ челомъ бугдыхану, чтобъ отдали жъ жонъ ихъ и детей. А къ посольскому двору часто они приходили, а видетца не дали, а после того надъ ними учинили караулъ, чтобъ отнюдь съ нашими людьми не видались, а гдѣ съ нашими людьми сойдутца, гораздо плачютъ.

Июля въ 7-й день приходилъ къ посланнику заргучей (діакъ) и сказалъ: завтра будетъ хановъ столъ въ приказе гдѣ иноземцовъ трижды потчиваютъ по ихъ обычаю и спрашивали сколько коней надобно привесть. І посланникъ ему говорилъ, для чего будучи вчера алихамба и Асканьяма про то не сказали ничего. И заргучей говорилъ, что де они и мы про то еще не знали п. ч. не было въ то время указу ханского. И

посланникъ ему говорилъ, что они хотя и не объявили, однакожде мы слышали отъ плохихъ людей, отъ талмачей, что столъ будетъ, и то не пригоже, что не известили намъ преже и мочно хотятъ насъ такъ внезапно и с царства выслать. И заргучей говорилъ, что про то онъ не знаетъ, а знаютъ про то начальные люди, а у нихъ обычай, что после трехъ столовъ отпустятъ всѣхъ иноземцевъ вскоре, а столъ за столомъ живетъ неподалеку.

Июля въ 9-й день китайские торговые люди для покупки товаровъ на посольской дворъ не бывали, для того что въ томъ числѣ былъ дождь великой и грязи въ царстве безмерные.

Июля въ 10-й пріѣзжалъ къ посланнику Асканьяма одинъ и спрашивалъ роскупаютъ ли государские товары и ево посланниковы. И посланникъ говорилъ, что товаровъ государскихъ ничего не купятъ и продажа стала самая худая, а продали по немногу служилые люди нужды ради пометаютъ какъ мочно, а не продаютца товары для того, что талмачи зговорились з боярскими людьми и торговыхъ бьютъ и давятъ при насъ и купить имъ ничего у насъ не даютъ, для того что тѣ талмачи хотятъ покупать сами и брать самою дешевою ценою, такъже и с продажею на дворъ торговыхъ не пускаютъ и буде такъ учинитца и продажи не будетъ, такъже и въ покупке товаровъ вольности не будетъ, и то какая будетъ дружба и любовь межъ обоими великими государствы. И лутчи бъ они взяли явнымъ обычаемъ, силою, нежели поступаютъ лукавствомъ, и для того онъ посланникъ по указу великаго государя предложилъ бугдыханову величеству, чтобъ съ товаровъ взяли пошлину, а дали бъ повольной торгъ, а бухарцомъ и татаромъ и инымъ даютъ с пріѣзду волю, а насъ держатъ, бутто въ тюрьмѣ. И Асканьяма говорилъ, что де бояре то дѣло дѣлати не смѣютъ, такъже и талмачи не смѣютъ же, а пошлину взять не токмо отъ васъ но и іс своихъ людей бугдыханъ пошлину не беретъ, а про свобожение сказалъ, какъ бугдыханъ станетъ спрашивать про твое посланниково здоровье іли что дѣлаешь, и тогда мочно доложить, а ныне докладывать не смѣемъ для того, что де опасаетца гнѣву, чтобъ на него и на насъ не былъ гнѣвенъ, для того что доложить противъ стараго ихъ обычая нельзѣ. Да и бояре имѣютъ на него великое подозрѣние, что де онъ докладываетъ для своей корысти, однакожде онъ по досугу бугдыханову величеству во время свое чтобъ для покупокъ товаровъ великого государя служилымъ людемъ въ торгу повольно было будетъ докладывать. Асканьяма жъ говорилъ, какъ бы де была ныне зима и мяхкие бъ товары продавались дороже для того, что зимою теплое платье всякому надобно, а ныне лѣто і до зимы всякой человѣкъ чаетъ, что далеко.

Посланникъ же Асканьямѣ говорилъ, что онъ Асканьяма велѣлъ пропускать на дворъ бухарцовъ, а ныне по обѣ стороны стоятъ караулы и блиско ихъ ко двору не припускаютъ, такъже и бухарцомъ заказали накрепко, чтобъ они къ посланнику отнюдь не ходили. И то какая правда, что ихъ на дворъ къ намъ не пустятъ, такъже и з двора нашихъ людей нигдѣ же не пускаютъ, и такъ какая продажа или покупка будетъ. И Асканьяма о пропуске бухарцовъ заргучею заказалъ чтобъ имъ приходить было на дворъ вольно и при насъ заргучѣю о пропуске приказалъ, а после того безъ нашихъ опять отказалъ для того что про то заргучей посланнику сказалъ, что онъ Асканьяма бухарцовъ пропускать отнюдь не велѣлъ, а талмачей заргучею велѣлъ поимать, а какъ де поймаетъ, и онъ учинитъ имъ наказанье. И будучи онъ Асканьяма у посланника, приходили по него отъ хана. И посланникъ говорилъ, чтобъ онъ Асканьяма не забылъ о чемъ ему билъ челомъ о свобожденіи, и онъ говорилъ, что де станетъ ждать время и отъѣхалъ.

Того-жъ числа приходилъ после полудня къ посланнику заргучей и сказалъ, что де завтра быть тебѣ предъ ханомъ у стола, и отъѣхалъ.

Июля въ 11-й день прпѣхалъ къ посланнику Асканьяма и сказалъ, что де ныне у хана будешь у стола въ полате, а съ собою бъ взялъ только 14 человѣкъ, которые честные. И посланникъ ему говорилъ, чтобъ взялъ побольши, какъ взяты были къ поклону, і онъ говорилъ, что отнюдь нельзѣ такъ дѣлать. И посланникъ говорилъ, что больши того не возьметъ: 2 человѣка дворянъ Московскихъ, священникъ, 2 подъячихъ, 9 человѣкъ детей боярскихъ, ис того числа 7 Тобольскихъ, 1 Лѣнской, да одинъ сынъ Павла Шульгина изъ Нерчинского. А послѣ того посланникъ Асканьямѣ говорилъ, что великій государь его царское величество указалъ послать з бухарцами своихъ великого государя людей для покупки ревеню въ городъ въ Сунгъ. І Асканьяма говорилъ, чтобъ о томъ послалъ въ Мунгальскій приказъ къ алихамбѣ, п. ч. то дѣло не ево, а вѣдаетъ про то про все въ Мунгальскомъ приказе алихамба, такъже де ведомы и вы; и бухарцы въ Мунгальскомъ же приказе, п. ч. во всякомъ приказе дѣло розное и не мочно иному мешатись. Посланникъ же ему говорилъ, что нихто черныхъ лисицъ не купитъ для того что не смѣютъ и чтобъ тѣ лисицы взяли въ казну къ хану, а с хановы бъ казны за тѣ лисицы вѣдали поручнымъ товаромъ. И Асканьяма говорилъ, что де мочно лисицы и на дворѣ продать, а купятъ ихъ только обновити и дѣлать Ягн, которые пожалованы отъ хана, племянники ево, а иной нихто не смѣетъ, а естьлибы знали изначала, отдали бъ хану въ поминки, и ханъ бы ихъ принялъ. И посланникъ говорилъ, что есть

лисицъ много и все лисицы подать в поминкахъ было непристойно, что только одни лисицы, а Асканьяма въ то время говорилъ, что де у бугдыхана лисицъ черныхъ есть полата великая. И Асканьяма жъ говорилъ, что ныне лисицы не надобно, а мочно де ихъ продать у себя на дворѣ, а купятъ де ихъ хановы сродники. И посланникъ говорилъ, что де ныне нихто не купитъ, и не токмо купить, и смотрить не смѣютъ. И Асканьяма говорилъ, буде лисицы не купятъ, и тогда де мочно хана доложить, и чаетъ де что тѣ лисицы въ казну возьмутъ. И пришолъ подъячей и Асканьяму звалъ, чтобъ онъ шолъ вверхъ. Такъже посланникъ Асканьямѣ опять билъ челомъ, чтобъ онъ ныне доложилъ бугдыхана, потому идетъ вверхъ, чтобъ отпустили человѣкъ съ 7 з бухарцы для покупки на великого государя кореню ревеню, и онъ опять по прежнему говорилъ, что доложить отнюдь нельзѣ и о томъ бы послалъ въ Мунгальской приказъ къ алихамбѣ, и алихамба бугдыхана доложитъ для того что то дѣло приказное, п. ч. указъ былъ царского величества чтобъ послать на Астрахань для провѣдыванья дороги и пути, а невозможно было имъ про то сказати для того, что они люди подозрительные, только говорилъ, бутто хотѣлъ купить ревень ты, однакожде они і то никакъ не поволили і заказали калмакамъ і бухарцомъ, чтобъ рускихъ людей не приняли, и они отнюдь принять не смѣли. И посланникъ Асканьямѣ говорилъ для чего заказъ есть отъ богдыхана, чтобъ никакихъ товаровъ служилые люди наши не покупали, и онъ Асканьяма говорилъ, что де заказу никакова нѣтъ, и купить всякому вольно, сколько хочетъ. И посланникъ говорилъ что знатно заказъ отъ нихъ для того, что ихъ люди товары приносили на дворъ многие и продаютъ, такъже только въ одной лавке продаютъ. а въ иныхъ ничево не продаютъ. И Асканьяма говорилъ, что де отнюдь того нѣтъ, чтобъ былъ заказъ, а мочно торговые зговорились межъ себя и хотятъ продать подороже и для того просятъ дороже і въ одной лавке только продаютъ. И посланникъ говорилъ, для чего калмаковъ и мунгальцовъ отпускаютъ вольно торговать всѣхъ что есть ныне въ царстве, а нашихъ только по 5 человѣкъ и тѣ за караульщики ходятъ. И Асканьяма говорилъ, что тѣ калмаки отъ порубежныхъ ближнихъ степныхъ тайшей и ежегодъ посылаютъ къ бугдыхану дань и для того вольно имъ ходить и торговать.

Июля въ 16-й день приѣзжали къ посланнику съ Асканьямою ближние люди и спрашивали есть ли такие у посланника люди, которые бъ умѣли плавать и нырять, чтобъ были самые добрые. И посланникъ говорилъ, что у насъ всякой умѣетъ плавать и Асканьяма говорилъ, чтобъ выбралъ самыхъ добрыхъ для того что де онъ предъ ханомъ хвалилъ, для того что дорогою ѣдучи прежде сего видѣли ихъ и чтобъ ему о томъ

не было стыда. И посланникъ выбралъ 10 человѣкъ и того числа ихъ не взяли. Того-жъ числа ближние люди принесли деньги назадъ и посидѣвъ немного говорили, что видели они у посланника саблю добрую оправлену золотомъ и желѣзо доброе и чтобъ тое саблю далъ показать тѣмъ же своимъ товарищамъ. И говорилъ, что де есть у него отецъ человѣкъ старой, такъже просилъ и книгу галанскаго языка въ лицахъ, въ которой написано посольство ихъ въ Китаехъ, чтобъ ее далъ показать и опять принесутъ вскоре. И показалъ онъ ближней человѣкъ посланнику саблю самую добрую, которая была самого бугдыхана, и та сабля оправлена золотомъ по китайскому обычаю, и желѣзо китайское жъ. И посланникъ говорилъ, что книгу дастъ, а саблю не дастъ, для того что ту саблю держитъ онъ про себя. И Асканьяма вышелъ вонъ и звалъ талмача Мунгальского языка и чрезъ него билъ челомъ гораздо и говорилъ, что де ту саблю принесетъ завтра, такъже какъ принесли и деньги. И какъ виделъ, что докучаютъ гораздо, и книгу и саблю имъ далъ и сего дни опять ихъ кормилъ и поилъ и они распрашивали во всемъ противъ прежняго и сидѣли до самаго вечера и при вечере пошли опять вверхъ къ хану.

Июля въ 17-й день пріѣхали къ посланнику ближние люди и привезли съ собою книгу и саблю и били челомъ о томъ гораздо, что прошения ихъ ни въ чемъ не оставилъ, а послѣ того говорили, что де бугдыханово величество указалъ знаменовать тебя царскаго величества посланника наипаче прежняго всего въ томъ же платье, для того что де въ первой персоне написанъ только по поясъ, а ныне велѣлъ написать всего, да чтобъ де тутъ же знаменовать съ саблею и въ рукахъ держалъ буздуганъ свой, которой они видели у посланника. И посланникъ имъ говорилъ, что де ныне дни зѣло жаркие, а шуба тежелая соболья и нельзя носить, и прежде сего трудились много 3 дни, и о томъ споровались много и после того посланникъ велѣлъ писать по ихъ воли, и писали опять до самаго вечера с саблею и буздуганомъ, какъ они просили, и опять спрашивали про разные дела какъ прежде сего чрезъ езуита. И после того то письмо взяли и пошли въ ближней того двора посольской приказъ. Ближние жъ люди видели у посланника пищали долгие и просили, чтобъ имъ продалъ, и посланникъ имъ говорилъ, что дорога дальнея и опасная и безъ оружия нельзѣ. Да ближней человѣкъ принесъ съ собою саблю самую добрую, оправлену золотомъ, турское дѣло, а на ремене писано было, что ту саблю послалъ въ подаркахъ Учюрта ханъ Калмыцкой и ближней человѣкъ говорилъ, что де у нихъ такого желѣза не любятъ, и у нихъ много ево есть, а знатно, что онъ хвастаетъ. А посланникъ ему говорилъ, что онъ то желѣзо знаетъ, что оно доброе и

прямое турское, такъже и письмо турское вырезаное на ней прочелъ. И после того поноровя немного пришелъ езуитъ одинъ и говорилъ, что де надобно о томъ челомъ ударить бугдыхану по ихъ обычаю для того, что велѣлъ живописать, и ближнихъ людей и живописцовъ подарить. И посланникъ езуиту говорилъ, какъ бугдыханово величество пожалуетъ ево посланника одною персоною, какъ готовы будутъ, и тогда будетъ бить челомъ бугдыханову величеству, а ближнихъ людей и живописцовъ подаритъ же въ то время и чтобъ онъ имъ сказалъ, что словесно имъ говоритъ и бьетъ челомъ зело бугдыхану по нашему обычаю, что онъ присылалъ ближнихъ людей и живописцовъ, а буде дадутъ персону, и тогда мочно подарить ближнихъ людей и живописцовъ.

Июля въ 18-й день пришелъ къ посланнику посолъ Тарханъ-лама который приѣхалъ отъ Учюрты хана Калмыцкого и спрашивалъ посланника про здравье, и после того посланникъ Тарханъ-ламѣ говорилъ, что Асканьяма сказалъ, что Учюрта ханъ даетъ въ Китай дань ежегодъ бугдыхану. И Тарханъ лама китайцовъ бранилъ и говорилъ, что ихъ ханъ есть противъ богдойского хана и лутче и для чего имъ дать, еще они берутъ отъ нихъ, и говорилъ, что будетъ пенять въ приказе алихамбѣ и Асканьямѣ. И посланникъ ему говорилъ, чтобъ онъ не сказалъ имъ про него ничего, и онъ говорилъ, что отнюдь того имъ не скажетъ, п. ч. царское величество бутто отецъ Учюрты хана и къ людемъ ево хановымъ и къ нему милость есть и жалованье велпкое. И посланникъ ево напоилъ и накормилъ, а съ нимъ Тарханъ ламою было калмаковъ много и ихъ кормилъ же, а пс тѣхъ калмаковъ бывали многие и на Москвѣ.

Того-жъ числа приѣхали ближние люди и съ ними Асканьяма и езуитъ и живописцы и списывали с ѳерезѣи п с кавтана травы, а съ шапки запаны. I будучи они у посланника, въ то время служилые люди съ китайскими караульщиками у воротъ бранились и Асканьяма о томъ пенялъ, что наши служилые ихъ караульщиковъ толкаютъ. И посланникъ говорилъ, что то все учинитца для того, что держатъ взапертѣ і къ воротамъ блиско сидѣть и хотя смотрить на улицу не даютъ, а наши люди къ тому не обычны, чтобъ сидѣли взапертѣ, и на свете не слыхано того, что посланника держатъ взапертѣ, которые з добрыми делами ходятъ, и для того ссоры бываютъ. И Асканьяма говорилъ, что де своего обычая для васъ не переставятъ, а мочно де бугдыханову величеству учинить что выпускать, а какъ ты приѣдешь къ царскому величеству, чтобъ ты объявилъ буде позволитъ впредь посылать пословъ добро, а буде неизволитъ, и то на ево воли. И посланникъ говорилъ, что онъ о томъ долженъ о всемъ царскому величеству объявить і спрашивалъ после

того, что Мунгальцы и Бухарцы отъ Галдана тайши въ посланникахъ ли пришли, или для торгу, и онъ говорилъ, что они приходятъ отъ Учюрты хана и отъ Галдана съ есакомъ и для того ихъ ходить свободныхъ отпускаютъ. И посланникъ говорилъ, что тѣ рѣчи онъ Асканьяма неправдиво говоритъ, что приезжаютъ съ есакомъ, а всякие послы иноземские приходятъ къ бугдыхану и привозятъ къ нимъ поминки, а они называютъ ихъ есакомъ, и не токмо то слово намъ досадно, но и імъ не любо, для того, что и они вольные ханы. И онъ говорилъ, что де про васъ хотя и говорятъ, а говорятъ тѣ рѣчи простые мѣлкие люди. И опять говорили про торгъ, что они не пускаютъ продавать повольною ценою, такъже и купить. И ближние люди и Асканьяма говорили, буде бы тебѣ хотѣлось такъ торговать какъ и имъ и чтобъ де ты пріѣхалъ торговымъ обычаемъ такъже, а не посольствомъ. И посланникъ говорилъ, что намъ мочно быть и безъ ихъ торговъ для того что видятъ они и сами что у насъ есть лутчи ихъ шолковые и золотые всякие платья. И они говорили, что де безпрестанно вы свое хвалите, а наше хулите. И посланникъ говорилъ, что дѣло само себя хвалитъ, для того кони и оружие и платье, отласы и камни и сукна и златоглавые, и бархатъ есть и таѳты, какъ и сами видятъ. Да и прежде сего тоже хвалилъ наше и Асканьяма жъ, что виделъ, и такъ есть у насъ что носить и безъ вашего, только великій государь нашъ ево царское величество не желаетъ иного на свѣте что славу добрую, и какъ съ иными государи живетъ въ дружбе и любви и для того великій государь послалъ къ бугдыхану для дружбы и любви, а про торгъ приказалъ великій государь говорить какъ отъ нашие страны, такъже бы и отъ вашие, для того что отъ того торгу будетъ бутто свяска къ дружбе и всякой государь подданныхъ своихъ хочетъ убогатить, а какъ не будутъ ходить отъ васъ къ намъ, а отъ насъ къ вамъ послы и торговые люди, и то какъ можетъ дружба состоять. И они говорили, что де и они тому ради, только де у нихъ инымъ обычаемъ принимаютъ пословъ, а торговыхъ инымъ же обычаемъ. И посланникъ говорилъ, что торговымъ даютъ сроку только на 7 недѣль жить и въ тѣ 7 недѣль хотя продай хотя нѣтъ, і вонъ высылаютъ, а ходить имъ вольно, а посломъ з двора ходить не даютъ, і въ обоихъ странахъ приходить имъ нужно. И ближние говорили, что у нихъ обычай тотъ исстари повелся и перемѣнить нельзѣ и при ближнихъ людехъ съ Асканьямою споровались многое время. И Асканьямѣ жъ посланникъ говорилъ, для чего онъ, Асканьяма, на Науне подлинно не сказалъ, что выпуску не будетъ, а будетъ такое задержание до отпуску бутто въ тюрьмѣ, п. ч. уже отъ того запору половина людей занемогла, а иные и померли. И после того тѣ ближние люди пошли къ хану, а после ихъ

Асканьяма приходилъ съ езуитомъ и говорилъ, что де бугдыханъ слышалъ, что ваши люди на водѣ плавать очюнь горазди, такъже и нырять. И посланникъ выбралъ исъ служилыхъ людей 4 человѣка и пошли далеко за городъ и они сказывали, что де пріѣхалъ водою въ коюке позолоченомъ, а хана въ немъ не видали, а ближние люди стояли съ Асканьямою, и при хане плавали и ныряли. И привели своихъ двухъ человѣкъ, однакожде ихъ люди плавать и нырять, такъ что руские, не умѣютъ, и после плаванья привели ихъ опять всѣхъ къ посланнику на посольской дворъ.

Того-жъ числа преставился Селенгинской казакъ Михаилъ и по указу бугдыханову прислали гробъ да камку бѣлую, а велѣли ево похоронить въ томъ же мѣсте, въ которомъ похороненъ прежде сего Нерчинской казакъ, которой пріѣзжалъ въ Китай съ Игнатьемъ Милованомъ, а на похоронение велѣлі итить только 20 человѣкомъ, а больше того не отпустили, а похоронили ево за городомъ, п. ч. только нашимъ дали волю такъ явно погребсти, а инымъ вѣрамъ никакъ и бросятъ на дворѣ что скотиевы стерьвы.

Того жъ числа при вечере пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма опять и говорилъ, что люди ваши плавать горазди и ханъ хвалилъ и спрашивалъ есть ли де еще ихъ лутчи. И посланникъ говорилъ, что станетъ у служилыхъ людей спрашивать и буде лутчи тѣмъ сыщутся, и онъ ему Асканьямѣ скажетъ. И бугдыханову величеству радъ служить вседушно по силе. Такъ же говорилъ, что де бугдыханову величеству жаль о умершемъ и велѣлъ дать все что надобно къ погребенью, а похоронить ево велелъ за городомъ на поле, а чтобъ ево провожали 20 человѣкъ, а про другово больного Тобольского казака велѣлъ прислать дохтура своего, чтобъ ево лечилъ, такъже приказалъ, чтобъ своимъ служилымъ людемъ заказалъ чтобъ съ ихъ людми не ссоривались и уже де большое дѣло совершилось и мочно де купить всѣмъ безъ ссоры. И посланникъ говорилъ, что будетъ ихъ о томъ наказать, чтобъ они съ вашими людьми никакихъ ссоръ не чинили, п. ч. отъ того никакова добра нѣтъ, такъже посланникъ говорилъ, что великій государь указалъ послать з бухарцами для покупки кореню ревеню 6 человѣкъ въ городъ бухарской Туруѳанъ и оттуду пойдутъ въ государство государя нашего, а про то не сказалъ, что они пойдутъ въ Астарахань, для того что они люди подзрительные. И Асканьяма говорилъ, что де доложитъ о томъ бугдыхана, только де ѣхать ныне з бухарцами страшно, для того что межъ Галданомъ и Учюртою война великая и чтобъ отъ того чего не учинилось, и станетъ онъ спрашивать у ихъ пословъ мочно имъ ѣхать и примутъ ли, или нѣтъ. И посланникъ говорилъ, хотя де между собою у

нихъ война есть, однакожде съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ они въ миру и пословъ своихъ и посланниковъ присылаютъ, і ныне отъ царского величества есть къ нимъ грамоты и поминки небольшие и для того мочно проѣхать безъ страху. И онъ говорилъ, что о томъ о всемъ бугдыхану доложатъ и о томъ что укажетъ. И послѣ того отъѣхалъ.

Июля въ 19-й день приходилъ къ посланнику Учюртинъ посолъ лама и привелъ съ собою Смоленского шляхту рейтарского строю полковника Денисова полку и сказалъ что де взяли ево подъ Полоцкимъ исъ полку боярина и воеводы князя Ивана Ивановича Хованского поляки тому лѣтъ съ 15 и продали татаромъ, а татары калмыкамъ, и билъ челомъ великому государю, чтобъ ево отъ лабы выкупить. И посланникъ Учюртинъ говорилъ, что де у нихъ продавать людей грѣхъ, а великому государю онъ лаба ударитъ челомъ безъ окупу, а посланникъ ему противъ того обещался подарить, что онъ хочетъ, и онъ говорилъ что де станетъ думать съ товарищемъ своимъ и после того опять придетъ.

И того жъ числа звали въ приказъ талмача для того, что де съ Учюртиными людьми въ приказе говорили, и они сказали, что де взять рускихъ людей съ собою не смѣютъ, а было имъ приказано отъ китайцовъ такъ говорить, что не примутъ рускихъ людей.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . величество у бугдыханова величества двухъ человѣкъ. И посланникъ говорилъ, что просили для того, слышали, что у васъ есть мастеры добрые къ мостовому дѣлу, а что къ полатамъ мастеровъ много і въ Московскомъ царстве, такъже спрашивалъ про звѣри, какие родятца и про иные дела про розные.

И будучи онъ у посланника, пришли отъ хана и звали его вверхъ, а алихамба вверхъ пошелъ, а посланникъ остался съ заргучеемъ и посидѣвъ немного, пришли езуиты, Алихахава, да старый, который еще былъ при Никанцахъ, какъ владѣли царствомъ Никанскіе цари, тому лѣтъ 45, и для того нынѣшняго хана жаловалъ, также и нынешней ханъ его жалуетъ. И говорили они посланнику, что посылалъ по нихъ богдыханъ и звали ихъ для того, что нынѣ у нихъ хотятъ новое дѣло дѣлать для царскаго величества самъ бугдыханово величество въ крайней своей палатѣ, гдѣ житьемъ живетъ, хочетъ тебя потчивать при себѣ, а прежде сего у Никанскихъ и Китайскихъ хановъ не токмо сидѣти, но и видѣть не даютъ, и они сами удивляются, какъ они чрезвычай поступаютъ, а ихъ звали для толмачества и чтобъ сказали, какъ ведется обычай ихъ,

да и они сами рады, для того что честь царскому величеству и всему христіанскому народу слава.

И будучи они съ посланникомъ, приходили хановы ближніе скопцы и смотрили на посланника и сидѣли за воротами часа съ 3 и больше, и было уже больше полудня часа 2 и тогда собрались всѣ чиновные люди къ хану, а были въ иныхъ платьяхъ съ сулемами въ кавтанахъ воинскихъ золотныхъ, не въ тѣхъ, какъ были прежде сего у поклону опричь приказныхъ людей, которые сидятъ у дѣлъ въ приказѣхъ. И послѣ того пришелъ къ езуитомъ ближній человѣкъ и говорилъ, что де предъ хана идти время и езуиты съ посланникомъ пошли и прошли 5 мостовъ, которые и прежде сего, какъ были у поклону, переходили, и противъ средняго моста два льва мѣдные литые самые великіе; и послѣ того пришли на то мѣсто, гдѣ поклонились хану и гдѣ лежатъ 300 маленькихъ камешковъ мѣдныхъ, и какъ пришли къ тѣмъ маленькимъ штучкамъ, встрѣтилъ Алихамба, да Аксаньяма и велѣли идти поскорѣе, потому что уже ханъ ожидаетъ, и шли съ поспѣшеньемъ и пришли къ лѣстницѣ мраморной, а на той лѣстницѣ ступеней съ 18, и пришли на крыльцо предъ великую палату, гдѣ ханъ прежде сего сидѣлъ, какъ на поклонѣ были, и крыльцо то великое устлано мраморомъ и около крыльца сдѣланы зубцы мраморные, а на зубцахъ поставлены мѣдные кумганы, въ которыхъ кладутъ разные духи и жгутъ, какъ ханъ бываетъ въ той палатѣ и тѣмъ всѣмъ палатамъ учиненъ чертежъ подлинный, да у той же великой палаты на обѣихъ сторонахъ стоятъ караулы человѣкъ по 20 съ сайдаками и съ копьями и пришли въ ту палату, гдѣ мѣсто ханово, и та палата гораздо велика, а дѣлана изъ кирпичей, а въ вышину та палата сажень въ 12, а стоитъ на столбахъ деревянныхъ на двѣ статьи въ два ряда и всѣхъ ихъ числомъ 18, и изъ того числа 4 столба вызолочены золотомъ, а мные росцвѣчены краскою красною, а толщиною тѣ столбы обойма въ два, а потолокъ велми строенъ и вырѣзано и выписано золотомъ и расцвѣчено красками, а въ срединѣ той палаты противъ ханова мѣста учинена лампада изъ хрусталю, а ханово мѣсто деревянное и вырѣзано и росцвѣчено золотомъ, а мѣсто учинено широко, и лѣстницъ къ мѣсту много, а мѣсто сдѣлано турскимъ обычаемъ, а палата устлана коврами великими съ разными краски. Да противъ того жъ ханова мѣста съ обѣ стороны по дверямъ сдѣлано проходные и знатно, что тѣ двери учинены къ переходомъ. И прошли тое палату сквозь и опять пришли на крыльцо, и то мѣсто высокое и видитъ горы высокія и сады и въ садахъ иныя хановы палаты и за крыльцомъ той большой палаты сдѣлана палата круглая небольшая, и та палата была затворена, и прошли мимо, и за палатою лѣстница сходъ доловъ съ крыльца, и у той

палаты, гдѣ ханъ сидѣлъ отъ того мѣста, гдѣ поставили къ поклону, было сажень съ 20 и больше. И Алихамба велѣлъ поклонитись, и хану поклонились противъ прежняго: 9-ю трижды сѣдясь на колѣни и девяють (sic) главу преклонши, а ханъ въ то время сидѣлъ на мѣстѣ своемъ и послѣ поклону взялъ алихамба и повелъ по лѣвой сторонѣ той палаты, гдѣ ханъ сидѣлъ, и взяли посланника предъ хана, и въ палатѣ ханъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а около ханова мѣста и по всей палатѣ сидѣли чиновные люди человѣкъ съ 300 съ перьями павлиными а съ правыя хановы руки сидѣли Колай, да позади хана стояли по 4 человѣка съ копьями и съ сулемами, а на копьяхъ мохры волосы лошадиные красные, а ниже мохровъ хвосты бабровые и не доходя, да Колай Алихамба посланника задержалъ, а ханъ послалъ Колая и мѣсто посланнику, гдѣ сидѣть указалъ мало непротивъ Колаевъ, а передъ посланникомъ до хана никто не сидѣлъ, а подушку красную его посланникову положилъ подъ посланника самъ Алихамба и, положа подушку, велѣли поклониться однижды и послѣ поклону велѣли сѣсть, а дворяномъ и попу и подъячимъ и дѣтямъ боярскимъ велѣли сѣсть за посланникомъ на двѣ статьи отъ посланника сажени съ полъ 2 и поклонились такожде и сѣли въ два ряда. И послѣ того призвалъ ханъ племянника своего Колая, который прежде сего принесъ государскія грамоты, а Колай взялъ двухъ езуитовъ предъ хана, и пришли къ хану съ правыя стороны и стали Колай и езуиты на колѣнехъ, и говорилъ имъ ханъ потихоньку, и послѣ того пришли всѣ трое къ посланнику и говорили потихоньку жъ, чтобъ посланникъ всталъ на колѣни, и езуитъ Алихахава учелъ говорить: великій самодержецъ всего китайскаго государства ханъ спрашиваетъ в. г. всеа Росіи самодержецъ бѣлый царь въ добромъ здоровьѣ.

И посланникъ говорилъ: Божіею милостію в. г. ц. и в. кн. Алексѣй Михайловичъ всея велик. и м. и б. Росіи самодержецъ, какъ мы поѣхали отъ в. г. отъ его ц. в., и тогда оставили на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здравіи и въ счастливомъ государствованіи, и желаетъ в. г. его ц. в-ство бугдыханову в-ству также долголѣтнаго здравія и благополучнаго государствованія, какъ налюбезнѣйшему сосѣду и другу; и послѣ того опять пошли всѣ трое вмѣстѣ къ бугдыхану и опять стали на колѣнехъ и говорили: бугдыханово в-ство спрашиваетъ три предложенія—ц. в-ство сколькихъ лѣтъ и какимъ возрастомъ и сколь давно царствовати началъ.

И посланникъ имъ говорилъ, что в. г. его царское в-ство лѣтъ въ пятьдесятъ, а возрастомъ совершеннымъ и преукрашенъ всякими добродѣяніи, а какъ Божіею милостію царствовати началъ, тому больше 30 лѣтъ. И опять пошли къ хану и извѣстили и опять къ посланнику при

шли и спрашивали, сколько ему посланнику лѣтъ, также говорили, что слышалъ де бугдыханъ, что ты человѣкъ ученый и велѣлъ де спросить, учился ли философію и въ математическихъ и про тригономѣріе учился ли жъ?

И посланникъ говорилъ, что возрастомъ есть лѣтъ съ сорокъ, а про ученіе сказалъ, что учился, какъ о томъ знаютъ езуиты и съ ними говаривалъ многижды, а ханъ де спрашивалъ для того, что онъ ханъ у езуитовъ учился тригономѣрію и про звѣздословіе, и какъ спрашивали опять къ хану возвратились и сказали, а опричь того ханъ не спрашивалъ ничего, а посланникъ сидѣлъ отъ хана будетъ сажень съ 8, и видно было гораздо, а платье на немъ было подъ исподомъ кафтанъ лазоревый, а верхнее было, какъ и на боярахъ, черное съ золотомъ и шапка тѣмъ же подобіемъ только напереди было зерно жемчужное велпкое величиною съ орѣхъ небольшой, а на шеѣ были четки жемчужныя жъ зерные великія, потому что у всѣхъ бояръ и у ближнихъ людей чотки деревянныя и костяныя мѣшаны съ корольками красными, а на мѣстѣ, гдѣ ханъ сидѣлъ, былъ тюшакъ тафты лазоревой же, а возрастомъ человѣкъ средній и шадровитъ лицомъ гораздо и черноватъ, усы малые черные, 23 лѣтъ ему, а мѣсто, гдѣ сидѣлъ ханъ, деревянное, вырѣзаны всякія травы и змѣи и росцвѣчено золотомъ и красками, какъ и въ большой палатѣ, а вышиною будетъ въ сажень. А послѣ того принесли предъ хана столъ невеликъ два ближніе боярина, а на столѣ были овощи розныя и ѣствы на блюдахъ золотыхъ и поставили предъ хана, и послѣ того поставили столы предъ Колаемъ и потомъ предъ посланника. А посланнику былъ столъ одному и сидѣлъ одинъ же, а ближнимъ людемъ тремъ одинъ столъ, а дворяномъ и попу и подьячимъ и дѣтемъ боярскимъ двумъ столъ, и какъ ханъ учалъ ѣсть, и ближніе люди встали на колѣни и посланнику также велѣли на колѣни встать и поклонились до земли однижды. И послѣ того ханъ послалъ на золотыхъ блюдахъ Колаемъ овощей одно блюдо, а посланнику на двухъ золотыхъ блюдахъ, на одномъ яблоки персидскія, а на другомъ комфети розныя, также и къ дворяномъ и ко всѣмъ и къ подъячимъ и къ дѣтемъ боярскимъ ханъ по одному блюду на столъ посылалъ же, и тогда ханъ приказалъ звати Асканьямѣ, а какъ предъ хана идутъ, и они всѣ бѣгутъ и при немъ падутъ на колѣни и слушаютъ, а Асканьяма, тотъ который къ намъ приставленъ испрашивалъ его, не знаю о чемъ, много и опять возвратился, а Алихамбу и Асканьяму и езуитовъ посадили вонъ изъ палаты за дверьми, и былъ имъ столъ одинъ. И послѣ того ханъ послалъ къ посланнику на золотомъ блюдѣ арбузъ красный розрушеной и столъ былъ съ часъ, а послѣ того съ столовъ собрали ближніе люди блюды всѣ, а столы еще не

приняли и предъ хана приняли на двухъ великихъ золотыхъ блюдахъ дыней маленькихъ и одно блюдо послалъ испередъ себя къ посланнику, а обычай у нихъ—сидитъ на мѣстѣ своемъ и принимаетъ обѣими руками тотъ, кому пошлетъ, подать, и кладутъ на столъ, а послѣ, не вставая, поклониться до земли и ѣсть, и какъ ѣли дыни, и поноровя немного испредъ хана взяли все, да предъ ханомъ же стояло блюдо яшмовое великое, а что на немъ было, того невѣдомо, а по лѣвую сторону хана была паникадильцо, и въ немъ горѣли духи разные, покамѣстъ ѣли, а по обѣимъ сторонамъ хана были будто два стола небольшіе, а покрыты желтыми тафтами, и взяли испредъ хана столъ, также испредъ всѣхъ, и послѣ того принесли иной столъ и поставили у дверей противъ хана, и одна была на столѣ чаша великая серебряная, и въ ней было вино виноградное, а наливали въ чашки золотыя ложкою серебряною долгою, и, наливъ чашку золотую, принесъ предъ хана ближній человѣкъ, и ханъ тое первую чашку велѣлъ поднесть посланнику. И пришелъ къ посланнику Алихамба и езуитъ и велѣли посланнику двигнуться съ полсажени съ мѣста и чашку принелъ и взялъ въ лѣвую руку и поклонился на правую до земли и пилъ, а питье было виноградное, самое доброе ренское, а то питье дѣлали езуиты про хана по вся годы; и какъ выпилъ и послѣ того опять также поклонился и поклонясь сѣлъ на мѣсто свое. И послѣ того пришли Алихамба и Асканьяма и взяли дворянъ и прочихъ и привели предъ хана прямо къ дверямъ и налили чашки золотыя того жъ питья всякій по чашкѣ и поднесли, и какъ велѣли поклонитись и послѣ поклону пили, а какъ выпили опять поклонились и пришли на мѣсто свое и опять велѣли поклонитись, а китайскимъ бояромъ послѣ того подносили чай въ деревянныхъ чашкахъ. И какъ чашки. . . . . .

. . . . . .

И посланникъ говорилъ, что у нашего великаго государя непріятелемъ продавать заказъ великой, а пріятелемъ заказу нѣтъ. И у насъ, какъ сами видятъ, всякое оружие есть доброе, только для того, что изъ іного государства диковины. И алихамба говорилъ, что де будетъ ждать времяни и какъ будетъ время о томъ хану доложитъ и отповедь учинитъ и отъѣхалъ. Того-же числа после полудня пріѣхалъ Асканьяма и съ нимъ ближней человѣкъ и говорили, что де бугдыханъ, видя высшихъ людей бесчестие, что ходятъ около города безъ караульщиковъ, велѣлъ тебѣ сказать, что отпускъ будутъ вскоре. И посланникъ говорилъ, что о томъ воля бугдыханова, только ничего не продалі і не купили еще, и онъ говорилъ, что де бугдыханово величество повелелъ бы жить сколько хочете, только для невежества людей высшихъ велитъ отпустить вскоре потому, чтобъ не учинились ссоры, а вѣдаемъ и мы, что отъ тебя ничего нѣтъ,

только дурно дѣлаютъ служилые люди и пусто ходятъ и больши того терпѣть не можемъ. И посланникъ говорилъ, хотя и около города ходятъ а никакова дурна или осмотръ не дѣлаютъ. И послѣ того Асканьяма говорилъ, что де бугдыханъ велѣлъ взять 4 человѣкъ, которые бъ умѣли плавать новыхъ. И посланникъ выбралъ исъ служилыхъ людей 3 человѣкъ и послалъ съ Асканьямою и при хане по прежнему на рекѣ плавали и ханъ гораздо ихъ хвалилъ. И опять пришли на подворье съ Асканьямою и говорилъ Асканьяма по прежнему, чтобъ вездѣ ходили, а около города отнюдь не ходили, а никакова дурна отъ нихъ нѣтъ, п. ч. городы каменные и у насъ есть и крѣпчее тѣхъ и не для того пріѣхали мы, чтобъ городы ваши смотрили, только они люди служилые и много въ запертѣ жили и больны были, а ныне гуляютъ для здоровья своего, а не для иного чего.

Іюня въ 20-й день посылалъ въ приказъ подъячаго и толмача і говорили, что Учюртинымъ людямъ дѣла нѣтъ, а пойдутъ наши люди з бухарцами, которые бухарцы бывали на Москвѣ по трижды и больши и съ служилыми людми есть братья названые и пойдутъ наши люди безъ нихъ, и о томъ бы они не печалились. И подъячей и толмачъ пришедъ сказали, что алихамба пошелъ докладывать хана, и о томъ, что бугдыханъ укажетъ.

Того-жъ числа посланникъ спрашивалъ у Китайскаго большего толмача Солома, что сказывали наши люди, которые ходятъ для покупки товаровъ, что продаютъ де все въ одной лавке, и та лавка чья она. И толмачъ говорилъ, что де та лавка купчины богатого да и хановы товары есть же въ той лавке и для де того въ одной лавке и продаютъ, а и товаровъ въ той лавке зѣло много, а въ иныхъ де лавкахъ товару понемногу и знатно, что и хановъ товаръ и лавки, п. ч. отъ бугдыхана продаютъ всякие товары и мѣлочи, дрова и сѣно и прочее, тамъ-же и предъ вратами посольскими поставленъ кабакъ съ ханскаго кружечнаго двора и продаютъ всякие разные питья, да и то де питие вино, что приносятъ отъ хана по вся дни на кормъ, съ кружечнаго жъ двора жъ. А тому толмачю Солому и прочимъ товарищемъ ево многижды посланникъ говорилъ и роспрашивалъ, какие у нихъ дорогие каменья сыщутся. И они говорили, что у нихъ алмаза нѣтъ, такъ же и яхонтъ красный на мале сыщется, изумруды такъ же рѣтки, а хотя и сыщутся небольшое мѣсто и невелики и тѣ гораздо цѣнны. И принесли къ посланнику алмазы для отвѣдывания, такъ же и яхонты красные и изумруды и проспли за нихъ противъ московскаго десять цѣнъ. А яхонты лазоревые и желтые, также и лалы множе есть, только нечисты и мѣлки, а хотя сыщутся и велики, а во всемъ чисты рѣтко живутъ, п. ч. у нихъ больши продаютъ

самородныхъ, нежели алмазныхъ, а ныне на мале живутъ для того что въ тѣхъ странахъ, гдѣ родятца и откуду придутъ, ныне война. И посланникъ говорилъ, чтобъ они радѣли сыскать такого каменя лала, чтобъ былъ чистой и великъ. И они говорили: не знаемъ ни у кого такого каменя кромѣ того что знаютъ у боярина китайскаго, а тотъ лалъ великой вѣсомъ по пхъ 11 золотниковъ слишкомъ, только тотъ камень гораздо дорогъ и не будутъ у тебя посланника столько денегъ, чѣмъ ево купить, п. ч. и галанцы пытались ево купить, а не было у нихъ столько денегъ. И посланникъ говорилъ, чтобъ тотъ камень показали видеть и буде онъ годенъ, тогда мочно торговать и хотя у меня столько нѣтъ, мочно взаимъ взяти отъ своихъ, а буде и такъ не могу купить, и тогда государству ихъ слава будетъ, что такой камень въ Китаехъ сыщется, что послы и посланники иныхъ государствъ не могутъ купить. І по многіе дни ходили они по тотъ камень і езуиты про тотъ камень знали жъ и сказали, что у нихъ иного такого каменя въ царстве ни у кого нѣтъ. И билъ челомъ посланникъ и имъ, чтобъ они радѣли, чтобъ тотъ камень видѣть і на силу тотъ бояринъ съ своимъ человѣкомъ и съ толмачами послалъ и запечатанъ въ ящике и пришитъ на атласе, и показали посланнику и виделъ и вѣсили и спрашивалъ, что ему цѣна, и говорили, что меньши 8.000 ланъ серебра отнюдь не дадутъ. А посланникъ, вѣдая ихъ лукавство, говорилъ, что ему ненадобенъ и негоденъ и чтобъ они нашли лутчи того. И они говорили, что лутчи того въ Китаехъ нѣтъ и не бывалъ и мочно ему провѣдать, буде не вѣритъ, и отъ иныхъ. И посланникъ за тотъ камень не подалъ ничего и не торговалъ, и они взяли и пошли назадъ, а посланникъ съ стороны говорилъ езуитамъ, чтобъ они бутто про себя торгуютъ, чтобъ не догадались, да и толмачи говорили что они то дѣло въ тайне дѣлаютъ, чтобъ бугдыхану было не слышно, а имъ бы за то не учинилось наказанья. И про того каменя написано ниже въ своемъ мѣсте. А иные мѣлкіе каменья, лалы и яхонты всякие носили не въ тайне многие, только мѣлки и нечисты, а которые были немного чисты, и тѣ безмѣрно дороги, а что мѣлкие каменья наипаче яхонты и искры многое множество, а все продаютъ съ лукавствомъ и не стыдятся, і что стоитъ лана, а они просятъ сто, да и во всѣхъ торгѣхъ такихъ лукавыхъ людей иныхъ на свете нѣтъ. А знатно то, что приказано было толмачамъ отъ бояръ такъ въ торгу лукавствовать п. ч. однижды торговали они у посланника сукно доброю ценою и въ то время приѣхалъ Асканьяма съ иными бояры и какъ виделъ, что толмачи сукно торговали дорого, при посланникѣ бранилъ и устрашилъ и толмачи то сукно отдали назадъ и сказали, что купить и иного ничего безъ ихъ вѣдома не смѣютъ. И все то дѣлали, чтобъ корысть осталась

имъ боярамъ, а не намъ, п. ч. приставлены были ихъ люди и торговали и купили и продавали всякой товаръ на подворье и въ лавкахъ.

Июля въ 21-й день присылалъ къ посланнику алихамба исъ приказу, чтобъ къ нему прислалъ толмача, и толмачъ въ приказъ ходилъ, а въ то время въ приказе были калмыки и бухарцы. И алихамба толмачу говорилъ, что калмыки и бухарцы людей вашихъ принять не хотятъ. Также калмыки и бухарцы говорили, что имъ русскихъ людей взять нельзѣ, для того что стоитъ у нихъ война великая, а знатно то, что научилъ ихъ алихамба по указу бугдыханову, чтобъ русскихъ людей съ собою одноконечно не взять, а калмыки и бухарцы талмачю подлинно сказали, что они одноконечно съ собой посольскихъ людей не возьмутъ, и то все отъ наученья ихъ, а прежде сего они говорили посланнику, чтобъ людей съ собою взять ради, только де безъ ихъ вѣдома взять не смѣютъ, для того хотя де съ нами и поѣдутъ, однакожде ихъ на рубеже задержатъ и съ ними не отпустятъ.

Того-жъ числа посылалъ окупу за полоненика 2 лисицы черные съ черевы и съ лапы, цена китайская 20 ланъ, 6 хребтовъ чернобурыхъ, цена 20 ланъ, взяты изъ бунта, ценою по 17 рублевъ, 10 хребтовъ красныхъ, по 26 ал. по 2 де. хребетъ; цена по китайски 20 ланъ. А какъ тѣ лисицы калмыцкому лабѣ принесли и онъ смотрѣлъ и говорилъ, что де надобно еще сверхъ того съ ланъ сребра, да въ то же время говорилъ бухаретинъ тому-жъ лабѣ, что дастъ онъ ему лабѣ за руского человѣка три человѣка полоняниковъ калмыковъ, а онъ того полоняника выведетъ къ великому государю къ Москве и за того полоняника окупъ озьметъ, для того что онъ на Москвѣ бывалъ многажды. И лаба бухаретину на обмѣнъ не далъ же. И после того пришолъ къ посланнику самъ лаба и съ посланникомъ о полоняпке договоръ учинилъ и посланникъ сверхъ прежнихъ лисицъ далъ лабѣ лисицу чернобурую цѣлую съ лапы и съ хвостомъ да выдру, цена лисицѣ 12 ланъ, а выдре 5 ланъ, і всего за него по китайской цѣнѣ дано 75 ланъ, а по московской ценѣ на 32 рубли и въ тотъ день не послали.

Июля въ 23-й день приходилъ къ посланнику бухаретинъ и сказалъ, что де пришолъ къ большой стѣнѣ караванъ велпкой, калмыки и бухарцы человѣкъ съ . . . а русские товары у нихъ есть, или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, а есть де у нихъ кони и есыри, а идутъ они отъ Галдана да отъ Учюрты тайшей, да тотъ же бухаретинъ говорилъ. что онъ давалъ за руского полоняника трехъ есырей калмыцкихъ і лаба у него не взялъ, а что де посылано было великого государя изъ казны лисицъ черныхъ и красныхъ на 60 ланъ, и тѣ лисицы онъ не принялъ же. И служилые люди и талмачь, которые посыланы были къ нему лабѣ

на калмыцкой дворъ, по посланникову приказу говорили, чтобъ онъ лисицы принялъ, и онъ де за того руского человѣка лисицъ не принялъ, и ныне буде онъ лаба хочетъ того полоняника отдать, и посланникъ пришлетъ за него 100 ланъ серебра. И онъ въ томъ отказалъ же, а просилъ вышеписанного числа 18 лисицъ черныхъ, да 200 ланъ серебра.

Июля въ 24-й день принесли къ посланнику на дворъ 5 столовъ во всемъ противъ прежняго, и тѣ столы розданы дворянамъ и служилымъ людямъ по прежнему жъ.

Июля въ 26-й день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и говорилъ, что онъ давно не былъ для того, что былъ боленъ, а нынѣ пріѣхалъ онъ для того, что слышалъ онъ, что наши люди съ ихъ китайскими караульщики ссорятца, и какъ бугдыханъ услышитъ, и тогда никакова добра не будетъ и дела де обонхъ великихъ государей не совершатся. И посланникъ говорилъ, что ссорятца для того, что великого государя служилыхъ людей для покупки всякихъ товаровъ караульщики не выпускаютъ и хотя и пустятъ небольшихъ, ведутъ они гдѣ хотятъ караульщики; а не туды, гдѣ наши хотятъ. И Асканьяма говорилъ, что де еще приказали быть другому заргучею и велѣли выходить для покупки человѣкъ по 20 и по 30, да сверхъ того приказалъ выпускать хто хочетъ итить на калмыцкой и на бухарской дворы для покупки верблюдовъ. Такъ же говорилъ, буде не престанутъ отъ ссоръ и учинитца о томъ бугдыхану вѣдомо, и тогда велитъ разослать по приказамъ памяти, чтобъ рускимъ людямъ ничего не продавали и у нихъ не покупали жъ и тотчасъ исъ царства вонъ бугдыханъ велитъ выслать. И посланникъ говорилъ, что воля бугдыхану, хотя ныне велитъ ѣхать исъ царства, а естьлибъ великого государя служилымъ людямъ ходить была воля, и тогда бы никакие ссоры не было. И Асканьяма говорилъ, что де не мало людей и такъ для покупки впредь станутъ выходить, о чемъ и бугдыханъ не вѣдаетъ, только они то дѣлали, и чтобы ходили и купили смирно и никакие бъ ссоры не учинили для того что еще і обонхъ великихъ государей дела не совершились, а есть ли что учинитца, и тогда въ дѣлахъ великого государя учинятъ великую спону и после того дела добромъ не совершатся. И посланникъ говорилъ, что приходя служилые люди бьютъ челомъ, что де товаровъ имъ нигдѣ не продаютъ, а продаютъ де только въ одной лавке. И посланникъ спрашивалъ, та лавка бугдыханова, или ближняго человѣка, для того что въ иныхъ лавкахъ не токмо продать, но и не покажутъ, да въ той же лавке продавали камки чайки среднюю руку по лану по чину, а ныне прибавили еще по чину. И Асканьяма говорилъ, что у бугдыхана лавокъ нѣтъ, а пошлетъ онъ завтра старого своего знающего человѣка и товары

велитъ къ себѣ принесть и тогда имъ цѣну скажетъ, а про людей, которыхъ хотѣлъ послать на Астрахань, сказалъ, что де они отпустить ради бы были, для того чтобъ имъ было въ кормѣхъ и въ подводахъ прибыль, только де тѣхъ людей калмыцкій лаба принять не похотѣлъ, для того что у нихъ война великая и могутъ ли они сами проѣхать, или нѣтъ і безъ нихъ, того самъ онъ не вѣдаетъ.

Того жъ числа посылалъ посланникъ къ лабѣ талмача съ лисицами, чтобъ полоненика взять, и какъ талмачь на дворъ пришолъ, а лаба съ караваномъ своимъ з двора съѣхалъ, и талмачь того лабу сустигъ на дороге и говорилъ, чтобъ онъ лисицы принелъ, а полоняника бъ отдалъ. И лаба лисицы принялъ по договору, какъ писано выше сего, а полонянина отдалъ.

Того жъ числа полоняникъ Смоленского города рейтарскаго строю, Денисова полку Денисова сына Ѳедоръ Павловъ сынъ Александровичъ распрашиванъ, а въ распросе сказалъ: въ прошломъ въ 167-мъ году взятъ де онъ въ полонъ исъ полку боярина и воеводы князя Ивана Ивановича Хованскаго подъ Полоцкомъ, а взяли де ево поляки, а после того у поляковъ отбили черкасы, гетманъ Брюховецкой, и Брюховецкой продалъ ево калмыкомъ, Мичаку тайшѣ, который кочевалъ подле Волги реки. А жилъ онъ въ полону у Мичака тайши 3 годы и после того тотъ калмыцкой тайша продалъ калмыцкому Учюртѣ хану и жилъ де онъ у Учюрты 15 лѣтъ. А родомъ онъ Ѳедоръ Мстиславскаго уѣзду села Доброго шляхецкой сынъ, а великому государю служилъ рейтарскую службу по Смоленску. Онъ же сказалъ, что де онъ знаетъ Астраханскую дорогу въ Китай, для того что онъ межъ Астрахани въ Калмакахъ жилъ 15 лѣтъ и вмѣсте съ калмаками ходилъ въ Китай тому ныне третей путь, а языкъ калмыцкой знаетъ гораздо.

Июля въ 28-й день приѣзжалъ къ посланнику алихамба и говорилъ, что де ваши служилые люди ихъ китайскихъ караульщиковъ бьютъ и ходятъ гдѣ хотятъ около города для гулянья, а не для торгу, и буде о томъ бугдыханово величество услышитъ, и тогда велитъ выслать исъ царства вонъ, а ныне велено выпускать для торгу человѣкъ по 20 и больши и сколько хотятъ, только бъ ходили съ караульщики и ходили смирно. А вчерашнего де дня ходили многие люди около города кругомъ, которыхъ де и самъ бугдыханъ виделъ, и чтобъ одноконечно своимъ служилымъ людямъ заказалъ, чтобъ они съ караульщики не дрались, а все они имѣли подзрѣние, чтобъ не расмотрили ихъ городы и для того пеняли. И посланникъ говорилъ, что онъ про то не слыхалъ, для того что отъ караульщиковъ вашихъ челобитья великого государя на служилыхъ людей не бывало, а впредь имъ за то наказанье жестокое учнетъ чинить

чтобъ впредь ни о чемъ не ссорились и безъ караульщика не ходили жъ. И после того говорилъ ему, чтобъ поволили купить сулемы и луки, и алихамба говорилъ, что де того безъ вѣдома бугдыханова учинить не смѣетъ для того что у нихъ въ томъ чтобъ иноземцамъ не продавать заказъ великой и обычай у нихъ старый, чтобъ никому не продавать и о томъ и доложить не смѣетъ.

Августа въ 1-й день преставился Тобольской казакъ Петръ Пошехоновъ, а похороненъ въ томъ же мѣсте, гдѣ прежние, а исъ приказу прислали камку бѣлую да домовище противъ прежняго.

Августа по 6-е число у посланника алихамба и Асканьяма не бывали, а Асканьяма не бывалъ для того, что былъ боленъ, а про здравие къ посланнику спрашивать присылали по часту. И въ тѣхъ дняхъ, въ которыхъ они не приѣзжали, были дожди великие, и продажа великого государя казны была зѣло худа. А дорогою Асканьяма хвалился, что у нихъ есть въ царстве такие торговые люди, что одинъ можетъ откупить на 100 тысячъ ланъ, а какъ ныне видели въ царстве и проходили торговые лутше ихъ и купили ланъ на 50 и меньше а иные вдругъ не купятъ и на 20, только пришли многие и еще на посмѣхъ давали противъ прежняго четвертую долю и наши бранили ихъ и вытолкали вонъ изъ подворья.

Августа въ 7-й день приѣзжали къ посланнику бугдыхановы ближние люди, одинъ который прежде присыланъ былъ отъ хана посланника живописать, а другой что въ начале приѣхалъ, когда спрашивалъ езуита можетъ ли посланникъ по латыне говорить, и спрашивали посланника про здравье и говорили, что де Асканьяма лежитъ боленъ, а ихъ прислалъ бугдыханъ, чтобъ ты царскаго величества посланникъ далъ которые бъ умѣли лутче всѣхъ плавать 6 человѣкъ. И посланникъ выбралъ тотчасъ 6 человѣкъ и послалъ съ ними вмѣсте и взяли кони и повели наскоро въ то жъ мѣсто, гдѣ прежде сего плавали, и въ томъ мѣсте каючекъ былъ украшеной золотомъ, а кто въ томъ каючке былъ, того они не видали, а видели только на берегу ближнихъ людей колаевъ, и плавали долгое время, и опять отпустили назадъ на посольскій дворъ.

Августа въ 8-й день приѣхалъ съ Науну Наунской меншой воевода, а съ собою привезъ къ хану есаку, который они збираютъ з Даурскихъ мужиковъ по соболю съ человѣка по доброму по вся годы по 100 сороковъ, и былъ у посланника и сказалъ, что люди, которые оставлены на Науне, всѣ здоровы, такъ же и скотъ, кони и верблюды здоровы жъ, а солгалъ онъ, п. ч. писали люди, которые оставлены были, что скота тамъ пропало много.

Будучи намъ въ Пежине, отъ бугдыхана заказъ былъ жестокой

чтобъ рускимъ людямъ ничево желѣзнова и мѣдново, котловъ, сулемъ, сайдаковъ и луковъ и стрѣлъ и ножей и стремянъ седельныхъ не продавать, а служилые люди покупали въ тайне, и у которыхъ находили, и тѣмъ деньги отдавали назадъ, а сулемы и котловъ и иное, что ни есть желѣзное, покупать не давали. А заказъ былъ у нихъ къ своимъ людямъ подъ заповедью, а про порохъ такъ же у нихъ заповедь подъ смертною казнью для того что у нихъ порохъ есть, только плохъ гораздо, такъ же про порохъ и про сулемы и про сайдаки и про всякое желѣзное и мѣдное заказъ есть же, чтобъ и калмакомъ и бухарцомъ не продавали жъ. А живучи въ царстве, въ городе Пежине на посольскомъ дворѣ пропажи были во всякихъ товарахъ многие, а все крали ихъ китайские люди, и многихъ изъ нихъ поймали и связали и били, і нѣтъ такихъ воровъ, что китайцы, и буде не побережетца человѣкъ и пуговицы у портищъ обрѣзываютъ, и мошенниковъ зѣло много, и шапокъ добрыхъ украли жъ, такъ же и челядь боярская воровали и крали много жъ.

Августа въ 9-й день посылалъ посланникъ въ приказъ толмача къ алихамбѣ, для того что слышали, что посланнику отпускъ будетъ вскоре, чтобъ онъ алихамба къ посланнику изволилъ приѣхать и о дѣлехъ обоихъ великихъ государей переговорить для того чтобъ не былъ отпускъ невзапно. И алихамба толмачю говорилъ, что де то дѣло не ево, а говорили бъ о томъ Асканьямѣ, п. ч. онъ у посланника приставленъ, только онъ алихамба сказалъ, что отпускъ будетъ вскоре и чтобъ покупали и продавали поскорѣе. И посланникъ того жъ числа посылалъ къ Асканьямѣ, а Асканьяма говорилъ, что де алихамба говоритъ неправду, а то де дѣло ево, и надобно ему о всемъ доложить. И въ томъ же числѣ приѣхалъ езуитъ Алихахава и говорилъ, что де онъ съ Асканьямою виделся и ему сказалъ, что де еще дни два, или три и после того станутъ бугдыхановы поминки роздавать и после того будетъ вскоре и отпускъ. И сказалъ обычай ихъ какъ они роздаютъ поминки, что подданнымъ своимъ и о томъ бы была тебѣ вѣдомость, а ему Асканьямѣ притить недосужно, для того что де дѣла у него въ приказе многие, да и сверхъ того онъ Асканьяма боленъ. І посланникъ езуиту говорилъ, чтобъ онъ сыскалъ грамматику китайскую и онъ говорилъ, что де сыскать китайскую грамматику здѣсь невозможно, для того что у нихъ грамматики нѣтъ и еще не дѣлана. А онъ де Алихахава пошлетъ къ великому государю книгу отъ себя, что онъ дѣлалъ въ Китаехъ «Мапи», се есть китайские чертежи, и листъ къ великому государю, только чтобъ было въ тайне и никто не зналъ, ни ево братья езуиты, п. ч. у нихъ люди подозрительные, и онъ опасаетца. Такъ же посланникъ говорилъ, чтобъ онъ поговорилъ ханову живописцу, который ево посланника по указу ханову живописалъ, чтобъ онъ напи-

салъ ханову персону. И езуитъ говорилъ, что де онъ тому радъ, только опасается бугдыхана чтобъ хто про то дѣло не обнесъ. И посланникъ ему говорилъ, хотя хто про такое дѣло и обнесетъ и къ нему посланнику про то спрашивать пришлютъ, и онъ имъ скажетъ, что есть свой живописецъ и чтобъ онъ тому живописцу сказалъ, что за такое дѣло ево посланникъ подаритъ чѣмъ ему хочетца. А про каменья, что выше сего писали, опять спрашивалъ и онъ говорилъ, что опричь того каменя, иного не знаетъ и сыскать не мочно, и тотъ чрезъ талмачей буде возможно взять, а инымъ обычаемъ нельзѣ. Такъ же онъ езуитъ съ товарыщи билъ челомъ посланнику, чтобъ далъ имъ въ костелъ для вѣчнаго воспоминания какую-нибудь икону, и они станутъ молить Бога за царское величество, п. ч. приходящие въ Китай руские люди всегда ходятъ къ нимъ въ костелъ, а какъ не видятъ руские иконы, не вѣрятъ и чаютъ, что идолослужители, а не католики, такъ же и тѣ руские люди, что тамъ живутъ, къ нимъ приходятъ въ костелъ, чтобъ было и имъ чему поклонитись. И посланникъ имъ далъ икону Михайла Архангела, обложена серебромъ и позолочена такъ же и предъ икону два шандала серебромъ оправлены мѣдные съ епниетью. И езуитъ говорилъ въ тайне посланнику подъ клятвою, что у бугдыхана такое есть намѣрение, буде царское величество не дастъ мужика того Гантимура, а онъ станетъ сыскать ево войною, такъ же хочетъ воевать порубежные крѣпости, Албазинской и Нерчинской, п. ч. нынѣ отъ царского величества зѣло опасны, наипаче какъ видѣли кругъ насъ, что подлинно тутъ по указу великого государя живутъ, а прежде сего чаели, что они живутъ самоволиемъ, какъ прежде живали по Амуру, и когда хотятъ, тогда и разорятъ, да и ныне знаютъ они, что въ тѣхъ крѣпостихъ малолюдство, а отъ Москвы далеко, а отъ нихъ блиско, и хотятъ удержать покамѣсть ратные люди при ихъ рубежѣ не умножатся, и не такъ имъ нужно Гантимура взять, какъ видѣть намѣрение царского величества какое, і они люди лукавые и знаютъ, что тѣ крѣпости строены для есачныхъ мужиковъ, и буде царское величество отдастъ Гантимура, которой начальникъ всѣхъ иноземцевъ, тогда и прочие иноземцы или за нимъ пойдутъ, или порознь разбегутца, и такъ царскому величеству нѣ по что будетъ проторитись и держать служилыхъ людей какъ не будутъ при рубежѣ ихъ есачные. И чаетъ онъ, что еще отповедь одну чрезъ тебя будутъ отъ царскаго величества ждать, буде казаки ваши порубежные ничѣмъ не тронутъ ихъ, а буде есть намѣрение царского величества і того Гантимура не отдать, надобно тотчасъ для обряженія тѣхъ крѣпостей послать войско большое, п. ч. и сами китайцы удивляютца, какъ смѣютъ такое малолюдство жить близь такого ихъ великаго государства. А они езуиты ради великому государю служить, они

Богу, п. ч. они богдаіцовъ не любятъ, а китайцовъ любятъ, для того что имъ при китайцахъ жить было лутче.

А продажа и покупка была худая и товаръ продавали камки и отласы и бархаты въ одной лавке, а въ иныхъ лавкахъ не продавали для того что бояре и всѣ толмачи и торговые вмѣсте заговорились, почему у насъ купить товары, такъ же почему свои товары продать, чтобъ корысть имъ осталось и нихто не смѣлъ, чтобъ прибавилъ въ нашихъ товарахъ цѣну, а въ своихъ убавилъ и такъ, какъ хотѣли, такъ у насъ и купили, такъ же и свои продавали по своей ценѣ противъ прежняго съ великою прибавкою, а которой русскій товаръ они покупали и почему, такъ же почему ихъ купили, и то будетъ описано про все особо.

Августа въ 12-й день пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и посланникъ ему говорилъ, что далъ имъ на письмѣ давно статьи и противъ тѣхъ статей отповеди никакие нѣтъ, также говорилъ, какъ пріѣхалъ я на Наунъ и въ царство, и тогда онъ Асканьяма про всякіе дела спрашивалъ, что пишетъ великій государь въ грамоте своей къ бугдыхану. Такожъ і пріѣхавъ съ алихамбою и опять далъ на латинскомъ языке чрезъ езуита. И чтобъ онъ Асканьяма теперь де вѣдомость далъ на латинскомъ жъ языке чрезъ езуита жъ, о чемъ станетъ бугдыханъ къ царскому величеству писать и что желаетъ о томъ бы было вѣдомо, и списокъ на латинскомъ же языке. И Асканьяма говорилъ, что про статьи, которые далъ на письмѣ, отповедь будетъ вскоре после подарковъ, а что изволитъ ханово величество писать къ великому государю и что желаніе ево, о томъ онъ Асканьяма и самъ не знаетъ. Такъ же посланникъ ему говорилъ про подводы, до котораго мѣста дадутъ, и онъ говорилъ, что онъ и самъ о томъ не знаетъ же, для того что то дѣло въ Мунгальскомъ приказѣ, и спрашивалъ Асканьяма сколь тежеле будетъ прежняго подъемъ такъ же посланникъ ему говорилъ, что тежеле будетъ прежняго гораздо, для того что служилые люди покупаютъ китайки, а не камки. И онъ про подводы сказалъ, что де до котораго мѣста будутъ подводы у нихъ обычай таковъ, отъ которого мѣста на хановыхъ подводахъ ѣхали и опять будутъ до того жъ мѣста ѣхать. Асканьяма жъ говорилъ, чтобъ посланникъ былъ готовъ завтра къ подаркамъ, а подарки раздавать будутъ, почитая царское величество, въ томъ же мѣсте, гдѣ принели его великого государя грамоты и поминки, а инымъ посломъ раздаютъ въ Мунгальскомъ приказе, и то учинятъ для царского величества чрезвычайной обычай. И посланникъ у Асканьямы спрашивалъ сколько дней послеподарковъ бугдыханово величество жить повелитъ. И Асканьяма говорилъ, что де после подарковъ дадутъ жить дней за 10. И посланникъ гово-

рилъ про бѣглыхъ якутовъ, которые къ нимъ бѣжали изъ Якуцкаго острога, собрались человѣкъ съ 50, бежали на Амуръ и оттуда по Шингалу и на Наунъ з женами и з детми, а изъ Якуцкаго острога посланы сынъ боярской и казаки, и тѣ Якуты многихъ казаковъ переранили и не могли ихъ удержать, а изъ Наунскихъ селъ взяли двухъ человѣкъ и послали въ царство і они такъ говорили, что послали ихъ князцы Якуцкие къ бугдыхану, чтобъ онъ ихъ принелъ въ подданство для того что имъ отъ русскихъ людей утеснение великое и есакъ берутъ паче силы, и тѣхъ двухъ якутовъ послали назадъ къ своимъ товарищемъ съ Асканьямою на Наунъ. И слыша про нихъ посланникъ говорилъ Асканьямѣ на Науне про нихъ и онъ сказалъ, что указъ о томъ будетъ и назадъ отдадутъ. И Асканьяма говорилъ, что о томъ доложитъ бугдыхана; такъ же ему Асканьямѣ посланникъ говорилъ про вожа про тунгуса Токултая и тотъ тунгусъ племянникъ Гантимура, а жилъ онъ въ Таргачинахъ съ подданными китайскими и убилъ трехъ человѣкъ и бежалъ въ Нерчинской къ Гантимуру и какъ пріѣхалъ посланникъ въ Нерчинской и просилъ у Гантимура вожа и Гантимуръ далъ того Токултая. І какъ пріѣхали на Наунъ и воеводы пеняли, что онъ воръ великой и убилъ многихъ людей, а былъ подданный бугдыхановъ и бежалъ въ Нерчинской. А какъ Асканьяма пріѣхалъ на Наунъ исъ царства, тѣ жъ рѣчи говорилъ что онъ Токултай воръ великой и измѣнникъ и подобно такихъ людей повѣсить. И посланникъ говорилъ имъ, хотя онъ не вѣдомо какое великое воровство учинилъ, однакожде ныне онъ доброе дѣло сдѣлалъ, п. ч. былъ вожъ царскаго величества посольству, которое идетъ отъ царскаго величества къ бугдыханову величеству со всякою з дружбою и любовью и мочно бугдыханову величеству для царскаго величества вину ево отдать. И Асканьяма и воевода говорили, что они безъ указу бугдыханова простить ево не смѣютъ, а возьметъ ево Токултая Асканьяма съ собою въ царство. И какъ посланника въ царство взяли, и тогда и Токултая взяли жъ, и для того билъ челомъ ему, чтобъ бугдыханъ пожаловалъ ево. И онъ говорилъ, что съ иными дѣлами и про него доложитъ. Такъ же Асканьямѣ посланникъ говорилъ, что съ Науну писали наши люди, которые оставлены для береженья скота, что верблюды и кони померли многие, а купить по дороге, какъ онъ самъ знаетъ, нѣгде, и надобно здѣсь купить въ царстве. Такъ же и про оружне говорилъ, чтобъ онъ доложилъ бугдыхана, чтобъ повелилъ купить сулемы и луки и котлы, и онъ сказалъ, что о томъ доложитъ о всемъ. И после того Асканьяма поѣхалъ вверхъ къ хану. А въ китайскомъ царствѣ въ городе Пежине верблюды покупали добрые по 40 ланъ, средние по 30 и больши, меньшая статья по 20 и по 25 ланъ верблюдъ.

Августа въ 13-й день пріѣзжалъ къ посланнику заргучей (діакъ) за полчаса до света и говорилъ, чтобъ ѣхали къ хану въ красной городъ къ подаркомъ, не мешкая. И посланникъ къ хановымъ подаркомъ поѣхалъ со всѣми служилыми людьми. И не доходя до воротъ, у которыхъ великаго государя грамоты отдали, и тутъ были поставлены и поминки; на правой сторонѣ въ полате небольшой велѣли сѣсть, а въ то время былъ дождь и сидѣли часа съ пол 2. І при томъ алихамба и съ посланникомъ повитался и опять пошолъ вверхъ и, поноровя съ часъ, призвали на то мѣсто, гдѣ грамоты великаго государя отдали и поминки на то мѣсто принесены были. И будучи посланникъ противъ поминковъ, алихамба стоя посланнику говорилъ, чтобъ онъ припалъ на колѣни (і на томъ мѣсте были и грязи) и при немъ бы поминки, которые посылаетъ бугдыханъ къ великому государю, потому что у нихъ обычай таковъ, что всѣхъ государей послы припадаютъ на колѣни и такъ принимаютъ поминки къ своимъ государемъ. И посланникъ говорилъ, что то невозможно дѣлать, потому что отъ того учинитца позоръ великому государю, а принимаютъ такъ поминки подданные отъ государей своихъ, а которые равны, принимаютъ какъ ведетца во всемъ свѣте другъ отъ друга и сосѣдъ отъ сосѣда, какъ отдалъ и отъ страны царского величества поминки ему алихамбѣ, а не велѣлъ никому пасти на колѣни и принять. И алихамба, слыша то, ничего не говорилъ, только велѣлъ давать поминки, а поминки были въ жолтыхъ хватахъ. И объявилъ преже, что подарки даютъ и съ приказу противъ поминковъ, а что дано, и то писано ниже сего:

Седло китайское со всею збруею.

Легень с рукомойникомъ вѣсомъ 80 ланъ.

30 камокъ и атласовъ черныхъ и золотныхъ, и иной цвѣтъ и бархаты были жъ.

5 кожъ нерпечьихъ.

5 бабровъ, 5 барсовъ.

4 лукошка чаю.

А послѣ того говорилъ, что бугдыханъ посылаетъ къ великому государю въ подаркахъ:

Легень серебряной с рукомойникомъ вѣсомъ 120 ланъ.

80 камокъ и отласовъ и бархатовъ разными цветы, изъ нихъ 10 камокъ чаекъ большей руки.

2 седла китайские со всею збруею.

10 лоскутовъ кожъ нерпечьихъ черныхъ.

14 бабровъ.

14 кожъ нерпечьихъ изопрѣлыхъ.

8 лукошекъ чаю.

А какъ тѣ поминки отдали и принявъ переписали и хотѣли послать на подворье, а послали въ то число для телѣгъ, алихамба присылалъ заргучея и спрашивалъ ево какъ станешь отъ хана принимать свои поминки. И посланникъ говорилъ, что про свои поминки, которые будутъ отъ бугдыхана, радъ принять какъ изволятъ они и будетъ челомъ ударить, потому что и то есть, что иное принимаетъ про себя, а иное что царского величества имянемъ, и после того велѣли посланнику подождать на площадѣ, а онъ пошолъ вверхъ для того что сказалъ, будутъ сверхъ тѣхъ къ великому государю иные поминки. А посланнику приготовлена была лошаденка маленькая с седломъ простымъ да канокъ неболшое и чаю. И дожидались тамъ часовъ съ 6 до самаго поужинка и не дали никакой отповеди, такъ же и пить и ни ѣсть весь день. И после того пришолъ къ посланнику втайне Асканьяма і выслалъ всѣхъ, только остался съ толмачомъ и говорилъ, посылалъ де по него ханъ для того что де межъ тобою и алихамбою учинился споръ, а ево де Асканьямы въ городе не было, потому что было недосужно. И посланникъ говорилъ, что алихамба сталъ къ великому государю отдавать отъ хана подарки, а велѣлъ пасть на колѣни въ грязь, и я ему говорилъ, что такъ поминковъ не прійму, для того что оттого учинитца великому государю позоръ, и такъ принимаютъ холопи отъ государей своихъ или подданные. И онъ алихамба поминки сталъ роздавать по росписи и тѣ поминки у него принелъ и въ роспись себѣ написалъ и послалъ по телѣги и хотѣлъ послать на подворье. И послѣ того онъ алихамба присылалъ заргучея и говорилъ, какъ стану принимать отъ хана себѣ подарки, и я ему сказалъ, что про свои поминки радъ принять какъ прикажете. И после того онъ алихамба пошолъ вверхъ и по се число не бывалъ. И Асканьяма говорилъ, что лутчи бы принять такъ и великому государю поминки по ихъ обычаю павъ на колѣни, какъ и свои, для того что то дѣло пойдетъ ныне въ задоръ і ханъ станетъ кручинитца и добра никакова оттого не учинитца. И посланникъ говорилъ, что вѣдаетъ онъ и самъ, что такъ принимаютъ подарки, павъ на колѣни, подданные, а равные государи такъ отнюдь не принимаютъ, какъ о томъ обычай есть у нашего великаго государя, и у нихъ какъ жалуютъ подданныхъ и тѣ принимаютъ подарки павъ на колѣни жъ, а что равень государь къ равному государю иссылаетъ, никогда павъ на колѣни не принимаютъ, какъ и о подаркахъ великаго государя, которые посланы были со мною къ хану, не просилъ я чтобъ подаарки принели павъ на колѣни. А такъ подданные ваши Мунгальские тайши принимаютъ, а то позоръ великій учините, что подарки павъ на колѣни велите принимать, и какъ великій

*

государь о томъ услышитъ, что подарки принелъ такъ, и тогда великій государь учинитъ мнѣ жесткое наказанье, а здѣсь воля бугдыханова, а что къ чести великаго государя прикасается и того мнѣ дѣлать нельзѣ, п. ч. то не мое дѣло, а дѣло государское и о томъ бы они сами помышляли, что онъ посланникъ только что принимаетъ отъ нихъ, а никакое дѣло мнѣ нѣтъ, п. ч. государь къ государю посылаетъ равнымъ обычаемъ і любовью и для того не повелось бы побудить ево посланника пасть на колѣни, п. ч. отъ того царскому величеству позоръ да и бугдыханову величеству никакие чести исъ того не учинитца и не ведетца на свете насильствовати посланника, чтобъ они здѣлали отъ котораго государю своему учинитца позоръ. И Асканьяма слыша тѣ рѣчи отъ посланника пошелъ къ хану вверхъ и въ то время после нево пришли заргучѣи къ посланнику съ лукавствомъ и говорили, чтобъ онъ пошелъ гулять въ нижнюю палату и просили у посланника роспись, что записалъ поминки чтобъ они разобрали. И посланникъ говорилъ, что въ тотъ же часъ еще роспись раздралъ какъ недали поминки, п. ч. будетъ въ росписи какъ поминки не дадутъ, і они говорили, что въ той росписи было написано худо и не всѣ поминки были написаны и надобно въ иную роспись написать. И они все то говорили лукавствомъ. И после того Асканьяма прошелъ къ хану вверхъ и замешкался съ пол 2 часа и пришли съ алихамбою вмѣстѣ при самомъ вечере и говорили, чтобъ пошелъ посланникъ на посольской дворъ, а сидѣли въ городе до самаго вечера, ни пили, ни ѣли, и мы поѣхали на подворье, а они пошли къ поминкамъ, и при самомъ вечере принесли предъ врaты посолские листъ і прикленли, а что въ томъ листу писано было, того невѣдомо, для того что писано было никанскимъ письмомъ.

Августа въ 15-й день приходилъ къ посланнику изъ Мунгальскаго приказу первой заргучей и говорилъ, прислали де ево исъ приказу алихамба да Асканьяма, а велѣли сказать, чтобъ готовъ былъ къ подаркомъ завтра рано. И посланникъ заргучею говорилъ, что итить готовъ къ подаркомъ хотя топерьва, только бъ не учинили бъ такъ какъ въ третій день были і поминки къ великому государю отдали и я ихъ принелъ і въ роспись написалъ и на дворъ хотѣлъ послать, и тѣ поминки взяли опять назадъ, и чтобъ ныне не учинили противъ тогожъ какъ і въ третей день въ дождь сидѣли, до самого вечера ни пили, ни ѣли, а о томъ бы они не помышляли, что къ царскому величеству поминки принелъ павъ на колѣни, а о томъ бы они нынѣ объявили, что безъ того поминковъ не дадутъ, и не буде такъ і въ городъ къ подаркомъ не поѣду полно і того, что въ третей день отпустили ни съ чѣмъ, только з бесчестіемъ великимъ. И заргучей говорилъ, что де і въ то время поминки

тебѣ отданы бъ были безъ поклону и не павъ на колѣни, а взяты тѣ поминки для того, что не всѣ были готовы, а ныне все будетъ готово и не для того поминки не даны тебѣ, что принелъ не павъ на колѣни, только для того, что не всѣ были готовы, а нынѣ все дадутъ изъ одного мѣста и мочно поминки тебѣ отдать въ одномъ часу и полагаютца ныне во всемъ на твою волю. И посланникъ говорилъ, что у насъ великій государь нашъ, его царское величество даетъ подданнымъ своимъ Калмыцкимъ тайшамъ Аюкаю и Соломъ Сереню подарки такимъ обычаемъ какъ нынѣ вы даете и отъ того чинитца позоръ великой, а лутче бъ вы такъ говорили, чтобъ почитать бугдыханово величество и подарки принять съ честию, п. ч. лутчи человѣкъ почитаетъ словами и сердцемъ, нежели понужденіемъ, а въ томъ какая прибыль, чтобъ на колѣни павъ принять, а на сердцѣ любви и радости не было? И заргучей говорилъ, что де у нихъ обычай таковъ і устарѣлъ, а ныне полагаютца на твою волю, и после того отъѣхалъ. А все лукавство ихъ было, п. ч. никакой прибавки къ поминкамъ не учинили, только тѣ всѣ прежние дали, что писали выше сего.

Августа въ 16-й день пріѣзжалъ къ посланнику за полчаса до света заргучей и говорилъ, чтобъ ѣхалъ въ городъ къ хановымъ подаркамъ со всѣми государскими служилыми людьми. И посланникъ со всѣми государскими служилыми людьми къ хановымъ подаркамъ поѣхалъ, і шли тѣмъ же мѣстомъ и недоходя до воротъ, гдѣ великаго государя грамоты отдали, на правой сторонѣ въ палате небольшой велѣли сѣсть, и сидѣли часа 3 два, пришелъ заргучей и говорилъ, чтобъ посланникъ шелъ къ поминкамъ. И посланникъ пошелъ, а у подарокъ стояли алихамба и Асканьяма да ближней человѣкъ, и какъ пришелъ посланникъ з государскими людьми, і они говорили, что хотя ты не принималъ поминки отъ страны бугдыханова величества, однакожде бугдыханово величество тѣ поминки велѣлъ тебѣ дать наипаче для служилыхъ людей, которые многое время трудились. И посланникъ говорилъ, что воля бугдыханова величества, а я не досадилъ ничѣмъ бугдыханову величеству, п. ч. то дѣло учинилъ, остерегая честь государя своего царскаго величества, и не въ томъ содержится любовь пасть на колѣни і въ іныхъ высшихъ дѣлахъ, а лежитъ на сердце. И они говорили, что о томъ Богъ вѣдаетъ і велѣли принимать поминки. И дали поминки всѣ вдругъ собраны въ одно мѣсто і не такъ какъ прежде сего говорили, что тѣ отъ хана подарки, а тѣ отдарки. Такъ же что они говорили, что будетъ къ поминкамъ прибавка, и то все говорили лукавствомъ и солгали, п. ч. у посланника была роспись какъ подарки отдавалъ алихамба вначалѣ еще, и просили у посланника заргучѣи ту роспись розодрать, а посланникъ ихъ не далъ и не

показалъ, а держалъ у себя. А поминки посланникъ принелъ къ царскому величеству стоя и после принятия великаго государя поминковъ велѣли ему посланнику принять отъ бугдыхана свои поминки і посланникъ у нихъ спрашивалъ, какъ ихъ воля принять мнѣ свои подарки, и то говорилъ для отвѣданія, что они будутъ противъ того говорить. И они говорили, что и тѣ себѣ подарки прими стоя жъ какъ и великаго государя поминки принелъ. І посланникъ стоя подарки принелъ, а что дано, и то писано ниже сего:

Лошаденка маленькая худая съ сѣдломъ и съ уздою.

12 камокъ средние и меньшие руки.

Озямъ на золоте.

Сапоги съ чюлками.

Поясъ съ ножемъ и съ платками.

Шапка китайская.

26 китаекъ меньшие руки.

2 лукошка чаю.

А ему посланнику какъ дали подарки, не сказали что подарки, или отдарки а чается, что только были отдарки, а подарки не дали, для того что и десятые доли противъ ево посланниковыхъ подарокъ отъ нихъ не дано. А нижеписанныхъ дано особыми статьями, первое подарки, а вторые— отдарки.

Дворяномъ Московскимъ обоимъ дали равно по 8 камокъ, по 39 китаекъ, по озяму камчатому, по шапке, по поясу, по сапогамъ, і тѣ отдарки, и подарки были что писано выше сего, имъ же по 2 лукошка чаю.

Посольскаго приказу подъячимъ: по озяму камчатому, по шапке, по поясу съ ножами, по сапогамъ, по камке соломенке, по камке худой волосянке, по 16 китаекъ.

Посольскаго приказу подъячему Никишке Венюкову отдарокъ дано 2 подстава камки, подставъ отласу, и дано только ему противъ подарокъ третью долю.

Тобольскому священнику Петру дано подарковъ: озямъ камчатой съ поясомъ и съ ножемъ і съ платками, шапка китайская, сапоги, камка соломенка, другая—волосянка, 16 китаекъ, отдарокъ—2 подстава камки.

Тобольскимъ дѣтямъ боярскимъ и прочимъ подарки дано во всемъ противъ дачи священника Петра и подъячихъ, а отдарки имъ даны смотря хто сколько несъ, а дано только третью долю, однакожде имъ изъ нихъ дано лучше.

5 человѣкомъ талмачемъ дано по озяму камчатому, по камкѣ волосянке, по 14 китаекъ.

Тобольскимъ казакамъ и Нерчинскимъ и людямъ посланниковымъ и дворянскимъ и инымъ и кошеварамъ дано по 8 китаекъ, по камке волосянке, всѣмъ равно на 136 человѣкъ.

И какъ принимали поминки, иные хотѣли пасть на колѣни, а Асканьяма пасть на колѣни не пустилъ. Въ тожъ время посланникъ алихамбѣ и Асканьямѣ говорилъ, чтобъ бугдыханъ приказалъ еще жить двѣ недѣли, и они говорили, что у нихъ нѣтъ обычая, чтобъ после подарковъ жить долго, только о томъ доложатъ хана. І после того поѣхали на посольской дворъ.

Августа въ 17-й день присылалъ къ посланнику изъ Мунгальского приказу подъячій и говорилъ, прислали де ево алихамба и Асканьяма, а велѣли сказать, чтобъ ты посланникъ готовился къ пути, для того что будто ханъ указалъ еще жить 7 дней, а больши того жить отнюдь не дадутъ, а подводы сколько были съ Науну до царства, и ныне противъ тогожъ. И того-же числа посланникъ послалъ въ приказъ подъячаго и талмача, а велѣлъ говорить, присылали они, алихамба и Асканьяма изъ приказу подъячего и подъячей говорилъ, чтобъ я готовъ былъ въ 7-й день, и чтобъ бугдыханово величество указалъ бы жить еще сверхъ 7-ми дней недѣлю, а тое недѣлѣ велѣли бъ жить хотя на своихъ проторехъ и кормѣхъ. Имъ же говорено, чтобъ дали отповедь про статьи, которые имъ даны на латинскомъ языке, да списокъ з грамоты, какову хочетъ послать къ великому государю бугдыханъ, какъ і онъ посланникъ пріѣхавъ на Наунъ і въ царство далъ великаго государя з грамоты списокъ на латинскомъ языке. Такъ же, чтобъ поволили остановить въ царстве двухъ или трехъ человѣкъ для достальныхъ товаровъ, п. ч. товаръ і половина не продали, а оставить ихъ на своихъ проторехъ. Такъ же, чтобъ отдали великаго государя ясачныхъ якутовъ, которые къ нимъ изъ Екуцкаго острога, тутъ же бъ отдали вора тунгуса Токултая. Такъ же, чтобъ дали подводы довольно, для того что служилые люди покупали китайки, а въ царство везли соболи и лисицы и горностаи, а есть ли бъ то знали. и многие бъ взяли съ Науну своихъ коней и верблюдовъ, и чтобъ служилымъ людемъ не были какие скудости. И алихамба и Асканьяма говорили, что де то дѣло про статьи и списокъ съ листа знаютъ колаи и отповедь дадутъ про все они, а дадутъ ли на письмѣ, или нѣтъ, того они не вѣдаютъ.

Августа въ 23-й день принесли къ посланнику отъ хана столъ во всемъ противъ прежняго. Того же числа пріѣхалъ къ посланнику Асканьяма и говорилъ, указалъ де бугдыханово величество жить еще до 4-го числа новаго мѣсяца, для того что служилые люди многое время трудились, а есть ли бы не для нихъ и бугдыханъ указалъ было после пода-

рокъ отпустить вскоре, въ третій день для того что ты будыханова величества не почталъ і не палъ на колѣни. И посланникъ говорилъ, хотя бугдаханова величества указъ будетъ сегодня, и мы поѣдемъ и сегодня, а что которое дѣло прикасается къ чести царскаго величества не токмо дѣлать, но и помыслить нельзя для того что всякій человѣкъ, который государю своему служитъ вѣрно, подабаетъ для чести государя своего умереть; а хотя тогда бъ изволилъ отпустить, и мы бы поѣхали і не силою мы пріѣхали, такъ же не силою мы и поѣдемъ, и на Науне отъ Асканьяма съ такими рѣчьми не принималъ, а есть ли бъ сказалъ что поѣдь назадъ, бугдыханово величество принимать не велѣлъ, и я бы сильно дѣлать не сталъ. Такъ же ему говорено про статьи, которые даны на латинскомъ языке, есть ли отповедь, и онъ говорилъ что еще о томъ отповеди нѣтъ, а какъ ему отповедь будетъ, и онъ пріѣхавъ объявитъ. Такъ же ему говорено, что подводъ даютъ мало и для того чтобъ отпустили Селенгинскихъ казаковъ и иныхъ человѣкъ съ 30 въ Селенгинской, для того что вамъ в подводахъ будетъ лехче. И Асканьяма говорилъ и просилъ письмо что буде учинитца надъ ними что, чтобъ бугдыхану отъ того не учинилось бесчестие и спрашивать на бугдыхане не стали жъ. І посланникъ говорилъ, чтобъ бугдыханово величество изволилъ дать до своихъ порубежныхъ городовъ провожатыхъ, а за порубежными вашими городами станутъ они сами себя беречь, п. ч. многие были въ прошломъ году въ Китаехъ и ту дорогу знаютъ, а письмо вамъ дать отнюдь не ведется, п. ч. дѣло зѣло не пристойно, а онъ для того то дѣло такъ говорилъ, чтобъ не отпустить. А про екутовъ и про вожа и про иныя дела сказалъ, что отповедь будетъ на рубеже на Науне ему посланнику, а про людей чтобъ оставить здѣсь въ царстве для продажи государские казны сказалъ, что то дѣло не ево і докладывать ему о томъ не мочно, а вѣдомы тѣ дѣла в большомъ Мунгальскомъ приказе и тамъ доложатъ. Асканьяма жъ говорилъ, что онъ готовитца къ дороге провожать ево послонника до Науна по прежнему, а ему недосужно часто къ посланнику приходить, а какъ будетъ какой указъ отъ хана, и тогда онъ пріѣдетъ и скажетъ, и отъѣхалъ.

Августа въ 24-й день посылалъ посланникъ въ приказъ Мунгальской къ алихамбѣ подъячего и талмача, а велѣлъ говорить, что по указу бугдыханову подводъ въ прибавку не даютъ, а на тѣхъ на сколькихъ подводахъ пріѣхали въ царство, поднятца нѣ на чемъ, для того что служилые люди покупали товаръ тежелой, и чтобъ велѣли отпустить по Селенгинской дороге человѣкъ съ 30 Селенгинскихъ казаковъ и дали бъ провожатыхъ до рубежа своего, а буде тѣхъ людей отпустить не похотятъ, чтобъ дали подводъ довольно на чемъ бы поднятца. И алихамба

подъячему и толмачю говорилъ, что де тѣхъ 30 человѣкъ какъ ихъ отпустить для того буде какая учинитца надъ ними поруха, и тогда бугдыхану учинитца бесчестие, онъ же алихамба сказалъ, что де о томъ подумаетъ съ Асканьямою и о томъ отповедь будетъ, такъ же про статьи и про иныя дела сказали, что про то вѣдаютъ колаи и они дадутъ отповедь.

Августа въ 25-й день посылалъ посланникъ въ приказъ подъячего и толмача къ алихамбѣ и къ Асканьямѣ, а ихъ въ приказахъ никово не было, только были дьяки дневальные, и дьякомъ говорили, чтобъ они извѣстили алихамбѣ и Асканьямѣ, чтобъ дали отповедь противъ письма и противъ статей, и дьяки сказали, что къ нимъ пошлютъ подъячего.

А въ Китайскомъ царстве какъ бываетъ ходъ хану, и тогда по улицамъ и у воротъ стоять и смотрить не даютъ и дворы по той улицѣ запираютъ, а буде хто не свѣдома по той дороге противъ хана стрѣтитца, и онъ падетъ на землю, чтобъ хана не видалъ.

Августа въ 25-й день пришелъ заргучей и посланника звалъ къ третьему столу и посланникъ у стола былъ въ томъ же мѣсте въ которомъ были июля въ 7-й день, а у того стола былъ Асканьяминъ братъ двоюродный нашего пристава, Асканьяма жъ, и кланялись по прежнему и сѣли ѣсть, и ѣствы были во всемъ прежняго стола. Того жъ числа преставился Нерчинскій казакъ Іванъ Стародубцовъ, а погребенъ въ томъ же мѣсте, а домовище и камка приписано изъ приказу противъ прежнихъ.

Августа въ 26-й день посылалъ посланникъ въ приказъ подъячаго и талмача, а велѣлъ говорить, чтобъ дали отповедь противъ статей которые даны на латинскомъ языке да списокъ съ листа, какову хочетъ послать къ царскому величеству бугдыханъ на латинскомъ языке. И алихамба подъячему сказалъ, что де про статьи бугдыханово величество буде изволитъ листъ послать къ великому государю, и про тѣ статьи будетъ писать въ листу своемъ, іли будетъ словесная отповедь, а что проситъ посланникъ съ листа списокъ и то учинить мочно, для того что нашего языка не разумѣете. Алихамбѣ жъ подъячей говорилъ, есть ли указъ, чтобъ отпустить 30 человѣкъ по Селенгинской дороге для того что подводъ даютъ мало, и алихамба сказалъ, что о томъ поговоритъ съ Асканьямою і отповѣдь дастъ о всемъ завтра.

Августа въ 29-й день присылали къ посланнику заргучея въ третьемъ часу дня, чтобъ ѣхалъ къ хану въ городъ и поноровя немного привелі кони. И посланникъ къ хану въ городъ поѣхалъ, и недоходя до воротъ гдѣ государские грамоты отданы, на правой сторонѣ велѣли сѣсть и

посидѣвъ немного пришелъ заргучей и говорилъ, чтобъ шли къ воротамъ, а у воротъ стояли 2 колая, одинъ прежней, а другой никанченинъ старый, і алихамба, а Асканьяма въ то время былъ боленъ, и съ ними езунтъ. И какъ посланникъ къ нимъ приближился, и колай говорилъ чтобъ посланникъ и всѣ при немъ пали на колѣни, для того что есть отъ хана указъ и отповедь вамъ сказать. И посланникъ спрашивалъ есть ли отъ бугдыхана отповедь противъ государские грамоты и противъ статей что имъ дано, и они говорили, что есть о всемъ указъ, только чтобъ палъ на колѣни. И посланникъ на колѣни пасть не хотѣлъ. А в то время, дворяне Московские и дѣти боярские и служилые учали говорить, чтобъ палъ на колѣни и учинилъ бы по ихъ воли, какъ они хотятъ. И посланникъ положилъ подушку и на колѣни палъ, и колай учелъ говорить китайскимъ языкомъ, а алихамба после нево сказывалъ мунгальскимъ языкомъ нашему талмачю, что бугдыханово величество не хочетъ отповеди къ царскому величеству писать двухъ ради причинъ: 1-я для того, что ты учинился не послушенъ, не принесъ поминки къ своему великому государю павъ на колѣни, какъ у нихъ бываютъ ото всѣхъ окрестныхъ государей послы и они къ своимъ государемъ поминки принимаютъ павъ на колѣни і нихто о томъ спороватца не смѣетъ. 2-я статья есть, что хотя бугдыханово величество изволилъ къ царскому величеству писать, однакожде иного дѣла нѣтъ опричь того, чтобъ Гантимура сюды прислалъ, а то дѣло і въ прежнемъ листу написано было такъ же, а понеже царское величество того Гантимура не послалъ, для того бугдыханово величество больши того не хочетъ писать, потому покамѣсть то дѣло не скончится, никакого иного дѣла начинать нельзѣ, для того что Данила Аршинской посылалъ людей здѣсь и упросилъ у бугдыханова величества, чтобъ между собою въ рубежахъ жили смирно, а про Гантимура обѣщался, что онъ будетъ писать къ великому государю и конечно великій государь ево отдастъ. А нынѣ Гантимуръ не стданъ и на рубежѣ не живутъ смирно и для того не по что и писать, да и сверхъ того впредъ не токмо писати, но и пословъ и посланниковъ и торговыхъ людей отъ страны царскаго величества отнюдь не будемъ принимать, покамѣсть тѣ три статьи не будутъ совершены: 1-я чтобы Гантимура послалъ сюды съ посломъ своимъ. 2-я чтобъ тотъ посолъ былъ самый разумной и чтобъ онъ дѣлалъ все, что прикажемъ по нашему обычаю і въ ничемъ не противился. 3-я, чтобъ всѣ порубежные мѣста, гдѣ живутъ вашего великаго государя порубежные люди, жили всегда смирно. И посланникъ говорилъ, что воля бугдыханова величества, а о томъ кручинитца не ведется, для того что то дѣло, что павъ на колѣни не принялъ къ великому государю поминковъ, не учинилъ нарочно, чтобъ въ чемъ безчестить

бугдыхана, только остерегалъ честь государя своего, какъ долженъ і всякой вѣрной слуга государя своего честь накрепко остерегать, п. ч. на всемъ свѣте и у насъ такимъ обычаемъ даютъ поминки подданнымъ своимъ, а не равнымъ себѣ государемъ, и я прежде сего, что указалъ бугдыханово величество, то и дѣлалъ і ни въ чемъ не противился, покамѣсть видѣлъ, что не прикасалось ни въ чемъ къ чести царскаго величества, а какъ виделъ, что его царскаго величества честь вредитъ, только словесно вамъ объявилъ, а ни въ чемъ бугдыханову величеству не досадилъ, что то дѣло учинить невозможно, п. ч. нашъ великой государь не подданъ и не меньше вашего государя, но во всемъ равенъ. А про Гантимура и прежде сего не по однажды вамъ объявилъ, что великій государь что писалъ въ листу своемъ бугдыханово величество не выразумѣлъ і для того никакой отповеди на тотъ листъ нѣтъ, и еще листъ для выразумѣния послалъ назадъ, а есть ли бы выразумѣлъ и чрезъ меня писалъ бы и словесно приказалъ, дастъ ли, или не отдастъ. Да имъ же посланникъ учелъ говорить, что великой государь подданнаго своего не отдастъ і дворяне Московские и дѣти боярские и служилые посланнику говорили, чтобъ того имъ про Гантимура, что великій государь подданнаго своего не отдастъ, не говорилъ, а говорилъ бы о томъ чтобъ писали къ великому государю, и какъ о томъ изволитъ великой государь и для того имъ говорилъ, какъ прежде сего про него писали также бъ и ныне і хотя про меня изволитъ писать бугдыханово величество, что учинилъ то, что на колѣни павъ подарковъ не принялъ, і хотя иное что на меня изволитъ писать, что я не учинилъ противъ ихъ обычая, однакожде и тотъ листъ бугдыханова величества буду принимать честно, а безъ листа і безъ отповеди какъ назадъ ѣхать и съ чѣмъ царскому величеству объявитись, какъ станетъ спрашивать кому его великаго государя грамоту и поминки отдалъ, и для того безъ листа отнюдь мнѣ ѣхать нельзя. И они говорили, что тѣ рѣчи говоришь бѣглецкимъ обычаемъ, что хочешь оставаться здѣсь и безъ отповеди не пойдешь, а мочно бы бугдыханову величеству чрезъ тебя і писать къ царскому величеству и листъ послать, только это трудно, что ты просилъ съ листа списка на латинскомъ языке, чтобъ тебѣ показали какимъ обычаемъ пишетъ бугдыханъ къ царскому величеству, и то бугдыханъ отнюдь не позволитъ, п. ч. не тебѣ научити какъ писать, а мы сами вѣдаемъ и знаемъ, что и какъ писать. И посланникъ езуиту говорилъ, чтобъ онъ талмачилъ для того что толмачъ нашъ говорить худо умѣетъ. И езуитъ говорилъ что онъ говорити, покамѣстъ колаи не прикажутъ, не смѣетъ, п. ч. у нихъ обычай варварской и чтобъ онъ говорилъ, чтобъ они повелѣли. И посланникъ имъ говорилъ, что толмачь мой худъ и чтобъ приказали говорить со мною езуиту,

они ему приказали талмачить. И посланникъ ихъ чрезъ езуита говорилъ что видитъ онъ, что бугдыханово величество і колап яростию і съ сердцемъ говорятъ и то противъ права всѣхъ народовъ они дѣлаютъ, п. ч. на пословъ и на посланниковъ нигдѣ не кричатъ и не сердятца о томъ что стоитъ крѣпко за честь государя своего, а слышалъ онъ і прежде сего, что они люди учтивые і не повелось было имъ гнѣвомъ говорить, да и то дѣло что прошу переводу съ ханскаго листа на латинскомъ языке не для кого прошу, чтобъ ихъ училъ какъ писати, только для двухъ причинъ: 1-я есть, чтобъ то дѣло не учинилось такъ, какъ прежде сего учинилось, что писалъ бугдыханъ листъ къ царскому величеству только богдайскимъ языкомъ и для того и до сего дня что въ листу было написано не выразумѣли, а какъ будетъ списокъ съ листа латинскимъ языкомъ, і я здѣсь буду разумѣть, и царское величество будетъ разумѣть же, и отповедь о томъ будетъ, і то дѣло і въ статьяхъ вамъ написано. 2-я причина есть, чтобъ не было какое жесткое слово, или непристойно, которое бы прикасалось бы къ чести царскаго величества, такъ же и титла все чтобъ было сполна, какъ царскому величеству такъ і бугдыханову величеству, и честь бы обоихъ великихъ государей хранилась равная, і о томъ бы съ вами договоръ учинилъ і постановилъ, какъ впредь оба великие государи межъ собою титла станутъ писать, такъ же і именование и о томъ и прежде сего отъ страны царскаго величества вамъ въ статьяхъ на письмѣ далъ, п. ч. вашъ обычай отъ нашего обычая далеко разнитца, п. ч. у насъ идетъ къ чести, а у васъ къ безчестію, и не говорили бъ того впредь, что посланникъ на объявилъ вамъ про тѣ что спорные дѣла, да и сверхъ того вижу, что и у васъ то первое дѣло и остерегаете накрѣпко какъ пишутъ иные государи къ вашему государю, п. ч. Асканьяма на Науне и жить не далъ, покамѣсть не сказалъ ему, какъ пишетъ и что царское величество къ бугдыханову величеству. Да и ты алихамба приѣзжалъ съ Асканьямою и съ езуитомъ въ первой день отъ бугдыхана и покамѣсть не далъ великаго государя з грамоты списка на латинскомъ языке, не отъѣхали и хоть далъ, однакожде вы не вѣрили, покамѣсть подлинные царскаго величества не взяли, все говорили, чтобъ не было написано какое безчестіе. І какъ вы честь хана своего храните, такъ же и я долженъ государя своего честь хранить и умерети для ней, и та есть причина, что у васъ прошу списка. И они говорили, какъ ты стоишь для чести государя своего крѣпко, такъ же и мы, а тѣ рѣчи говоришь, чтобъ не писалъ бугдыханъ къ царскому величеству какое жесткое слово, и то ты говоришь не пристойно, п. ч. царское величество писалъ къ бугдыхану всякую дружбу и любовь, а бугдыханову величеству какъ писаги къ царскому величеству какое жестокое слово. Да и сверхъ того,

хотя бугдыханово величество изволилъ чрезъ тебя листъ къ царскому величеству писать, однакожде ты листъ тотъ не принялъ бы по нашему обычаю, а хотѣлъ бы ты взять, какъ и поминки, и то бы было великое безчестие, и то намъ отнюдь нельзѣ дати такъ тебѣ листъ бугдыхановъ, котораго у насъ иного на свете честнѣе нѣтъ. И посланникъ говорилъ что дѣло отъ дѣла розница, иное есть листъ, а иное поминки, і буду почитать и принимать съ честію, какъ водится, только чтобъ не было вредительства чести царскаго величества, только чтобъ бугдыханъ изволилъ дать съ листа переводъ латинской, чтобъ видѣлъ, нѣтъ ли какие трудности въ немъ, о которыхъ я съ вами договоръ учинилъ и успокоилъ какъ впредь писать межъ себя обоимъ великимъ государемъ, какъ о томъ і въ своей грамоте царского величества къ бугдыханову величеству писалъ про ево титла и именованье, а буде не изволитъ дати переводъ латинской воля его бугдыханова, только вы доложите мои рѣчи, п. ч. то дѣло будетъ лутчи ко обѣимъ странамъ для выразумѣнія о чемъ пишетъ къ царскому величеству и для ради примѣру і титловъ какъ і впредь писать межъ собою. А заргучей въ то время учелъ кричать и говорить дворянамъ Московскимъ и дѣтямъ боярскимъ и служилымъ, какъ бугдыханъ будетъ къ царскому величеству писать листъ, будете ли принимать съ такою же честию какъ мы прикажемъ, і они закричали всѣ, что будемъ, и тѣ рѣчи заргучей говорилъ не по однижды и распрашивалъ ихъ ни по однижды, а они говорили заргучѣю тѣ жъ рѣчи. І посланникъ обратясь къ дворянамъ и къ дѣтямъ боярскимъ и ко всѣмъ говорилъ, буде будетъ писано въ листу къ царскому величеству какое бесчестное слово, отнюдь не приму, п. ч. на Москвѣ мнѣ отповедь дать, а не вамъ, а иные изъ нихъ говорили изъ детей боярскихъ, хоть каковъ ни есть листъ писанъ будетъ, мы примемъ, буде ты не примешь. И посланникъ колаемъ учелъ опять говорить, что про листъ какъ изволитъ бугдыханово величество, а про тѣ 12 статей, что дали на письмѣ отъ страны царскаго величества какая отповедь отъ бугдыханова величества есть. И они говорили, что не токмо про тѣ статьи никакіе отповеди, но и ни про какое иное дѣло не будетъ, покамѣстъ тѣ вышеписанные три статьи не исполнятца, се есть, чтобъ Гантимуръ посланъ былъ сюда съ посломъ, 2-я чтобъ тотъ посолъ что прикажемъ по нашему обычаю здѣлалъ, 3-я чтобъ ваши люди, которые живутъ на рубежахъ, чтобъ съ нашими порубежными жили смирно. І когда тѣ три статьи исполнены будутъ отъ страны царскаго величества, тогда хоть ты, хотя иной хто нибудь приди, і не токмо тѣ статьи двѣнадцать, но хотя и 120 посланы будутъ отъ страны царскаго величества къ бугдыханову величеству будетъ принимать. И посланникъ имъ говорилъ про екутовъ, про вожа, про подводы,

про тѣхъ, чтобъ отпустить чрезъ Селенгу, чтобъ дали отповедь, і они говорили, что тѣ дѣла малые і после того отповедь будетъ изъ Мунгальскаго приказу, а нынѣ пойдутъ они къ бугдыхану, про твои рѣчи доложемъ хану, и чтобъ посланникъ всталъ и пошелъ на прежнее мѣсто въ полату и подождалъ, і наспу иные могли встать на колѣни, п. ч. больши двухъ часовъ стояли на колѣняхъ въ дождь на каменьяхъ. И потомъ колаи пошли вверхъ, а посланникъ пошелъ на прежнее мѣсто, гдѣ пришедъ въ палате сидѣли і поноровя съ часъ пришелъ алихамба и сказалъ, чтобъ посланникъ шолъ на подворья, а про дѣла сказалъ, что отповедь будетъ инымъ времянемъ, и посланникъ з заргучеемъ сѣвъ на кони на подворье поѣхали. А ѣдучи посланникъ на подворье встрѣтился езуитъ Алихахава и сказалъ посланнику, что онъ не смѣетъ много говорить для того что де изъ нашихъ людей оболгалъ ево алихамбѣ и Асканьямѣ, что онъ ему посланнику про всякие ихъ дела китайские сказываетъ. Такъ же говорилъ, что посланникъ имъ предложилъ хотяжъ ночью думу думать и отповедь учинить про все завтра, и опять разъѣхались.

А въ ево великого государя наказе написано въ розныхъ статьяхъ ему посланнику буде что въ тѣхъ ихъ китайскихъ листахъ объявитца написано не къ чести царскому величеству, и о томъ ему хановымъ людемъ выговаривать и то все и спрашивать, чтобъ царскому величеству имяни было къ чести и къ повышенью. Съ хановыми жъ ближними людьми договориться впредь какимъ письмомъ отъ великого государя отъ его царского величества къ государю ихъ къ бугдыхану его великого государя грамоты писать, чтобъ на обе стороны о всемъ было вразумительно, а они бъ къ великому государю грамоты свои прислали на латинскомъ і на турскомъ языке. Великого государя имянованье и титла какъ имъ впредь въ грамотахъ своихъ къ царскому величеству писать дати имъ на письмѣ съ полными титлами, такъже и у нихъ какъ хана ихъ имянованье и титла писати взять на письмѣ жъ и стеречь того накрѣпко, чтобъ онъ ханъ въ титле своей і въ имянованье не именовался иныхъ окрестныхъ великихъ государей владѣньемъ и государствованьемъ, чтобъ впредь тою ево титлою на царское величество отъ постороннихъ государей нелюбья не было. А буде китайской ханъ съ нимъ Николаемъ въ грамоте своей великого государя имянованья и титлы описати противъ ево государского достоинства какъ онъ великій государь къ нему хану въ своей царского величества грамоте съ нимъ Николаемъ имянованье свое и титлы описать указалъ не велитъ, а напишутъ съ убавкою, и Николаю говорить и стояти о томъ на крепко, чтобъ китайской ханъ въ грамотѣ своей царского величества имянованье и титло написати велѣлъ во всемъ про-

тивъ того, какъ онъ великій государь самъ себя описуетъ. Да ему жъ Николаю хановымъ ближнимъ людемъ говорить, что почитая его царское величество всѣ окрестные християнскіе и мусульманскіе великіе государи пишутъ къ нему великому государю противъ тѣхъ его царского величества имянованья и титлъ съ прибавкою, и чтобъ и государь ихъ бугдыханъ потомужъ къ царскому величеству тѣмъ объявилъ свою дружбу и любовь, его царского величества имянованье і титлы велѣлъ во всемъ написать противъ тогожъ какъ онъ великій государь самъ себя описуетъ. И конечно ему Николаю будучи у китайскова хана домогатца всякими мѣрами накрепко, чтобъ съ нимъ въ ханове листу царского величества имянованье и титло написано было во всемъ противъ его царского величества чести и достоинства. А ханово имянованье и титло какъ къ нему впредь царского величества въ грамотахъ писать, у ближнихъ людей ево взяти то, въ которомъ онъ всего свѣта владѣтеленъ и іныхъ окрестныхъ великихъ государей имянованьемъ и титлою не напишетца. А какъ къ великому государю окрестные християнскіе и мусульманскіе великіе государи его царского величества имянованье і титло въ грамотахъ своихъ пишутъ и съ того со всего даны ему Николаю списки.

И тѣ вышеписанные статьи показалъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и служебнымъ, что онъ посланникъ отъ нихъ китайцовъ списокъ съ листа не своимъ умышлениемъ просилъ, но по указу великого государя и чтобъ впредь они не противились и. не учинили такъ, какъ вчера предъ китайцами въ городе шумѣли и говорили и хотѣли принимать по ихъ воли, а то дѣло не учинитъ позоръ ему посланнику, а наипаче учинитъ позоръ царскому величеству.

Августа въ 30-й день пріѣхалъ къ посланнику отъ хана сверху ближней колай, тотъ который принелъ великого государя грамоту съ пріѣзду у посланника, а съ нимъ пріѣхалъ алихамба да езуитъ Алихахава и пріѣхалъ онъ колай съ великою учтивостью, съ коня слѣзъ далеко отъ воротъ, а посланникъ какъ слышалъ, что онъ ѣдетъ, встрѣтилъ ево далеко и далъ всякую честь, чтобъ онъ шелъ напередъ въ палату, а онъ не пошолъ и говорилъ, что ты у насъ гость и гостя вездѣ почитаютъ и много о томъ споровались и не пошолъ. И какъ пришелъ въ палату и сѣлъ и почелъ говорить посланнику, чтобъ не покручинился то вчера въ городе въ дождь чють не весь день труднился съ нами. И посланникъ говорилъ, хоть и трудились, однакожде которое дѣло дѣлаемъ для обоихъ великихъ государей и государства ихъ, то въ труды не вмѣняемъ, п. ч. великій государь насъ для того послалъ въ такое дальнее государство, что хотя и съ трудностью, только бы далъ Богъ всякие дела добромъ совершились. И колай говорилъ, что і они то дѣло желаютъ и для того

бугдыханъ прислалъ ихъ къ тебѣ посланнику говорить нѣкоторые рѣчи, только бъ ты велѣлъ призвать дворянъ Московскихъ и детей боярскихъ, чтобъ и они слышали. И пришли въ палату дворяне и дѣти боярские, а изъ нихъ не пришолъ сынъ боярской Сава Жамотинъ. И посланникъ говорилъ, чтобъ колай и алихамба изволили о чемъ пріѣхали говорили бъ, и они говорили, что еще нѣтъ одного человѣка, и покамѣстъ Сава Жамотинъ не пришолъ, говорить колай не сталъ, а какъ онъ пришолъ, тогда колай сталъ говорить по китайски, а алихамба переводилъ ево рѣчи на мунгальской языкъ і сказывалъ нашему талмачю, чтобъ намъ по руски говорилъ. И талмачъ почелъ говорить по руски тѣ ихъ статьи нижеписанные и рѣчи ихъ. И виделъ посланникъ, что талмачъ рѣчи не умѣлъ перевесть, призвалъ всѣхъ иныхъ своихъ талмачей мунгальскихъ, и они не могли сказать подлинно. И видя посланникъ что дела, что они предлагаютъ великие, а наши талмачи талмачить и выразумѣть подлинно не могли, тогда билъ челомъ посланникъ колаю, чтобъ онъ сказалъ тѣ жъ рѣчи по китайски езуиту, а езуитъ бы по латыне для лутчего выразумѣния сказалъ посланнику. И колай приказалъ тѣ жъ рѣчи по латыне говорить і онъ всѣ тѣ дѣла объявилъ разумично, однакожъ посланникъ для лутчего достовѣрия тѣ жъ рѣчи, что говорилъ ему езуитъ по латыне, по руски говорилъ талмачю своему и онъ по мунгальски подтвердилъ алихамбѣ такъ ли, и такъ сошлися рѣчи с рѣчьми во всемъ, а тѣ рѣчи, что говорили посланнику чрезъ езуита по латыне и по мунгальски, были таковы:

Вчерашніе разговоры, которые они говорили въ городѣ съ посланникомъ, также и про то что ты спрашивалъ у насъ списка и переводу на латинскомъ языкѣ, съ бугдыханова листа, каковъ будетъ писать къ ц-му в-ству и прочія всѣ твои рѣчи, что ты намъ объявилъ, вчера предложили и докладывали въ думѣ старикамъ нашимъ, а бугдыханову в-ству о тѣхъ дѣлахъ ничего не объявили, а дума наша думала о тѣхъ дѣлахъ межъ себя многое время, и постановили такъ, чтобъ мы пришли къ тебѣ и объявили нашего старого обычая, который отъ вѣка постановленъ у насъ въ своемъ государствѣ; и ты тѣ рѣчи наши разсмотри и подумай, и буде можешь принимать по нашему обычаю бугдыхановъ листъ къ своему великому государю, ты намъ отповѣдай, и мы тогда учнемъ доложить бугдыханову в-ству, и мочно склонитись, чтобъ отъ себя писалъ бугдыханъ къ ц-му в-ству.

А обычай нашъ и постановленіе положены на три статьи: I-я статья есть, что всякой, которой нибудь посолъ приходящій къ намъ въ Китай долженъ говорить такія рѣчи, что пришолъ онъ отъ нижняго и смиреннаго мѣста, и восходитъ къ высокому престолу или мѣсту, также

и мы когда докладываемъ бугдыханову в-ству про пришествіе всякаго посла или посланника, также докладываемъ, что пріѣхалъ отъ того государя отъ нижняго мѣста къ превысокому престолу твоему тотъ посолъ или посланникъ челомъ ударить. II-я статья есть, что всякія поминки, которыя посылаются чрезъ пословъ своихъ къ бугдыханову в-ству отъ котораго нибудь государя, и мы тѣ поминки не именуемъ и въ докладъ не пишемъ поминками или подарками, а именуемъ ихъ и пишемъ дань или ясакъ; итакъ объявимъ, что прислалъ къ тебѣ бугдыханову в-ству тотъ государь дань или ясакъ, а не поминки; III-я статья есть—отдарки или подарки посылаетъ отъ себя бугдыханово в-ство къ тому государю, и про тѣ не докладываютъ и говорятъ, что бугдыханово в-ство тому государю и всему его государству посылаетъ для службы его милость и жалованье.

И тѣ вышеписанныя три статьи конечно должны всѣ послы и посланники, которые къ намъ пріѣзжаютъ, принимати безъ отговору; да и сверхъ того какъ бугдыханово в-ство пишетъ отповѣдь ко всякому государю такимъ же обычаемъ пишетъ, что отъ превысокаго престола пишетъ къ нижнему мѣсту.

II-я.

А про поминки пищетъ, что дань или ясакъ, который ты къ намъ прислалъ, приняли.

III-я.

А про подарки и отдарки отъ себя пишетъ: и для того посылаетъ къ тебѣ и ко всему государству твоему для службы твоей милость и жалованье. И тѣ три статьи суть, которыя пришли объявить къ тебѣ для того, что ты вчера просилъ у насъ съ бугдыханова листа переводъ латинской, чтобъ не было писано въ томъ листу къ твоему государю какого жестокого слова, также ты говорилъ, что безъ листа отсель не пойдешь, и для того нынѣ объявимъ тебѣ подлинно, буде ты можешь принимать тотъ листъ всѣми тремя статьями, и мы можемъ доложить бугдыханова в-ства, и такъ какъ у насъ изъ вѣка постановлено будетъ писать къ твоему великому государю, хотя въ листу нѣтъ иное дѣло писати, кромѣ про отданіе Гантимура, потому покамѣстъ твой великій государь не отдастъ Гантимура, никакое дѣло невозможно совершити, ни начати; и о томъ ты посланникъ не подивись, что у насъ обычай таковъ, и своему государю скажи, потому что какъ одинъ Богъ есть на небѣ, такъ единъ Богъ нашъ земляной стоитъ среди земли межъ всѣхъ государей, и окрестъ его всѣ государства стоятъ. И та честь у насъ не перемѣнна была и во вѣки будетъ же.

И посланникъ имъ говорилъ з благодареніемъ, что они преразумно учинили, что объявили свой обычай, какъ пишутъ і не учинили такъ

невзапно и не понудили какъ прежде сего учинили, когда дали подарки, что вдругъ велѣли пасть на колѣни, а прежде сего о томъ дѣле и обычае ихъ ничего не объявили, п. ч. такъ ведется во всѣхъ государствахъ и такой обычай постановленъ, что всѣмъ посломъ и посланникомъ на письмѣ и словесно предлагаютъ всякие дела и трудности, и тогда онъ противъ того думаетъ и отповедь учинитъ, п. ч. всякой знаетъ обычай своего государя и государства и честь хранить вѣдаетъ же, а иногда великие трудности смирятъ и спокоятъ межъ себя договоромъ. Только то кажется чюдо великое, что намъ великій государь для великой дружбы и любви посылалъ поминки, а вы именуете ихъ дань, бутто подданъ, а весь свѣтъ знаетъ, что нашъ великій государь ото многихъ емлетъ, а самъ никому не даетъ дань.

И колай говорилъ, что вѣдаемъ и мы, что твой великій государь не подданъ бугдыханову величеству, только искони вѣкъ такъ обычай нашъ постановленъ говорить і писати такъ же и тотъ обычай для всего свѣта, переменить какъ нѣльзе, однакожде видимъ, что твой великій государь въ грамоте своей, что пишетъ къ бугдыханову величеству, при концѣ пишетъ, чтобы не подивилъ на царское величество что имянованье и титло ево не писалъ противъ достоинства, п. ч. не вѣдалъ, а впредь учнетъ писати имянованье и титло ево по достоинству, какъ самъ себя описуетъ; а не того намъ кажется, что твой великій государь и тебѣ приказалъ какой нибудь нашъ обычай принимать и листъ бугдыханово величество каковъ ни будь пишетъ, приняти жъ, и ты отъ себя принять не хочешь, и мы такъ протолкуемъ грамоту твоего великого государя.

И посланникъ имъ говорилъ, что не отпираюсь о томъ, что великій государь не писалъ такъ, только не для того писалъ, чтобъ приняти такой обычай или листъ, въ которыхъ бы прикасалась что къ чести царского величества, такъже і не пишетъ то въ своей государской грамоте, что указалъ моему посланнику дѣлати все, что укажете і ни въ чемъ не противиться, а писалъ великій государь тѣ рѣчи для того, что обычай есть во всемъ свѣте и права всѣхъ народовъ постановлена такъ, что великие государи межъ себя взаимъ другъ друга почитаютъ и какъ одинъ пишетъ и почитаетъ другого, такъ и другой долженъ взаимъ, какъ належитъ честь ево, почитать по достоинству. И тотъ обычай хранитца на свѣте отъ всѣхъ государей не нарушенъ, и то чаелъ царское величество и отъ бугдыханова величества и для того писалъ, а про поминки, что послалъ, и не именовалъ въ грамоте своей какъ обычай у всѣхъ великихъ государей. А ныне мы видимъ отъ васъ, что объявляете такие великие и превысокие дела, то прежде сего на свѣте и не слыхано, которые не токмо прикасается къ чести царского величества и государству ево, но

что есть і иныхъ на свѣте всѣхъ великихъ государей, и для того дайте намъ до завтрея сроку подумать, и завтра учинимъ подлинную отповедь, возможно ли намъ ваши тѣ три статьи и листъ таковъ принимать или нѣтъ, п. ч. на такихъ великихъ дѣлахъ отповедь такимъ великимъ людемъ отнюдь дати вскоре нельзѣ.

И посланникъ нарочно имъ отповедь отложилъ до утра, чтобъ видѣлъ, что они станутъ говорить і что отъ нихъ объявитца.

И колай говорилъ, что мочно подождать до завтрея, и завтра онъ или алихамба отповедь возьмемъ. А будучи они у посланника, всѣ рѣчи, что говорили, учтиво и тихо говорили, не съ сердцемъ, какъ въ городе говорили, а какъ отъѣхалъ отъ посланника колай, опять не вышелъ прежде посланника изъ полатныхъ дверей, такъ же покамѣстъ не возвратился посланникъ въ полату, на коня не сѣлъ, хотя въ то время и дождь былъ, и такъ отъѣхали. А въ то время, какъ колай къ посланнику на дворъ приѣхалъ, всѣ что были на посольскомъ дворѣ китайцы и талмачи съ великимъ страхомъ, какъ услышали что онъ колай ѣдетъ, розбежались. И после того посланникъ спрашивалъ у талмачей для чего они такъ испужались і всѣ разбежались и они говорили, что де въ Китаехъ боятца больши ево нежели хана, и после хана онъ другой человѣкъ и они испужались и удивились, что онъ приѣхалъ къ посланнику, п.-ч. онъ отнюдъ никуда къ боярамъ ни къ хановымъ братьямъ не ходитъ, а всегда живетъ при хане, и то знакъ, что бугдыханъ почитаетъ гебя зѣло, п.-ч. онъ ни х которымъ посламъ не ходитъ.

А езуитъ писалъ къ посланнику чрезъ своего человѣка, что онъ къ посланнику ѣхать не смѣетъ, а писалъ, что де они говорили, бутто хана не докладывали, и то солгали, п.-ч. всю ночь думали колаи въ ханской думе и ханъ тутъ же былъ, и послѣ того къ тебѣ послали и колай не очюнь охотникъ былъ къ тебѣ итить и ханъ ему конечно приказалъ ѣхать самому, а думали они такъ: буде ты примешь тѣ статьи и листъ таковъ, и они еще дадутъ тебѣ жить недѣлю, покамѣстъ напишутъ листъ и исправятъ, а буде не примешь, тотчасъ велятъ тебѣ ѣхать исъ царства по старому ихъ постановлению, и наипаче то дѣлаютъ для непріятелей Никанцовъ, чтобъ они видели, что хотя съ ними война, однакожде такого славного великого государя не боятца и обычая своего не переменяютъ, такъ же писалъ, что колай не будетъ, а будетъ для отповеди алихамба.

Августа въ 31-й день приѣхалъ къ посланнику алихамба да съ нимъ езуитъ Алихахава и спрашивалъ посланника про здравье и после того сказалъ, что послали ево колаи для вчерашней отповеди, что ты ему говорилъ, что сего числа отповедь учинишь. И посланникъ ему го-

ворилъ, что мы думали всячески, какъ бы возможно было тѣ статьи спокоить и никакими мѣрами не токмо принять, но и подумать нѣльзѣ, п. ч. буде примемъ мы такой листъ и такие статьи не токмо нашего і несравниваго великого государя и государство ево, но и насъ самихъ въ подданство подаемъ, і то дѣло не токмо позорно всѣмъ намъ, но и казнены будемъ отъ нашего великаго государя, п. ч. во всемъ свѣте не остерегаютъ такъ народы всѣ и не хранятъ иного ничего, что честь государя своего, какъ видимъ, что и вы сами объ вашемъ государе радѣете. И для того, чтобъ бугдыханово величество и вы ближние люди чтобъ на насъ не покручинились, п. ч. паче мѣры нашей и силы принимать не можемъ и не смѣемъ, а буде бугдыханово величество чрезъ вашихъ ближнихъ людей думу изволитъ писать къ царскому величеству таковъ листъ, что другъ другу и сосѣдъ сосѣду, дружбою и любовью, равнымъ обычаемъ, какъ и царское величество писалъ къ бугдыханову величеству и какъ обычай во всемъ свѣте, что всѣ великие государи одинъ къ другому пишутъ равнымъ обычаемъ и почитаютца взаимъ, і мочно и бугдыханову величеству и вамъ склонитца къ тому и писати такъ, что исъ того умаления или вредительства чести его не будетъ, и таковъ листъ буду принимать со всякою честью и царское величество потомужъ з дружбою и любовью будетъ принимать же. И алихамба говорилъ, что таковъ листъ не токмо дати, но и доложить бугдыхана не смѣютъ, чтобъ онъ листъ х кому писалъ равнымъ обычаемъ, п. ч. они и вчера объявили явно, что богдыханъ есть богъ земляной и кругъ ево стоятъ всѣ иные что на свете есть государи, и какъ ему писать листъ равнымъ обычаемъ и то онъ подлинно вѣдаетъ, что невозможное дѣло, и чтобъ онъ посланникъ готовился къ пути, а завтра опять онъ будетъ и что ближние колаи прикажутъ, объявитъ же. И посланникъ ему говорилъ про статьи, что далъ на латинскомъ языкѣ и про подводы и про иные многие дела; чтобъ имъ предложилъ есть ли какая отповедь отъ бугдыхана, или нѣтъ. И алихамба говорилъ, что покамѣстъ Гантимуръ не отданъ будетъ, не токмо на тѣ статьи отповедь, но и малое дѣло начинати нѣльзе какъ и третьева дни въ городе колай ему сказалъ, а что про подводы будетъ онъ алихамба съ Асканьямою говорить и отповедь будетъ же, такъ же алихамба спрашивалъ, сколько куплено верблюдовъ у васъ въ царстве? И посланникъ говорилъ, что куплено верблюдовъ со сто, а не куплены верблюды для того, чтобъ на нихъ вести товаръ исъ царства, а куплены тѣ верблюды для того, что слухъ намъ есть отъ нашихъ людей, которые оставлены на Науне, что многие верблюды померли, и тѣ верблюды куплены въ запасъ, чтобъ намъ было чемъ поднятца съ Науну до Нерчинского, а здѣсь, чтобъ они прибавили

подводъ, хотя небольшие, для того что служилые люди покупали товаръ тежелой, китайки и на тѣхъ подводахъ поднятца намъ нѣльзе, разве будемъ наймывать, а естьлибы они отпустили нашихъ людей чрезъ Селенгу, и имъ бы и намъ было лутче и въ подводахъ лехче. И алихамба говорилъ, что поѣдетъ въ приказъ и будетъ думать съ Асканьямою и опять будетъ завтра, а езуитъ отъѣхалъ съ нимъ алихамбою вмѣсте.

А въ тѣхъ числехъ продажи небыло, только небольшое променили государскихъ казенныхъ соболей на товаръ, а у служилыхъ людей у ково что было, меняли жъ, а талмачи часто приходили къ людемъ ево посланниковымъ и говорили, что за тотъ камень дастъ ли 5000 ланъ, для того что они уговорились з бояриномъ. И они имъ во всемъ отказали и талмачи опять приходили и говорили, что велѣлъ отдать на 3000 ланъ, и опять имъ отказали жъ, что не надобно.

А езуитъ послѣ полудня пріѣхалъ къ посланнику и сказалъ про тѣ дѣла, что бугдыханъ отнюдь не требуетъ листъ писать, какъ ты просишь, потому что онъ по природѣ есть человѣкъ, что любитъ зѣло честь и хвалу; и для того онъ трудился многіе годы и учился китайской мудрости, такъ что на мале иной таковъ сыщется въ Китаехъ, потому что вѣдаетъ онъ, что Китайцы не хвалятъ такъ иного, какъ ученого человѣка, нашаче хана своего; а къ воинскимъ дѣламъ онъ не склоненъ, и нынѣ все во ученіи труждается. И сказалъ езуитъ посланнику съ клятвою, что у нихъ такъ честь хана своего хранятъ, что хотя бы знали подлинно, что оттого потеряютъ царство, однакожде не поступятся никому, какъ отъ вѣка и до сего времяни не поступились и впредь не будутъ поступаться, потому что они люди варвары. И посланникъ спрашивалъ у езуита, что не боятся ли они отъ царск. в-ства и отъ приближенія государскихъ людей не боятся ли, и онъ говорилъ, что конечно боятся, а Москва далеко, и чаютъ, что большому войску притить трудно, а въ ближнихъ мѣстехъ живутъ люди небольшіе, которые не могутъ имъ ничего вредить.

Посланникъ же спрашивалъ у езуита, для чего такъ крѣпко спрашиваютъ взяти отъ насъ одного мужика Гантимура, и какая имъ отъ него прибыль, и езуитъ говорилъ,—для того они спрашиваютъ Гантимура, потому что они вѣдаютъ, что вы не отдадите его, и тогда они сыщутъ причину, будто правдою воюютъ, и станутъ разорять ближнія мѣста Нерчинской и Албазинской, потому что они часто говорятъ, что они русскихъ людей по Амуру трижды разорили до остатку. Итакъ чаютъ они, что и нынѣ могутъ ихъ разорить, а про камень сказалъ, что де меньши двухъ тысячь ханъ Китайской бояринъ не отдастъ, и мочно ли тотъ камень купить чрезъ толмачей, а безъ толмачей ку-

пить нельзе. 185-го года сентября въ 1-й день по утру рано прислалъ езуитъ къ посланнику съ своимъ человѣкомъ письмецо, что всю ночь думали въ ханской верховой думѣ и постановили, чтобъ конечно сего числа тебя посланника изъ царства отпустить. И послѣ того, поноровя съ часъ, пріѣхалъ езуитъ и говорилъ, что послалъ его алихамба, а велѣлъ спросить, время ли къ тебѣ притить алихамбѣ, а ожидаетъ онъ въ ближнемъ приказѣ.

И посланникъ ему говорилъ, что онъ къ алихамбѣ поѣхалъ и велѣлъ бы пріѣхать; и алихамба тогожъ часу къ посланнику пріѣхалъ и какъ пріѣхалъ спрашивалъ посланника про здравіе, и послѣ того почелъ говорить, что вчерашнія рѣчи, что ты предложилъ, чтобъ бугдыханово в-ство писалъ къ ц-му в-ству равнымъ обычаемъ какъ и царск. в-во писалъ къ бугдыхану, и какъ у васъ обычай належитъ, то все объявилъ ближнимъ колаемъ, и они то дѣло не токмо дѣлать, но и доложить бугдыхану не смѣютъ, потому что то дѣло у нихъ отвѣта и донынѣ, также и впредь до вѣка непремѣнно будетъ, и понеже видѣли колаи, что уже всякія дѣла межъ обоихъ великихъ государей скончались, и для того больши того у насъ жить нѣтъ обычая, и чтобъ готовился сего числа ѣхать, потому что отпускъ сего числа по указу бугдыханова в-ства всѣмъ вамъ готовъ есть. Только при отпускѣ твоемъ ближніе колаи велѣли тебѣ тѣжъ рѣчи прежнія объявить, чтобъ ты царскому в-ству конечно доложилъ: 1-е дѣло, чтобъ Гантимура царское в-ство съ посломъ конечно послалъ, потому хотябъ и писалъ бугдыханъ листъ отъ себя къ ц-му в-ству, однакожде иное не писалъ бы кромѣ про отданіе Гантимура, и для того ты тѣжъ рѣчи царскому в-ству словесно объяви, чтобъ не учинилось какъ прежде сего; казакамъ наказано было про Гантимура объявить, а они ничего не сказали; 2-е статья есть, буде ц-ое в-ство изволитъ впредь посылати къ намъ посла, или посланника, или иного кого нибудь, чтобъ ему указалъ, что мы здѣсь прикажемъ, чтобъ ни въ чемъ намъ не противился. 3-я статья, чтобъ жестоко указалъ своимъ служилымъ людямъ, которые живутъ близъ рубежей нашихъ, чтобъ отнюдь нашихъ ничѣмъ не изобижали, потому что оттого никакого добра не будетъ; и буде царское в-ство тѣ три статьи исполнитъ, тогда хотя чрезъ тебя или чрезъ иного не токмо тѣ 12 статей, что ты подалъ, что царское в-ство отъ бугдыханова в-ва желаетъ, и хотя и иное что нибудь учнетъ желать, и бугдыханъ обѣщается ц-му в-ству исполнить; только покамѣстъ тѣ три статьи не исполнены будутъ, чтобъ отнюдь никакіе люди отъ васъ изъ Россіи и изъ порубежныхъ ни съ какими дѣлами и съ торгомъ не приходили, потому что указъ богдыхановъ такъ постановленъ. И посланникъ алихамбѣ говорилъ, что тѣ дѣла, которыя приказали колаи мнѣ объявить,

чтобъ я ц-му в-ству доложилъ; и тѣ дѣла хотябъ и не приказали тебѣ говорить, а я долженъ великому государю своему объявить про всякія дѣла, и что воля бугдыханова в-ства и ближнихъ людей; а я и безъ листа ц-му в-ству словесно доложу, только то трудно, что такъ объявили отпускъ внезапно, и, какъ самъ видишь, я нисъчѣмъ не собрался, а мочно бы было дни за два или за три, какъ ведется посломъ и въ иныхъ государствахъ, прежде сказати, да и сверхъ того что еще на дворъ и подводы не приведены, и мочно ли намъ на тѣхъ подводахъ подняться, а буде подняться не мочно, надобно время нанять подводы, и хотя бы намъ дали сроку до утрея, чтобъ собрались, а утре, хотя ночью, пойдемъ вонъ изъ царства, потому что и намъ здѣсь жить больши не почто.

И алихамба говорилъ, что бугдыханъ приказалъ прибавить еще десять подводъ противъ прежняго и будетъ во всемъ 60 телѣгъ и чаемъ, что на тѣхъ 60 телѣгахъ мочно вамъ поднятись, п. ч. здѣшние телѣги не такъ мало подымаютъ, какъ мунгальские, а подымаютъ здѣшние передъ тѣми гораздо много. А въ приставехъ у васъ указалъ бугдыханъ быть до Науну Асканьямѣ жъ и двумъ заргучѣемъ и подъячимъ и сотникомъ, а ныне Асканьяма боленъ и поѣдутъ съ вами заргучѣи и прочие, а онъ Асканьяма сустижетъ васъ по дороге, а про то что ты говоришь для чего тебѣ не объявили прежде сего и чтобъ тебѣ жить до утра, и про то дѣло чтобъ объявить посломъ прежде, у насъ нѣтъ обычая, только въ послѣдней день какъ указъ бугдыхановъ есть, и въ тотъ день и объявляютъ, а что тебѣ жить до утра и о томъ и подумать нѣльзе, потому какъ единъ Богъ на небе, такъ и богдыханово слово едино и не перемѣнно и для того конечно тебѣ ныне ѣхать, чтобъ сегодня хотя при вечере только бъ исъ Пежина выѣхалъ, а становье недалеко тебѣ поставлено въ городе Тунгъ, а по мунгальски въ Баянъ суме, которой отселе 40 нашихъ верстъ (а русскихъ вашихъ верстъ до того города 13) и такъ мочно поспѣть хотя въ вечеру, только чтобъ бугдыханово слово исполнилось; а подводы тотчасъ пойдетъ въ приказъ и пришлетъ і все что надобно посланнику къ отпуску пошлетъ же. И посланникъ говорилъ, что грязи есть за городомъ и въ городе великие и будутъ ломатись телѣги, и тутъ будутъ ночевать по дороге и чтобъ не учинилась какая кража. И алихамба говорилъ, что никакими мѣрами нельзѣ, хотя дождь и грязи и что нибудь, только ныне ѣхать. И видя то, посланникъ что буде неизготовлюсь ѣхать, мочно и силою вышлютъ, тогда ему говорилъ, чтобъ подводы прислалъ поскорѣе, а я буду збиратца какъ мочно; хотя и нужно, однакожде поѣду. І алихамба после того съ посланникомъ со всякою учтивостью повитался и желалъ счастливое нужное шествие и спрашивалъ, сколь скоро будетъ отповедь отъ царскаго величества о тѣхъ дѣлехъ. И посланникъ

ему сказалъ, что мочно отповеди быть въ полтретья года или въ три года, и после того алихамба отъѣхалъ.

И понаровя съ часъ приѣхали заргучѣи и привели 60 телѣгъ да 134 коня, подъ всякого человѣка по коню, а коня дали и полонянину и написали ево въ приказе для того что лишнихъ людей исъ царства не выпустятъ кромѣ тѣхъ, которые писаны въ первомъ городе у стѣны въ заставе.

А въ тѣхъ послѣднихъ числехъ августа мѣсяца по 1-е число мѣсяца сентября приходили на подворье къ посланнику многие честные люди и холопи боярские и торговые и спрашивали у посланника купить достальные товары, соболи и кость рыбью, что осталось изъ государские казны, такъже спрашивали купить и ево посланниковъ осталые товары и стали давать за товары на третью долю той цены, какъ преже купили, бутто съ поруганиемъ і чаели такъ, что возьмутъ товары какъ они хотятъ. И посланникъ видя, что они только наругаютца надъ товаромъ и что хотятъ взять даромъ, отказалъ и говорилъ, буде дадутъ прежнюю цѣну и такъ буду продавать, а есть ли станете меньшую цѣну давать, и вамъ товаровъ не токмо продать, но и не покажетъ, п. ч. нѣтъ намъ никакие нужды чтобъ такъ дешево отдать, однакожде въ тѣхъ дняхъ товары продали небольшою ценою, а достальныхъ продать было нѣльзе для того что только надъ товаромъ поругались, а у нихъ всегда обычай таковъ, что на отпуске многие люди приходятъ и товары покупаютъ дешевою ценою для того, что де тѣ товары назадъ не повезутъ и продадутъ дешевою цѣною нужды ради, чтобъ тѣ товары назадъ не повезли.

А какъ тѣлѣги и кони привели, великого государя казну клали на телѣги, а достальные роздалъ государскимъ служилымъ людемъ, однакожде на тѣхъ 60 телѣгахъ многие поднятись не могли и для того и служилыхъ людей многие клали на свои верблюды, что куплены были въ царстве, а торговые и иные наймовали дорогою ценою. И какъ склались, отпустили съ подворья телѣги напередъ служилыми людьми и съ ихъ, а при посланникѣ остались два заргучѣя, чтобъ съ ними вмѣсте поѣхалъ исъ царства и до Науна, п. ч. Асканьяма въ то время былъ боленъ.

И будучи уже въ готовости ѣхать, пришли къ посланнику всѣ китайские талмачи въ тайне и говорили, чтобъ купилъ большой камень лалъ, которой прежде сего виделъ, а они поговорили з бояриномъ чей камень, чтобъ отдалъ на 2000 ланъ. И посланникъ имъ говорилъ, что ныне уже телѣги отпущены и купить нѣчимъ, однакожде буде они отдадутъ на 1500 ланъ, и я буду купить изъ его великого государя казны. И они говорили, что меньши того отдать нѣльзѣ и по многимъ разговоромъ просили 1800 ланъ, и стали. І видя посланникъ, что они хотятъ

съ каменемъ отъѣхать, а камень отдаютъ недорогою ценою, которой камень въ Цареградѣ и въ иныхъ государствахъ продался бы великою ценою, и на Москвѣ такого каменя греки въ его великого государя казну, ни иные иноземцы не привезли, призвалъ талмачей и далъ имъ 1600 ланъ і взялъ камень, и они божились предъ бурганомъ своимъ, что иного такого каменя въ государстве ихъ нѣтъ, только чтобъ было тайно и неслышно было бугдыхану, п. ч. казнены будутъ, для чего они такое дорогое дѣло изъ государства продали. Такъ же обѣщались посланнику, что поѣдутъ за нимъ со всякими товары торговать, что осталось великого государя казны, и у него посланника своего, и на товаръ менять, п. ч. они отнюдь не чаели, что учинился такой незапной отпускъ.

И потомъ посланникъ за четыре часа до вечера вмѣсте съ заргучеемъ выѣхалъ исъ Пежина города, а по дороге въ городе и за городомъ великого государя подъ казною и у служилыхъ людей телѣги подломились многие, а иные и ночевали тутъ. И будучи посланникъ за городомъ говорилъ заргучѣемъ, что они подождали тутъ покамѣстъ соберутца люди и телѣги, и они говорили, что отнюдь не смѣютъ, п. ч. указъ бугдыхановъ есть ѣхать тебѣ посланнику до города Тунгъ, и тутъ становитись сегодня. И посланникъ поѣхалъ верхомъ съ заргучѣеми и такие грязи были, что насилу верхомъ пріѣхали въ полночь въ городѣ Тунгъ, которой стоитъ отъ Пежина въ 13-ти верстахъ рускихъ, а ихъ 40 верстъ, и городовые ворота заперты были и насилу въ городъ пустили, и поставили посланника на прежнемъ дворѣ, а кормъ назначенъ былъ по прежнему по 5-ти свиней на день, а кормъ дали только на тѣ дни, какъ ѣхали, а на простойные дни давать отъ хана указу не было. А телѣги въ тотъ день и верблюды въ городъ Тунгъ не бывали, а ночевали всѣ розно по грязямъ. И стояли въ городе Тунге два дни и насилу телѣги собрались, п. ч. которые телѣги поломались, никакова вспоможенія не учинили, а велѣли наймовать на свои деньги, и такъ иные наймовали на деньги, а иные привезли на своихъ верблюдахъ.

Сентября въ 4-й день дали иные кони и телѣги и поднялись изъ города и переѣхали реку Пе, не по мосту какъ ѣхали въ царство, а перевозилисъ на бусахъ. А описание реки Пе и города Тунга выше сего написали въ пріѣзде нашемъ въ царство мая въ 14-й день. А переѣхавъ реку сустигъ Асканьяма, который и прежде сего былъ въ приставехъ и повитался съ посланникомъ и говорилъ, что онъ Асканьяма былъ гораздо боленъ и для того вмѣсте исъ Пежина не ѣхалъ, а ныне онъ по указу бугдыханову поѣдетъ въ провожатыхъ до Науна по прежнему и подводы также дати, а про талмачей что хотѣли с товаромъ пріѣхать устрашилъ онъ, и для того не пріѣхали.

И отъ города Тунга ѣхали до великіе стены тѣмъже путемъ, которымъ ѣхали прежде сего. Тамъже и отъ великие стены до реки Коргей ѣхали тѣмъ же путемъ, а отъ реки Коргей ѣхали до Науна не тѣмъ путемъ, а ѣхали левѣе чрезъ запустѣного города и чрезъ многие бродовые рѣки, межъ которыхъ многие Мунгальские юрты кочевали, и иные просо жали и молотили. И после того приѣхали къ первымъ Даурскимъ Наунскимъ селамъ и тутъ переѣзжали реку большую на поромахъ, котора падетъ въ реку Наунъ, и исъ той деревни ѣхали до другой деревни Наунской же день, и тутъ назначено было намъ мѣсто стоять покамѣстъ изготовимся возвратитись назадъ въ Нерчинской.

А ходъ нашъ былъ исъ царства хотя и тѣмъ же путемъ, однакожде гораздо тишае, п. ч. телѣги тежелы были и ломались и отъ того учинился простой немалой, п. ч. ѣхали исъ царства сентября съ 1-го і октября до 8-го числа, приѣхали на Наунъ. А Асканьяма не по прежнему былъ въ совѣте съ посланникомъ п. ч. ему вѣстно было, что скотъ нашъ, которой онъ въ Наунскихъ селехъ принелъ, и обещался, что до возвращения нашего будетъ въ цѣлости, и тотъ скотъ чють не весь ихъ люди поморили, а посланнику дорогою не объявилъ о томъ ничего, чтобъ купилъ дорогою кони и верблюды дешевою ценою, и покамѣстъ не приѣхали въ Наунские села и не встрѣтили наши, которые оставались на Науне, и тогда отъ нихъ вѣдомость учинилась.

А ѣдучи исъ царства встрѣчались со многими Мунгальскими людьми, которые ѣхали въ царство писатись въ службу противъ Никанцовъ, а люди были самые нужные.

А какъ приѣхали въ Наунское село, гдѣ назначено было намъ стоять и готовитись къ пути, і не дали намъ по прежнему въ селѣ жить въ ізбахъ, а поставили насъ на поле отъ села съ полверсты при рекѣ Науне, и были дожди великие смѣшены съ снѣгомъ и у многихъ товары помокли, и били челомъ чтобъ пустили въ ізбы, и они отнюдь въ ізбахъ стоять не поволили, а прислали юртъ зъ 10 камышныхъ худыхъ і велѣли въ нихъ стоять. И тутъ пришли 12 человѣкъ нашихъ людей, которые оставлены были для бережения скота и для того, что больши того въ царство людей не взяли, и сказали, что не токмо Китайцы скота не берегли и не кормили, а и ихъ самихъ не кормили жъ и кормъ, которой имъ давать назначенъ былъ, не давали жъ и немного з голоду не поморили, и работали они у нихъ, и тѣмъ кормились, а про скотъ сказали, что дали Китайцомъ кормить коней, і осталось только 17 коней, и тѣ чють живы, а про верблюды сказали, что дали китайцомъ кормить и было ихъ больши ста верблюдовъ, и отъ нихъ осталась меньшая половина и тѣ чють живы, а изъ государскихъ верблюдовъ отъ 15-ти оста-

лось 7 верблюдовъ и тѣ безъ ногъ. И посланникъ посылалъ къ Асканьямѣ детей боярскихъ и служилыхъ людей, такъже и къ воеводамъ Наунскимъ и пенялъ на нихъ накрепко, что они принели тотъ скотъ такимъ договоромъ, чтобъ опять отдали назадъ въ цѣлости, а буде которой пропадетъ, будутъ править на томъ мужикѣ, которой кормилъ, а ныне слышимъ отъ нашихъ людей, что скотъ весь пропалъ, какъ они и сами видятъ и поднятца стало не на чемъ, а въ царстве и дорогою ѣдучи что скотъ померъ не сказали жъ и мочно было въ царстве и дорогою купить, и для тогобъ они учинили споможение на чемъ поднятись. И они отповедь учинили, что скотъ нашъ не померъ отъ непрокормления и отъ небережения ихъ, а померъ отъ того, что былъ на ту всю страну на скотъ моровое повѣтрие и не только, что вашъ скотъ померъ, но и у нашихъ людей у всѣхъ до конца померли и о томъ воля Божия не только надъ скотомъ учинитца, но и подъ людьми, а буде онъ посланникъ не вѣритъ, и онъ Асканьяма готовъ ѣхать съ нимъ посланникомъ верхъ по Науну рекѣ, гдѣ кормились верблюды и кони, и тутъ покажутъ падежное мѣсто и знакъ кости конские и верблюжьи, только тому надобно время ѣхать взадъ и впередъ съ недѣлю. А пособи у нихъ иные нѣтъ на чемъ поднятца опричь того что пошлютъ къ ближнимъ Мунгальскимъ тайшамъ и къ Даурскимъ мужикомъ, чтобъ они привели на продажу къ посланнику всякого скота, а у нево посланника и у служилыхъ людей китаекъ есть много и мочно купить что надобно, а иного воспоможения отъ нихъ не будетъ. Да сверхъ того приказали, чтобъ посланникъ назначилъ во сколько дней мочно готовитца, п. ч. указъ бугдыхановъ есть таковъ, чтобъ корму дать на 5 дней, а больши того ни корму, ни сроку жить еще не дадутъ. И посланникъ посылалъ опять къ нимъ, чтобъ они дали подводы небольшое до реки Аргуни подъ поминки бугдыхановы и опять возвратятца назадъ, а буде похотятъ ѣхать до Нерчинского торговать, и имъ повольно будетъ, а про кормъ сказалъ, что о томъ воля бугдыханова, мочно жить и на своихъ проторѣхъ, такъже и про подъемъ, чтобъ вскоре поднялся, и онъ посланникъ наипаче поспешитъ, только бъ они приказали пригнать скотъ на продажу поскорѣе, а онъ чаетъ, что мочно въ двѣ недѣли изготовитца, а буде скорѣе, то и лутчи.

И онъ Асканьяма присылалъ къ посланнику воеводу Мангутѣя и говорилъ съ клятвою, что кони и верблюды померли отъ морового повѣтрия, а не отъ нихъ, а подводъ безъ указу бугдыханова дать они не смѣютъ, а про срокъ дадутъ они жить и на двѣ недѣли а скота продажнаго всякого завтра будетъ много. А онъ Мангутѣй назначенъ провожать посланника до крайнихъ Таргачинскихъ мужиковъ, а кони и скотъ покупалъ онъ Асканьяма съ товарыщи отъ своихъ мужиковъ, и опять

намъ продавали дорогою ценою. І посланникъ ему говорилъ, что наши люди, которые оставлены были, пеняютъ на него, что ихъ не кормилъ какъ обещался, такъже, что просили у него кони чтобъ отогнать нашъ скотъ изъ болотъ на степь, не далъ же и оттого скотъ и померъ. И онъ отпирался о томъ гораздо і велѣлъ призвать нашихъ людей налицо и о томъ многие разговоры съ ними воеводы были и пересылки къ Асканьямѣ, однакожде никакой помочи не получили, а знатно то, что иные кони изъ нашихъ і померли, а иныхъ лутчихъ утаили и заѣздили.

И на другой день пригнали осталыхъ нашихъ коней 17 съ саднами да 47 верблюдовъ и тѣ хромы и чють живы и после того учали пригонять на продажу кони и верблюды, а кони и верблюды покупали на китайки и на серебро дорогою ценою, кони добрые по 40 концовъ китаекъ, а которые по плоше, и тѣ по 30 и по 25-ть и по 20 концовъ добрыхъ самыхъ китаекъ, такъже и для прокормления и подо вьюкъ купили рогатого скота много, а рогатой скотъ покупали по 14 и по 10 концовъ китаекъ, такъже и крупъ овсяныхъ и просяныхъ, для того что у нихъ иного хлѣба нѣтъ. А верблюды продажные были только у воеводъ и купилъ посланникъ два верблюда на серебро подъ казну великого государя, а за тѣ верблюды дано ланъ, и тѣ верблюды дошли до Селенгинского острога и опять на нихъ пошли въ Китай изъ Селенгинского острога.

И такъ въ Наунскихъ селехъ осталось немного . . . . . половина Китайского товару и сто(яли) тутъ октября со 8-го числа октябряжъ до 18-го числа покамѣстъ собрались совсѣмъ. И тогда посланникъ посылалъ къ Асканьямѣ говорить объ екутахъ, которые бежали съ Лѣны и обещался что назадъ ѣдучи исъ царства отдастъ, такъже и про тунгуса Токултая, которой изъ Нерчинского былъ до Наунскихъ селъ въ вожахъ и ныне взятъ былъ съ ними въ царство, такъже что онъ посланникъ хочетъ отпустить 5 человѣкъ въ Албазинской острогъ, чтобъ онъ имъ далъ провожатыхъ до послѣднихъ ихъ селъ.

И Асканьяма прислалъ отъ себя Посольского приказу подъячего, а съ нимъ прислалъ вожа Токултая и говорилъ посланнику, что бугдыханово величество для царского величества подарилъ тебя тѣмъ тунгусомъ, чтобъ тебѣ былъ вожомъ до Нерчинского по прежнему, а достоенъ онъ былъ казни смертной, для того что онъ учинилъ многое прежде сего воровство и убійство. А про екутовъ сказалъ, когда царское величество изволитъ отдать и. . . . . ихъ тунгуса Гантимура, и тогда бугдыханъ велитъ отдать подданныхъ царского величества Якутовъ, а про отпускъ въ Албазинской острогъ онъ отпуститъ и провожатыхъ дастъ, только имъ не вольно будетъ ночевать въ селѣхъ, также говорилъ, чтобъ чрезъ тѣхъ

людей приказалъ Албазинскимъ казакамъ, чтобъ они жили съ ними смирно не по прежнему и соболей, что взяли отъ ихъ подданныхъ, чтобъ отдали и впредь отнюдь ихъ не обидили, а буде учнутъ по прежнему изобижать, и отъ того никакова добра не учинитца, какъ и прежде сего добро не учинилось, когда казаки воевали по рекѣ Амуру.

И посланникъ говорилъ, что по указу великого государя отпишетъ къ нимъ Албазинскимъ казакамъ, чтобъ они жили смирно, только бъ и они своимъ людемъ заказали бъ, чтобъ и они нашихъ рускихъ людей и есачныхъ, когда промышляютъ, ни въ чемъ не изобижали бъ, п. ч. отъ нашихъ людей есть жалоба великая. А про Гантимура сказалъ, что о томъ доложу царскому величеству, и о томъ какъ укажетъ, а про отдания вожа билъ челомъ бугдыхану, что онъ пожаловалъ велѣлъ отдать. И такъ подъячей отъѣхалъ.

А то что выше сего писали, что не поставили насъ по прежнему жить въ селахъ, такъже и тѣхъ, что послали ѣхать въ Албазинской, что не велѣли ночевать въ селехъ, учинили они Китайцы для того, чтобъ наши люди не подговарпвали подданныхъ ихъ Дауровъ итить и жить по прежнему близъ Албазинского въ подданстве у великого государя на рекѣ Амуре, п. ч. многие изъ Дауръ прежде сего были у казаковъ въ аманатахъ и вѣдаютъ и Китайцы, что Даурские мужики ради тому, и для того остерегали ихъ накрепко и вожу нашему тунгусу заказали накрепко, чтобъ съ ихъ подданными отнюдь не водился.

А жену того тунгуса не дали и рухляди ево не отдали жъ и говорили, что полно и того, что и голову ево даровали для царского величества.

Октября въ 18-й день по утру собрались совсѣмъ поѣхали изъ Наунскихъ селъ на своихъ верблюдахъ и конехъ, а подводы не дали ни до Таргачинскихъ своихъ мужиковъ, только корму дали небольшое. И будучи посланникъ противъ села, гдѣ стоялъ Асканьяма, выѣхали изъ села два заргучея, которые приѣхали исъ царства и всѣ Наунские воеводы и подъячие, и повитались съ посланникомъ и говорили, что Асканьяма велѣлъ челомъ ударить и сказать, чтобъ на него не пенялъ, что онъ самъ провожать не приѣхалъ, п. ч. боленъ і нынѣ на дворѣ вѣтръ великой и стужа, і для того прислалъ насъ тебя проводить съ честию, а до Таргачинскихъ мужиковъ пойдетъ тебя провожать со сто человѣки воевода Мангутѣй. Такъже говорили, чтобъ посланникъ заказалъ рускимъ людемъ, которые подданы царскому величеству, а живутъ съ ними въ порубежныхъ, чтобъ они съ ними жили смирно и никакихъ обидъ не чинили, п. ч. они тому ради, чтобъ жили въ миру и въ дружбе, и иные многие такие рѣчи говорили и провожали посланника версты зъ 2 і после

того повитались і возвратились назадъ. А псъ того села ѣхали инымъ путемъ, не тѣмъ, которымъ пріѣхали, п. ч. то село отъ села Пачегорского, гдѣ прежде сего стояли, было въ днище, однакожде и та дорога сошлась на другой день съ прежнею дорогою. И какъ поѣхали отъ реки Науна, і тогда река Наунъ почала по краямъ мерзнуть.

И на другой день пріѣхалъ воевода Мангутѣй и сталъ подле посланника обозомъ своимъ не по далеку, и ѣхалъ съ посланникомъ до четвертого становья до реки Ялу, гдѣ живутъ Таргачинские мужики, а къ нимъ послали они напередъ, и сверху реки Ялу і согнали къ Наунскимъ селамъ для того, чтобъ мы съ ними не видались, п. ч. они съ Гантимуромъ і и съ іными Нерчинскими тунгусами сродники и чтобъ наши люди ихъ не подговаривали и для того имъ съ нами и торговать не далі.

А на четвертой день пріѣхали по край реки Ялу и тутъ пріѣхалъ воевода Мангутѣй и привесъ с собою зайцовъ и иного звериного мяса и вина горячего и говорилъ посланнику опять про тожъ, чтобъ порубежные царского величества люди съ ними жили въ миру и въ совѣте, а къ нимъ на Наунъ отнюдь съ торгомъ і и съ інымъ ничѣмъ не приходили опричь того, буде какая будетъ великая нужда или обида отъ ихъ людей, тогда бъ пришли и жалобу творили бъ, а инымъ обычаемъ до указу бугдыханова отнюдь не приходили бъ и покамѣстъ отповедь не придетъ отъ царского величества про Гантимура, и спрашивалъ въ три года придетъ ли отповедь отъ царского величества, такъже говорилъ посланнику чтобъ остерегался дорогою ѣхавъ накрепко отъ Баргутовъ и отъ Намясинскихъ тунгусовъ, п. ч. они воры великие и русаковъ не любятъ и чтобъ не учинили какое нахождение, а онъ вѣдаетъ про то, какъ онъ провожалъ до Нерчинского казаковъ съ хановымъ листомъ, и тогда приходили къ нему Намясинцы и Баргуты и просили казаковъ, чтобъ онъ имъ отдалъ, а они ихъ будутъ убить, для того что они беспрестанно ихъ воюютъ. И посланникъ ему говорилъ, что про рубежъ, чтобъ жили въ миру по указу великого государя порубежнымъ служилымъ людемъ будетъ заказъ, чтобъ они жили въ дружбе и въ миру, п. ч. не для чего и ссоритца, разве ваши подданные какой задоръ учинятъ. А про отповедь великого государя къ хану каковъ ходъ будетъ, такъ и отповедь, мочно въ два года и въ полтретья и въ три минутись и больши, для того что дорога дальнея. А про неприятели про Намясинцовъ и Баргутовъ, и ныне ѣдучи на Наунъ видели ихъ, и они отъ насъ испужались и розбежались всѣ и насилу ихъ уговорили, чтобъ къ намъ пріѣхали и торговали бъ, и иные хто съ миромъ придетъ мы рады, а хто съ войною, Божиею помощью будемъ оборонятись.

И Мангутѣй говорилъ, что онъ сказалъ по дружбе, для того что поминки отъ хана ихъ идутъ, и чтобъ не учинилась какая поруха. Такъже говорилъ, чтобъ вожа Токултая изъ обозу къ ихъ обозу не пускалъ, для того чтобъ ево Токултая не убили, а онъ тѣ рѣчи говорилъ, что они отъ него боялись, чтобъ не подговаривалъ тунгусовъ ихъ ѣхати къ Гантимуру въ Нерчинской острогъ. И посланникъ говорилъ, что ево отдастъ за караулъ, такъже говорилъ что завтрашней день для упокоения скот станутъ стоять и чтобъ онъ приказалъ своимъ людемъ съ нашими торговать, а велѣлъ привесть на продажу кони и скотъ рогатой. И онъ говорилъ, что стоятъ тутъ день мочно, для того что онъ отъ того мѣста поѣдетъ назадъ, п. ч. ему приказано до того мѣста, до крайнихъ людей провожать, а про торгъ сказалъ, что ему не указано дать для того чтобъ не учинились какие ссоры межъ нашихъ и ихъ людей, а будетъ и онъ стоять до завтрашнего дня и возвратится назадъ къ Асканьямѣ, потому покамѣстъ онъ не возвратится, и Асканьяма назадъ въ царство не поѣдетъ. И после того отъѣхалъ къ своему обозу.

А на третей день по утру какъ нарежался посланникъ ѣхать, и онъ Мангутѣй пріѣхалъ и повитался и простился съ посланникомъ и желалъ ему счастливое путное шествие. И такъ они поворотились на Наунъ, а мы переѣхали реку Ялъ въ бродъ, и по рекѣ же мы шли, какъ переѣхали за реку, нашли снѣги великие. И тѣ снѣги и до Нерчинского вездѣ были, и стужи и морозы почали быть, и кормъ былъ скудной. И такъ возвратились прежнею дорогою, которою пріѣхали и на Наунъ. И по край реки Ялу ѣхали до самого Таргачинского хребта, а на хребтѣ былъ снѣгъ великой въ аршинъ, и никакихъ людей не видали. А за Таргачинскимъ хребтомъ въ третей день по рекѣ Дзадуве поймали баргудкого мужика, и онъ сказался, что племянникъ старому мужику, которого сыскали ѣдучи на Наунъ, а стоятъ де ихъ юртами человѣкъ съ 7 и ловятъ всякие звѣри. И посланникъ говорилъ ему, для чего они украли изъ обозу четырехъ коней, тогда и онъ говорилъ что де тѣ кони украли Намясинские мужики, а не они; а они ходили за вами многое время и хотѣли взять людей и коней, и не могли взять больши того, и дали имена тѣмъ Намясинцомъ, и о томъ межъ ими и Намясинцами учинился бой. И посланникъ ево отпустилъ и приказалъ, чтобъ онъ поѣхалъ къ Мунгаломъ и къ Баргутомъ, чтобъ они пришли на встрѣчю гдѣ возможно съ торгомъ. И отъ того мѣста поѣхали за Кайларъ реку и въ пятой день пришли къ рѣчке Мергелю. И привелъ насъ вожъ не прежнимъ путемъ, и до той рѣчки никакихъ людей не видали, а тутъ нашли небольшие юрты Мунгальские и взяли отъ нихъ одного мунгалетина и послали съ нашимъ вожомъ къ мунгальскимъ тайшамъ, которые

въ полуднище стояли, чтобъ они пришли къ намъ со всякимъ торгомъ. И на другой день приѣхали многие Мунгалы и привели кони и верблюды и рогатой скотъ и бараны, а покупали и меняли на китайки, а кража отъ нихъ никакая не учинилась.

А тѣхъ иноземцовъ всѣхъ, что живутъ межъ Нерчинскимъ и Науномъ, буде изволъ великого государя будетъ острогъ поставитъ на Аргуне или на Кайларе рекѣ, и возможно ихъ въ подданство великому государю привести, п. ч. никому не голдуютъ.

А отъ рѣчки Мергеля ѣхали степью опять инымъ путемъ и въ два днища приѣхали на реку Ганъ и тутъ нашли слѣдъ Намясинскихъ мужиковъ и небольшие юрты Мунгальские. И отъ того мѣста ѣхали днище и приѣхали на рѣчку, которая отъ Аргуни днище и тутъ приѣхали на становье къ посланнику всѣ начальные люди Намясинские, а съ собою привели коня и барана и быка, и посланникъ барана принелъ, а коня и быка не принялъ, и пенялъ имъ накрепко для того что въ прошломъ году, ѣдучи въ Китай, были они у него посланника не по однижды и вину свою великому государю приносили и обещались впредь есакъ платить и подводы дать хотѣли, а во всемъ обманывали, п. ч. не токмо тѣ дѣла не исполнили, а и сверхъ того, ѣдучи за посланникомъ 20 человѣкъ Нерчинскихъ, а вы хотѣли убить и грабить и для того нѣ по что и въ обозъ приходить, для того что вамъ ни въ чемъ не вѣримъ, потому какъ преже сего воровали, такъ и ныне. И они говорили, что есаку великому государю въ Нерчинской послали нѣсколько десятковъ коней, а иные еще збираютъ, и тѣ пошлютъ же, а про убійство служилыхъ людей сказали, что они отнюдь и не думали, только есть междо ими молодые люди, которые имъ не послушны и тѣ служилыми людьми попрекались, а иного ничего не было, а они ради у великого государя въ подданстве быть. Такъже спрашивали про Гантимура, изволитъ ли великой государь отдать . . . . . .

. . . . . .

. . . . и урочища росписалъ подлинно, чтобъ впредь . . дорога была знатна а наипаче послалъ ево, чтобъ провѣдалъ, пустятъ ли китайцы великого государя людей торговать, или не пустятъ, какъ будучи тамъ посланнику говорили, а служивому тому приказалъ, чтобъ онъ говорилъ, что пришолъ изъ порубежныхъ мѣстъ для торгу, а про посланника онъ и не слыхалъ, п. ч. онъ іною дорогою ѣхалъ, а хотѣли они тайшины люди ѣхать съ Ильина дни въ Китай.

А подъ ту казну дано ему 2 верблюда, которые куплены были на великого государя въ Наунскихъ селехъ, а тѣ 7 верблюдовъ государевыхъ, которые оставлены были на Науне и взяли ихъ, какъ возвратились исъ

Китай, и тѣ верблюды для немочи своей иные померли до Нерчинского а иные дорогою до Селенгинского, а иные какъ пріѣхали въ Селенгинской померли для того что въ Наунскихъ селехъ обезножели и заморены были.

А въ Селенгинскомъ остроге пріѣзжаютъ Мунгальцы на верблюдахъ со многими Китайскими товары и торгуютъ и меняютъ на руские товары, такъже и служилые Селенгинские ходятъ къ нимъ беспрестанно и торгуютъ, и по времяни мочно завесть торгъ великой, что нѣ по что будетъ ходить і въ Китай, только надобно человѣкъ таковъ прикащикъ, которой бы зналъ жити съ ними Мунгальцами.

Въ Селенгинскомъ остроге стояли мая до 3-го числа и после того пріѣхалі въ заимку и починили дощаники и пріѣхали къ Байкальскому морю. И на усть Селенги реки за льдомъ стояли мая по 13-е число и после того проехали Байкальское море і мая въ 16-е число пріѣхали въ Иркуцкой острогъ и тутъ стояли мая до 18-го числа. И въ прошломъ году во 184-мъ Иркуцкие служилые люди поѣхали вверхъ по Иркуте рекѣ дней съ 6 и тутъ построили острогъ и поселились человѣкъ съ 50 и сказываютъ, что мѣсто зѣло хлѣбородно и угодно и есакъ великому государю начали збирать, а отъ того мѣста дни съ три есть озеро великое Косогоръ, исъ которого течетъ река Селенга, и тутъ лѣсъ есть же и острогъ поставить мочно, да и около того озера кочуютъ многие Мунгальцы и тѣ сказываютъ, что отъ того мѣста есть дорога въ Китай, куда мочно ѣхать безопасно и блиско.

А изъ Иркуцкого поѣхали мая въ 18-й день. Въ Енисѣйской пріѣхали іюня въ 7-й день и въ Енисейскомъ не допустя до берега встрѣтилъ насъ съ ево великого государя указомъ стольникъ и воевода Михайла Васильевъ сынъ Приклонской и велѣлъ намъ изъ дощаниковъ вытить вонъ всѣмъ, что были, и объявилъ намъ великого государя указъ и после того велѣлъ таможенному головѣ съ целовальники осматривать всѣхъ людей, что въ дощаникѣ нибыло, и посланника почалъ осматривать въ корманахъ и за пазухой и въ штанахъ и за голенищи и вездѣ, и ничего не нашли. И после того смотрили дворянъ Московскихъ и детей боярскихъ и подъячихъ и всѣхъ служилыхъ и до послѣднего человѣка, и тогда собрались на берегъ всѣ градцкие люди. Тутъ же были и мунгальские посланцы, которые отпущены были отъ великого государя съ Москвы, и после того почалъ смотрить дощаникъ посланниковъ и выбрали изъ него вонъ все что было и осмотрили въ дощанике со свечами. И на томъ осмотре былъ Тобольской сынъ боярской, которой былъ посланъ съ Москвы великого государя съ указомъ і въ тотъ день смотрить не успѣли, п. ч. уже былъ вечеръ, и для того людемъ отвели подворьи, а на дощa-

никахъ поставилъ караулъ Енисѣйскихъ служилыхъ людей съ целовальники. А на другой день смотрили великого государя казну и дворянъ и детей боярскихъ і всѣхъ что были на дощаникахъ до послѣднего человѣка. А после осмотру все что было великого государя казны и то что принято отъ посланника и ото всѣхъ ево великого государя служилыхъ людей на великого государя запечатали его великого государя печатью. И тѣхъ что отъ ково взято какие нибудь товары, и они печатали своими перстеньми і въ росписѣ написано, что у ково взято и къ той росписи руки приложили всякъ подъ своимъ мѣстомъ гдѣ ево товаръ написанъ, и тѣ росписи стольникъ и воевода послалъ къ великому государю чрезъ Камень съ нарочнымъ гонцомъ.

А посланникъ въ Енисѣйску жилъ июля до 9-го числа, а жили для того что стольникъ і воевода не отпускалъ.

Июля въ 10-й день поѣхали чрезъ Маковской волокъ и июля въ 14-й приѣхали въ Маковской острогъ, и тутъ стояли июля до 20-го числа для того что въ готовности судовъ не было. А за казною которая была его великого государя, что подарки отъ Китайского хана і что куплено на его великого государя казну, то все далъ стольникъ і воевода посланнику, а въ провожатыхъ по его великого государя указу далъ онъ 10 человѣкъ Тобольскихъ казаковъ, исъ тѣхъ, которые были съ нимъ посланникомъ въ Китаехъ. А за тою казною, которая взята на великого государя у посланника и у всѣхъ служилыхъ людей, какъ о томъ писано выше сего, послалъ стольникъ і воевода 4 человѣкъ Енисѣйскихъ служилыхъ людей въ провожатыхъ и далъ имъ ту казну на руки съ росписью.

А для прокормления до Москвы по указу великого государя дано въ Енисѣйскомъ изъ меньшихъ товаровъ посланнику на 300 рублевъ, дворяномъ и гречаномъ и подъячимъ изъ меньшихъ же товаровъ дано по 100 рублевъ, а что за тѣмъ осталось, и то все взято на великого государя. . . . . .

. . . . . .

